

СОДЕРЖАНИЕ

ФАРМАКОЛОГИЯ

Тобоев Г.В., Кокоев В.А., Коцоева Г.А. Использование медикаментозной коррекции регенераторной активности костной ткани при переломах нижней челюсти у лиц с хронической алкогольной интоксикацией..... 3

МЕДИЦИНА. ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДЫ

Руденко Е.Е., Коган Е.А., Демуря Т.А. Трифонова Н.С., Жарков Н.В. Особенности экспрессии HLA-DR в плаценте при развитии преэклампсии на фоне экстракорпорального оплодотворения с применением донорской яйцеклетки..... 7

Степанов Д.А., Лейбенко В.С., Мунина Н.Н., Янгулов Т.Ф., Степанов Е.А. Субантральная аугментация: методики проведения, возможные осложнения 11

ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ И СПОРТИВНАЯ МЕДИЦИНА, ЛЕЧЕБНАЯ ФИЗКУЛЬТУРА, КУРОРТОЛОГИЯ И ФИЗИОТЕРАПИЯ

Никонов Н.Б., Никонова Л.А., Никонова Ф.Н., Хамадьянова А.У. Клеточно-молекулярная теория обоснования эффективности методики Никонова Н.Б. по восстановлению пациентов при детском церебральном параличе и спастическому тетрапарезу 14

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Кузванова А.Л., Смолина Е.Г. Управленческая практика в сфере взаимодействия органов исполнительной власти и населения в интернет-пространстве: экспертная оценка и общественное мнение (на материалах г. Волгограда) 21

Мусев О.Х. Теоретико-методологические ориентиры в изучении социальной защиты пожилого населения 26

Титова Д.В. Принципы тайм-менеджмента в управленческой деятельности руководителей бизнес-организации 33

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Протасов С.Ю., Дарибазарон Э.Ч. Массовое сознание и социальные медиа: взаимодействие и противостояние 37

Тамицкая Е.Н. Дрейф дискурсов региональной политики памяти в постсоветской России (на примере Архангельской области) 41

Храмова Н.А., Филиппов А.Г. Психосемантические методы оценки трансформации сознания в коррупционном пространстве 46

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Денисов В.А. Философский аспект аналитической психологии К. Юнга 51

Попов В.В., Музыка О.А. Конструктивизм ценностного и целерационального аспектов деятельностного подхода к философии инклюзии..... 55

Сизинцев П.В. Понятие о личности в философско-религиозном наследии русского мыслителя И.В. Киреевского (1806–1856) 58

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-76398 от 26.07.2019
Индекс Роспечати 65002
ISSN 2686-9365

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель: ООО «Городец»
Издается с 2010 года
Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: fapz@list.ru Сайт: www.medsociofil.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аверин Юрий Петрович, д-р соц. наук, проф., зав. кафедрой Методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **Агапов Платон Валериевич**, канд. соц. наук, доц., МГУ имени М.В. Ломоносова; **Алиханов Халлар Абу-муслимович**, д-р мед. наук, проф., Государственная классическая академия им. Маймонида; **Алиханов Багдади Абу-муслимович**, д-р мед. наук, проф., Центральная клиническая больница РАН; **Афресян Рубен Грантович**, д-р филос. наук, проф., заведующий сектором этики Института философии РАН; **Багдасарьян Надежда Гегамовна**, д-р филос. наук, проф., МГУ им. Н.Э. Баумана; **Барков Сергей Александрович**, д-р соц. наук, проф., завкафедрой социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **Бородин Владимир Иванович**, д-р мед. наук, проф., терапевтический центр «Гранат»; **Бурмыкина Ирина Викторовна**, д-р соц. наук, проф., Липецкий государственный педагогический университет; **Волков Юрий Григорьевич**, д-р филос. наук, проф., научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета; **Грабельных Татьяна Ивановна**, д-р соц. наук, проф., Иркутский государственный университет; **Григорьев Святослав Иванович**, д-р соц. наук, проф., чл.-корр. РАН; **Дмитриев Анатолий Васильевич**, д-р филос. наук, проф., чл.-корр. РАН, гл. научный сотрудник Института социологии РАН; **Добренков Владимир Иванович**, д-р филос. наук, проф., завкафедрой истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **Добренкова Екатерина Владимировна**, д-р соц. наук, проф., первый проректор Международной Академии Бизнеса и Управления; **Желтов Виктор Васильевич**, д-р филос. наук, проф., декан факультета политических наук и социологии Кемеровского государственного университета; **Калпунова Вера Юрьевна**, д-р мед. наук, гл. научный сотрудник НИО «Метаболический синдром» НИЦ Московского мед. исследовательского ун-та им. И.М. Сеченова; **Кравченко Альберт Иванович**, д-р филос. наук, проф., ведущий научный сотрудник, МГУ имени М.В. Ломоносова; **Мамедов Агамали Кулам-Оглы**, д-р соц. наук, проф., завкафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **Маршак Аркадий Львович**, д-р филос. наук, проф., главный научный сотрудник Института социологии РАН; **Найдыш Вячеслав Михайлович**, д-р филос. наук, проф., завкафедрой онтологии и теории познания Российского ун-та дружбы народов; **Овсянников Сергей Александрович**, д-р мед. наук, проф., МГМСУ; **Осипов Александр Михайлович**, д-р соц. наук, проф., главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; **Петров Владимир Николаевич**, д-р соц. наук, проф., заведующий кафедрой социологии Кубанского государственного университета; **Петрова Татьяна Эдуардовна**, д-р соц. наук, проф., кафедры социологии молодежи и молодежной политики Санкт-Петербургского государственного университета; **Пятницкий Николай Юрьевич**, канд. мед. наук, доц., в.н.с. ФГБУН НЦПЗ; **Рахманов Азат Борисович**, д-р филос. наук, социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова; **Садохин Александр Петрович**, д-р культурологии, проф., почетный работник высшего профессионального образования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Самыгин Сергей Иванович**, д-р соц. наук, проф., Южный федеральный университет; **Силласте Галина Георгиевна**, д-р филос. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, завкафедрой «Социология» Финансового университета при Правительстве РФ; **Сычев Андрей Анатольевич**, д-р филос. наук, проф., кафедра философии Мордовского государственного ун-та им. Н.П. Огарева; **Терентьев Александр Александрович**, д-р мед. наук, проф., чл.-корр. РАН, проф. кафедры биохимии Российского исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсутович, ректор Казахского университета инновационных и телекоммуникационных систем (КазИИТУ), д-р тех. наук, проф., академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН; **Вукичевич Слободан**, проф., факультет философии, Университет Черногории; **Кропп Фредрик**, декан факультета Монтеррейского университета (США); **Митрович Любша**, проф., факультет философии, Университет г. Ниш (Сербия); **Титаренко Лариса Григорьевна**, д-р соц. наук, проф., факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет (Республика Беларусь); **Фарро Антимо Луиджи**, проф., д-р социологии, Римский университет Сапиенца; **Чжан Шухуа**, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая; **Соколова Галина Николаевна**, д-р филос. наук, проф., заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси (Минск); **Ари Палениус**, проф., директор кампуса г. Керва Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия); **Джун Гуан**, проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай); **Лай Дешенг**, проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай); **Марек Вочозка**, проф., ректор Техико-экономического института в Чешских Будейовицах (Чехия); **Христиан Мундт**, доктор медицины, директор психиатрической клиники (г. Гейдельберг, Германия); **Она Гражина Ракаускиене**, проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)

Главный редактор:
Бородин В.И., д-р мед. наук, проф.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Подписано в печать: 14.02.2020 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

TABLE OF CONTENTS

PHARMACOLOGY

Toboev G.V., Kokoev V.A., Kotsoeva G.A. Use of medicinal correction of regenerative activity of bone tissue in fractures of the lower jaw in persons with chronic alcohol intoxication 3

THE MEDICINE. APPLIED RESEARCH AND METHODS

Rudenko E.E., Kogan E.A., Demura T.A., Trifonova N.S., Zharkov N.V. Features of HLA-DR expression in the placenta during the development of preeclampsia against the background of in vitro fertilization using a donor egg 7

Stepanov D.A., Leibenko V.S., Munina N.N., Yangulov T.F., Stepanov E.A. Subantral augmentation: methods of carrying out, possible complications 11

RESTORATIVE AND SPORTS MEDICINE, TREATMENT PHYSICAL CULTURE, CURORTOLOGY AND PHYSIOTHERAPY

Nikonov N.N., Nikonova L.A., Nikonova F.N., Khamadyanova A.U. Cell-molecular theory to substantiate the effectiveness of N.B. Nikonov method for the recovery of patients with cerebral palsy and spastic tetraparesis 14

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT

Kuzevanova A.L., Smolina E.G. Management practice in the sphere of interaction between executive authorities and population on the internet space: experts evaluation and public opinion (on the materials of Volgograd) 21

Museve A.K. Theoretical and methodological guidelines in the study of social protection of the elderly 26

Titova D.V. Principles of time management in the management activities of the heads of a business organization 33

SOCIOLOGY: THEORY, BASIC CONCEPTS, MODERN APPROACHES

Protasov S.Y., Daribazaron E. Ch. Mass consciousness and social medias: co-operation and opposition 37

Tamitskaya E.N. Drifting discourses of the regional memory politics in post-soviet Russia (using the example of the arkhangel'sk region) 41

Khramova N.A., Filippov A.G. Psychosocial methods of assessing the transformation of consciousness in corruption space 46

PHILOSOPHICAL WORLDWIDE

Denisov V.A. The philosophical aspect of analytical psychology C. Jung 51

Popov V.V., Musika O.A. Constructivism of the value and goal-oriented aspects of the activity approach to the philosophy of inclusion 55

Sizintsev P.V. Title of the article: The concept of personality in the philosophical and religious heritage of the Russian thinker I.V. Kireevsky (1806–1856) 58

Использование медикаментозной коррекции регенераторной активности костной ткани при переломах нижней челюсти у лиц с хронической алкогольной интоксикацией

Тобоев Георгий Владимирович,

доктор медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой стоматологии № 2, Северо-Осетинская государственная медицинская академия
E-mail: tobayev79@mail.ru

Кокоев Владислав Анатольевич,

аспирант кафедры стоматологии № 2, Северо-Осетинская государственная медицинская академия
E-mail: slava.kokoyev@mail.ru

Коцоева Галина Айтеговна,

студент, Северо-Осетинская государственная медицинская академия
E-mail: okazarina73@mail.ru

Цель – клиничко-морфологическая оценка регенераторной активности костной ткани при переломах нижней челюсти на фоне хронической алкогольной интоксикации и разработка эффективного метода ее медикаментозной коррекции. Количество больных – 120 (114 мужчин и 6 женщин), в возрасте от 18 до 58 лет с переломами нижней челюсти, все злоупотребляли алкоголем. Пациенты разделены на две группы по 50 человек с учетом проводимого лечения. Экспериментальное исследование было проведено на 100 белых крысах линии «Wistar» массой 180–200 грамм. Проведенное исследование больных с переломами нижней челюсти, свидетельствует о рано наступающих изменениях репаративной регенерации костной ткани при хронической алкогольной интоксикации, степень которых зависит не только от характера повреждения, но и от проводимого лечения больных. Существует необходимость назначения больным не только противовоспалительной терапии, но и комплекса препаратов, направленных на урегулирование общесоматических изменений в организме.

Ключевые слова: хроническая алкогольная интоксикация, перелом нижней челюсти, противовоспалительная терапия.

Переломы нижней челюсти занимают видное место в структуре травм костей лицевого скелета. Технический прогресс в стоматологии и челюстно-лицевой хирургии не привел к желаемому снижению числа больных с данной патологией; наоборот, частота переломов костей лицевого скелета имеют явную тенденцию к росту [1, С. 57; 2, С. 567].

По данным разных авторов, количество пострадавших с данной патологией со временем не уменьшается и составляет от 6 до 17% от всех пациентов, находящихся на лечении в стационарах. Также убедительно доказано, что увеличение риска переломов достоверно связано с изменением качества костной ткани при злоупотреблении алкоголем. Переломы костей лицевого скелета, полученные в алкогольном опьянении, занимают особое место в структуре травм челюстно-лицевой области. Достаточно часто наблюдается развитие гнойно-воспалительных осложнений в области линии перелома у данного контингента больных [3, С. 167; 4, С. 21].

Хроническая алкогольная интоксикация (ХАИ) этанолом, длящаяся годами, приводит к возникновению разнообразных патоморфологических структурных изменений в органах и системах организма человека [3, С. 182].

Среди многочисленных проблем, встречающихся у больных с травматическими повреждениями костей лицевого скелета, особое место занимают вопросы, связанные с регенерацией костной ткани, в особенности у лиц, злоупотребляющих алкоголем. Как известно, одним из метаболических эффектов этанола является повышение перекисного окисления липидов на фоне подавления антиоксидантной системы клетки. При этом, необходимо учесть, что повреждение костей влечет за собой нарушение микроциркуляции и развитие ишемии костной ткани, что создает неблагоприятные условия для репаративной регенерации [4, С. 20; 5, С. 114].

Таким образом, при травматическом переломе челюстных костей у лиц с пагубным злоупотреблением алкоголем мы имеем сочетание двух неблагоприятных для формирования костной мозоли факторов и последующей ее перестройкой процессов, что сказывается на сроках сращения [6, С. 62].

Ввиду большого числа таких пациентов и их госпитализации эта проблема является актуальной, требующей комплексного, в том числе экспериментального изучения. Необходимо обосновать снижение регенеративной активности вследствие хронической алкоголизации и на достоверном материале выявить возможность коррегирующего влияния препаратов на метаболические процессы.

Целью работы являлось клинико-морфологическая оценка регенераторной активности костной ткани при переломах нижней челюсти на фоне ХАИ и разработка эффективного метода ее медикаментозной коррекции.

Количество больных с переломами нижней челюсти за последние три года среди стационарных больных отделения ЧЛХ РКБ РСО-Алания составило 378 человек, среди них пациентов с признаками хронической алкогольной интоксикации – 120 (114 мужчин и 6 женщин), в возрасте от 18 до 58 лет с переломами нижней челюсти, все злоупотребляли алкоголем. Пациенты разделены на две группы по 50 человек с учетом проводимого лечения.

Проведено комплексное клинико-лабораторное обследование и лечение 120 больных Переломы нижней челюсти встречаются в основном у мужчин. Более половины обследованных – лица среднего трудоспособного возраста. У больных проведен анализ и систематизированы клинические проявления заболеваний. В большинстве случаев повреждения локализовались в области угла нижней челюсти и в ментальном отделе.

Лабораторное исследование включало в себя общий анализ крови и мочи, биохимический анализ крови, рентгенологическое или КТ исследование.

Диагностика хронической алкогольной интоксикации проводилась по схеме: сбор анамнеза, УЗИ внутренних органов на наличие признаков хронического индуративного панкреатита, ЭКГ признаки характерные для алкогольной кардиомиопатии. Пациентам предлагался тест-опросник, разработанный в 1982 году Всемирной Организацией Здравоохранения, помогающий выявить людей, страдающих алкоголизмом.

Первой группе больных проводилось стандартная комплексная терапия, включающая хирургическое лечение перелома нижней челюсти – остеосинтез титановыми минипластинами фирмы «Конмет», общеукрепляющая и антибиотикотерапия, физиолечение.

Остеосинтез, как метод хирургического лечения выбирался с учетом таких факторов, как сложность перелома и вероятность нарушения режима и самопроизвольного удаления назубных конструкций.

Исходя из особенностей патогенеза, в качестве препарата перспективного в плане оксидативного эффекта пациенты второй группы в дополнение к стандартному лечению получали препарат «Ацизол» в дозе 60 мг в/м 1 раз в сутки в течении 7 дней, начиная с первых суток поступления в стационар.

Ацизол – антидот угарного газа, снижает потребность организма в кислороде, способствует повышению устойчивости к гипоксии органов, наиболее чувствительных к недостатку кислорода: головного мозга, миокарда, печени, мягкие ткани и кости.

Была сформирована третья группа больных из 20 человек с аналогичными показателями, которые в дополнение к стандартной терапии получали препарат «Аскурутин» в средней дозировке (активный плацебо-контроль). Клинически у больных определяли динамику субъективных показателей (общее состояние, болевой синдром), объективных данных выявленных при осмотре (признаки воспаления, состояния мягких тканей в послеоперационной зоне, рентгенологических данных состояния отломков и динамика формирования мозоли), а также динамика лабораторных показателей (лейкоцитоз, ферментемия). Подсчитывалось среднее время пребывания на лечении, количество и спектр осложнений.

Экспериментальное исследование было проведено на 100 белых крысах линии «Wistar» массой 180–200 гр.

Для воспроизведения алкогольной интоксикации опытной группе животных в течении всего срока эксперимента ежедневно внутривенно вводился 48% раствор этилового спирта в дозе 4,2 мг/кг и один раз в четыре дня суспензия тетурама на 48% спирте в дозе 25 мг/кг веса. Особенность данной методики, разработанной для воспроизведения алкогольной кардиомиопатии, позволяет в короткие сроки воспроизвести характерные для хронической алкогольной интоксикации повреждения.

Контрольной группе животных внутривенно вводилась суспензия тетурама на водопроводной воде в той же дозировке в аналогичные по длительности сроки, что и опытным животным (активный контроль).

30 животным на фоне введения этанола с тетурамом вводился внутримышечно ацизол в дозе 2,5 мг/кг. веса в течение всего срока эксперимента.

Имелась группа из 10 животных которым не осуществлялось введение никаких растворов и суспензий.

Животным опытных и контрольных групп под эфирным наркозом на бедренной кости иссекался участок длиной 5 мм глубиной до половины диаметра кости. Края разреза мягких тканей сопоставляли угловыми швами. Для изучения регенераторного процесса в костной ткани в динамике животные выводились из эксперимента на 3, 6, 20 и 45 сутки. Участок костного дефекта вырезался, подвергался декальцинации с последующей заливкой в парафин и приготовлением срезов толщиной 3 мкм. Срезы окрашивались гематоксилином и эозином, по Ван-Гизону. Также проводилось ИГХ исследование Ki 67.

Все животные содержались и выводились из эксперимента в соответствии с правилами работы с лабораторными животными.

Для ИГХ окрашивания применялось оборудование и реактивы « Thermo Scientific», включая растворы антител, системы детекции и буферные растворы. В гистологических препаратах при окраске гематоксилином и эозином изучали скорость очищения от некротических масс, время формирования соединительно-тканной и костных мозолей. В препаратах окрашенных антителами Ki67 в экспериментальном материале подсчитывали количество Ki67 + клеток в 10 полях зрения х 400 при формировании соединительно-тканной и костной мозоли в эксперименте.

Результаты всех экспериментальных исследований были статистически обработаны с применением критерия «t» Стьюдента методом вариационного анализа, с помощью программы Statistica 6.0

В эксперименте сравнения течения репаративных процессов показало, что при алкогольной интоксикации формирование костной заместительной ткани во всех случаях протекало медленнее. Макроскопически у животных контрольной группы на третьи сутки участок дефекта был прикрыт грануляциями, гематома полностью регрессировала и не определялась невооруженным взглядом. Грануляции у группы с алкогольной интоксикацией были выражены намного слабее, у 60% животных определялись участки сохранившейся гематомы. Группа животных, которым параллельно с алкоголем вводился ацизол, макроскопически на третьи сутки была ближе к контрольной группе. Однако гистологически определялись участки некроза не подвергшиеся резорбции и мелкие участки кровоизлияний, которых у животных контрольной группы не было. На 6 сутки у животных, алкоголизированных животных и группы ацизола визуально не отличались, однако выраженность ангиоматоза была выше в контрольной группе и группе ацизола, количество остеобластов и хондробластов в поле зрения также было выше. Макроскопически у животных контрольной группы и группы с ацизолом мазоль была красноватого цвета, в группе у алкоголизированных животных – сероватого цвета.

Гистологическое исследование в контрольной группе на третьи сутки элементы грануляционной ткани преобладали над воспалительными элементами, участки некроза в некоторых случаях не определялись. В группе с алкогольной интоксикацией преобладали фрагменты некротизированной кости, а также большое количество макрофагов.

На 6 сутки в контроле преобладали хондробласты и имелись остеобласты. В группе с алкогольной интоксикацией и ацизолом в основном преобладали волокна и сосудистый компонент, регенерация костной ткани представлена минимально.

Через 20 суток после травматического воздействия в контрольной группе в большом объеме отмечались участки формирующейся костной ткани. В группе животных с алкоголизацией структур костной ткани было меньше, они не имели трабекулярного строения. В группе с ацизолом состоя-

ние костной мозоли в этом сроке можно назвать промежуточным. Площадь костной ткани ближе к контролю, однако формирование трабекулярных структур по объему было аналогичным группе с алкогольной интоксикацией. Через 45 суток в контрольной группе наблюдалось восстановление архитектоники кости во всех случаях. Отмечались хорошо развитые трабекулы и сформированные гаверсовы каналы у большинства животных. В первой опытной группе большая часть препаратов содержала костную ткань с разнонаправленными трабекулами разной толщины, местами с признаками резорбции. У животных, получавших ацизол в большинстве случаев определялись структуры с восстановленной архитектурой кости.

При иммуногистохимическом исследовании на 3 и 6 сутки были выявлены достоверные различия в содержании Ki67 положительных клеток в участках регенерации. Так, у алкоголизированных крыс эндотелий сосудов и грануляционная ткань в первых двух точках эксперимента Ki67 положительные клетки определялись в количестве 2,0 в 10 полях зрения. При этом у животных в контроле и при применении ацизола данный параметр составил 3,8 и 4,3 соответственно.

В более поздние сроки достоверных различий не было выявлено, что подтверждает данные литературы о генезе и механизмах развития гипоксии в поврежденных тканях. Это позволяет говорить о том, что корректирующий эффект ацизола реализуется максимально на ранних стадиях репаративного процесса.

При сравнении данных больных первых двух групп отмечались следующие явления. У больных группы «Ацизола» в послеоперационном периоде отмечали субъективно уменьшение болевого синдрома и улучшение общего состояния в 43 случаях из 50, что составило 86%. Также в схожем количестве случаев отмечалось более раннее снижение числа лейкоцитов (42 пациента) и трансасминаз сыворотки крови (45 пациента).

Рентгенологически формирование мозоли и снижение признаков воспаления в послеоперационном периоде, определяемого объективно в зоне перелома наступало у больных группы ацизола на 4–5 дней раньше чем у контрольной группы. Динамика показателей в группе активного контроля не отличалось от первой группы.

Таким образом, проведенное исследование больных с переломами нижней челюсти, свидетельствует о рано наступающих изменениях репаративной регенерации костной ткани при хронической алкогольной интоксикации, степень которых зависит не только от характера повреждения, но и от проводимого лечения больных.

Анализ результатов убедительно свидетельствует о необходимости назначении больным не только противовоспалительной терапии, но и комплекса препаратов, направленных на регулирование общесоматических изменений в организме.

Литература

1. Radabaugh J.P. Patient compliance following isolated mandibular fracture repair. *Laryngoscope*. 2017. Mar 21. – P. 56–58.
2. Lee K.H. Epidemiology of mandibular fractures in a tertiary trauma centre. *Emem.Med.* 2008. – № 25. – P. 565–568.
3. Арзуманов Ю.Л. Психофизиологические основы алкоголизма и наркомании. М.: Издатель Гайнуллин. 2001. 220 с.
4. Арутюнян Д.Г. Лечение переломов нижней челюсти // *Colloquium-journal*. 2019. – № 9. – С. 20–21.
5. Дмитриев В.В. Регенерация при переломах нижней челюсти на фоне дисплазии соединительной ткани: индикаторы обмена коллагена и виды котной мозоли // *Омский научный вестник*. 2011. № 1. – С. 113–115.
6. Лепилин А.В. Анализ причин развития осложнений переломов нижней челюсти // *Парадонтология*. 2017. – № 3. – С. 60–63.

USE OF MEDICINAL CORRECTION OF REGENERATIVE ACTIVITY OF BONE TISSUE IN FRACTURES OF THE LOWER JAW IN PERSONS WITH CHRONIC ALCOHOL INTOXICATION

Toboev G.V., Kokoev V.A., Kotsoeva G.A.
North Ossetian State Medical Academy

The goal is a clinical and morphological assessment of the regenerative activity of bone tissue in fractures of the lower jaw against a background of chronic alcohol intoxication and the development of an effective method for its medical correction. The number of patients – 120 (114 men and 6 women), aged 18 to 58 years with fractures of the lower jaw, all abused alcohol. Patients are divided into two groups of 50 people, taking into account the treatment. An experimental study was conducted on 100 white Wistar rats weighing 180–200 grams. A study of patients with fractures of the lower jaw indicates early onset changes in the reparative regeneration of bone tissue in chronic alcohol intoxication, the degree of which depends not only on the nature of the damage, but also on the treatment of patients. There is a need for prescribing to patients not only anti-inflammatory therapy, but also a complex of drugs aimed at resolving general somatic changes in the body.

Keywords: chronic alcohol intoxication, fracture of the lower jaw, anti-inflammatory therapy.

References

1. Radabaugh J.P. Patient compliance following isolated mandibular fracture repair. *Laryngoscope* 2017. Mar 21. – P. 56–58.
2. Lee K.H. Epidemiology of mandibular fractures in a tertiary trauma center. *Emem.Med.* 2008. No. 25. – P. 565–568.
3. Arzumanov Yu.L. Psychophysiological basis of alcoholism and drug addiction. M.: Publisher Gainullin. 2001. – 220 p.
4. Harutyunyan D.G. Treatment of fractures of the lower jaw // *Colloquium-journal*. 2019. – No 9. – P. 20–21.
5. Dmitriev V.V. Regeneration of fractures of the lower jaw on the background of connective tissue dysplasia: indicators of collagen metabolism and types of cat corn // *Omsk Scientific Bulletin*. 2011. No. 1. – P. 113–115.
6. Lepilin A.V. Analysis of the causes of complications of fractures of the lower jaw // *Periodontology*. 2017. – No. 3. – P. 60–63.

Особенности экспрессии HLA-DR в плаценте при развитии преэклампсии на фоне экстракорпорального оплодотворения с применением донорской яйцеклетки

Руденко Екатерина Евгеньевна,

аспирант, ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова»
E-mail: redikor2@yandex.ru

Коган Евгения Александровна,

доктор медицинских наук, профессор, ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова»
E-mail: koganevg@gmail.ru

Демура Татьяна Александровна,

профессор, ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова»
E-mail: uursula90@gmail.com

Трифоновна Наталья Саятовна,

кандидат медицинских наук, доцент, ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова»
E-mail: trifonova.nataly@mail.ru

Жарков Николай Владимирович,

кандидат биологических наук, ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова»
E-mail: nickzharkov@mail.ru

Беременности, наступившие в результате применения ЭКО с донорскими ооцитами представляют интересную модель для изучения сложных иммунологических взаимодействий между плодом и беременной женщиной. Среди осложнений, развивающихся на фоне аллогенной беременности, большой процент занимают гипертензивные состояния, в частности, преэклампсия (ПЭ). Современной теории патогенеза ПЭ уделяют большое внимание иммунным механизмам и реакциям нарушения иммунологической толерантности в системе мать-плод. Данное исследование продемонстрировало формирование на фоне ПЭ иммунного повреждения структур плаценты, а также увеличение количества HLA-DR+ дендритных клетках в местах контакта материнских и плодовых тканей, что с одной стороны, подтверждает иммунные механизмы развития ПЭ, а с другой позволяет говорить об аллогенной беременности как о факторе риска развития ПЭ.

Ключевые слова: донорский ооцит, аллогенная беременность, дендритные клетки, HLA-DR, иммунологическая толерантность.

Введение

Беременности, наступившие в результате применения ЭКО с донорскими ооцитами являются уникальными, так как весь геном плода является полностью аллогенным для матери. Существуют две программы с донорскими ооцитами – суррогатное материнство (СМ) и донация ооцитов (ДО). Данные беременности представляют интересную модель для изучения сложных иммунологических взаимодействий между плодом и беременной женщиной. Несмотря на продолжающийся рост числа беременностей по программе донорства ооцитов, относительно мало известно о механизмах, лежащих в основе акушерских осложнений этих беременностей [1]. Среди них, большой процент занимают гипертензивные осложнения беременности, в частности, преэклампсия (ПЭ). Рядом авторов было показано, что частота развития ПЭ при донации ооцитов достигает 27,4% и 25,4% соответственно, а при суррогатном материнстве 6,4 и 7,6% соответственно [2]. Возможно, высокий риск осложнений связан с нарушением иммунологической толерантности в системе мать-аллогенный плод.

Успех ЭКО с аллогенной яйцеклеткой напрямую связан с иммунологическими особенностями как материнского организма, так и переносимой бластоцисты [3]. В данном контексте представляет значительный интерес детектируемый рецептор HLA-DR+ на поверхности дендритных клеток, поскольку он отражает не только популяционный и субпопуляционный состав лимфоцитов, но и является «активационным» маркером, выражающим активный иммунный ответ на чужеродный антиген. По данным литературы, антигены HLA-DR, DQ и DP функционируют в генетическом ограничении иммунного ответа, подавлении функции CD8+ клеток, а также HLA-DR1 является маркером высокого уровня иммунных параметров патологии (Е.Н. Бараболова, 1994). HLA-DR+ клетки были идентифицированы в плаценте в трех областях: субэпителиальном слое амниона, децидуальной ткани и строме ворсин хориона. Большинство дендритных клеток имеют характерную звездообразную форму за счет цитоплазматических выростов. В строме ворсин эти клетки можно отличить от клеток Гофбауэра (плацентарные макрофаги) по их морфологии, более выраженной экспрессии HLA-

DR и отсутствию лизосомальной ферментативной активности [4]. Представляет особый интерес изучение степени экспрессии HLA-DR в структурах плаценты на фоне аллогенной беременности, как показателя напряженности иммунных процессов в системе мать-плод.

Материалы и методы

В ряд морфологических исследований были включены 59 пациенток, среди них 39 пациенток, беременность которых наступила в результате ЭКО с донорской яйцеклеткой с развитием ПЭ тяжелой и средней степени тяжести (18 в программе суррогатного материнства и 21 в программе донорской ооцитоз), в группу сравнения вошло 20 пациенток, беременность которых наступила в результате ЭКО с донорской яйцеклеткой без осложнений (8 в программе суррогатного материнства и 12 в программе донорской ооцитоз). Критериями включения в группу исследования стали: одноплодная беременность, родоразрешение в сроки гестации более 34 недель, отсутствие тяжелых экстрагенитальных патологий, клинически подтвержденная ПЭ тяжелой степени или средней степени тяжести, а также осложнений беременности с хорошо изученным патогенезом (антифосфолипидный синдром, наследственные формы тромбофилии и т.д.) Морфологическое исследование выполнено на материале плацент (плацентарный диск), полученных после родоразрешения путем кесарева сечения или через естественные родовые пути.

Гистологическое исследование проводилось на парафиновых срезах плацент и плацентарного ложа, окрашенных гематоксилином и эозином.

Иммуногистохимическое исследование выполнялось на парафиновых срезах, изготовленных из материала плацентарного диска и плацентарного ложа. Иммуногистохимические реакции проводились на депарафинированных срезах толщиной 4–5 мкм, расположенных на стеклах, покрытых полилизинным слоем (Menzel Glaser Polylysine, Германия). Демаскировку проводили в водяной бане с микропроцессором PT Module (Thermo Scientific, США). Для блокировки эндогенной пероксидазы стекла инкубировали в течение 10 минут с ингибитором пероксидазы, после чего срезы ополаскивали в фосфатном буфере (pH 7,0–7,6) и для блокирования неспецифических белковых взаимодействий инкубировали с Ultra-V-Block (LabVision, USA) в течение 30 минут. По окончании инкубации излишки реагента аккуратно стряхивали со стекла и наносили первичные антитела. В качестве первичных антител использовали мышиные антитела к общему цитокератину (клон AE1/AE3) (Dako, разведение 1:50) и мышиные антитела к HLA-DR (клон TAL.1B5), (Dako, разведение 1:50).

Срезы инкубировали с первичными антителами в течение 30 минут согласно предусмотренной фирмой производителем спецификации к антителу. После завершения инкубации срезы тщательно отмывали в фосфатном буфере (pH 7,0–7,6)

от первичных антител, не связавшихся с эпитопами. Для выявления первичных антител, связавшихся с соответствующими антигенами, использовали универсальную полимерную систему Histofine® Simple Stain MAX PO (MULTI) (Nichirei, Япония). По окончании инкубации срезы ополаскивали в фосфатном буфере (pH 7,0–7,6). Для визуализации места связывания антитела с антигеном использовали реакцию окисления субстрата 3,3-диаминобензидина (ДАБ) пероксидазой хрена в присутствии перекиси водорода (N-Histofine® DAB-2V, Nichirei, Япония). Стекла дегидратировали в батарее, состоящей из дистиллированной воды, спиртах восходящей концентрации (70%, 80%, 95%, абсолютный спирт) и 3-х ксилолов. После чего срезы покрывали покровными стеклами с использованием синтетической среды BioMount.

При постановке иммуногистохимических реакций в обязательном порядке ставили положительные и отрицательные контроли. В качестве отрицательных контролей брали образцы исследуемых срезов, которые подвергались стандартной процедуре ИГХ исследования, но без инкубации с первичными антителами. Положительный контроль для каждого антитела отбирали в соответствии с рекомендациями производителя антител.

Положительной считалась выраженная цитоплазматическая экспрессия маркера HLA-DR дендритными клетками, количество которых подсчитывалось на 10 полей зрения.

Статистическая обработка полученных результатов проводилась с использованием непараметрических методов оценки статистической значимости, ориентированных на сравнение двух или более выборок между собой, такие как Критерий χ^2 . Для определения статистической значимости различий средних величин в случаях сравнения независимых выборок применялся t-критерий Стьюдента, из непараметрических методов применялся критерий Манна-Уитни. Утверждение о различии сравниваемых выборок считалось справедливым, если вероятность составляла $*p < 0,05$.

Результаты исследования

Изменения характерные для плацент при развитии преэклампсии были обнаружены как в исследуемых группах, так и в группе сравнения. К ним относились выраженные компенсаторно-приспособительные реакции (синцитиальные узелки, повышенная капилляризация терминальных ворсин, гиперплазия синцитио-капиллярных мембран), а также признаки материнской мальперфузии (афункциональные зоны, ишемические инфаркты, диссоциированное развитие котиледонов, гипоплазия терминальных ворсин), наибольшую выраженность эти признаки имели в группе сравнения, т.е. симптомы преэклампсии в группе аллогенной ЭКО-СМ и ЭКО-ДО протекали на фоне более благополучного состояния плаценты. Для пациенток с преэклампсией тяжелой степени были характерны выраженные признаки декомпенсации плацентарных функций: резко вы-

раженные инволютивно-дистрофические изменения (массивные отложения перивиллезного фибриноида с формированием псевдоинфарктов, кальциноз, склероз ворсин, редукция кровеносных сосудов). Также нами были обнаружены признаки постплацентарной гипоксии, клинически соответствующие тяжелой преэклампсии в виде ангиоматоза терминальных ворсин, гиперплазии синцитиальных узелков, а также утолщения синцитио-капиллярных мембран (изменения Tenney Parker).

Основным отличием плацент в группах исследования стала высокая выраженность иммунных поражений: лимфоплазматический базальный децидуит, хронический париетальный децидуит, перивиллезный фибриноид с лимфо-гистиоцитарными клетками, виллит неизвестной этиологии и массивные отложения фибриноида в структурах плаценты. Было показано достоверное изменение указанных выше признаков для подгрупп с развитием ПЭ (табл. 1).

Таблица 1. Полуколичественная оценка выраженности воспалительных процессов структурах плаценты в группах СМ и ДО (U-критерий Манна-Уитни)

	СМ норма n=18	ДО норма n=21	СМ ПЭ n=8	ДО ПЭ n=12
Лимфоплазматический децидуит	1,54±0,66	1,67±0,78	2,25±0,96*	2,3±0,48*
Хронический париетальный децидуит	1,46±0,52	1,3±0,9	2,1±0,58*	2,6±0,53*
Перивиллезный фибриноид с ЛГИ	1,38±0,51	0,75±0,75	2,75±0,5*	1,8±0,79*
Виллит неизвестной этиологии	0,17±0,51	0,19±0,34	1,25±0,89*	1,0±0,95*
Массивные отложения фибриноида в маточно-плацентарной области	1,62±0,5	1,76±0,65	2,6±0,55*	2,8±0,92*

* Различия, статистически достоверные по сравнению с группами без ПЭ, p<0,05

В плацентах HLA-DR определялся в децидуальной ткани, а также в строме ворсин. По данным литературы [3] дендритные клетки ворсин имеют плодное происхождение. HLA-DR положительные клетки ворсин определялись как многоотростчатые клетки с крупным просветленным ядром, с диффузным коричневым цитоплазматическим окрашиванием, располагающиеся в строме промежуточных ворсин. В терминальных ворсинах дендритные клетки не были определены. Также увеличенное количество дендритных клеток определялось в очагах перивиллезного фибриноида. В децидуальной ткани дендритные клетки располагались диффузно, с незначительной концентрацией в очагах нарушения целостности децидуи, участках кровоизлияний. Однако отличить дендритные клетки от резидентных макрофагов

в этой области весьма затруднительно. Было показано достоверное увеличение количества HLA-DR положительных клеток в группах с развитием ПЭ (табл. 2).

Таблица 2. Экспрессия HLA-DR в структурах плацент в группах СМ и ДО (t-критерий Стьюдента)

	СМ норма n=18	ДО норма n=21	СМ ПЭ n=8	ДО ПЭ n=12
HLA-DR+дендритные клетки ворсин	9.25±4.65	8.75±2.99	21.20±1.64*	19.80±4.32*
HLA-DR+дендритные клетки decidua basalis	21.00±1.87	22.6±1.82	31.4±2.07*	32.5±2.07*

* Различия, статистически достоверные по сравнению с группами без ПЭ, p<0,05

Наиболее тесное иммунологическое взаимодействие материнских и плодовых структур происходит на так называемом материнско-плодном интерфейсе [5]. Его элементами являются базальная пластинка (место контакта гравидарного эндометрия и колонн цитотрофобласта), ворсины (контакт синцитиотрофобласта и материнской крови), структуры плацентарного ложа (интерстициальный и эндovasкулярный цитотрофобласт и материнские ткани). Наше исследование подтвердило данные литературы о значительном скоплении HLA-DR+ клеток в местах контакта материнских и плодовых тканей, что говорит о напряженности иммунологических процессов и разворачивании реакции «отторжения трансплантата. HLA-DR – один из антигенов МНС класса II, участвующих в презентации потенциально чужеродных антигенов, при иммунофенотипировании может быть использован в качестве маркера активированных клеток и индикации реакций отторжения трансплантата. HLA-DR экспрессируется антигенпрезентирующими клетками, такими как дендритные клетки, макрофаги, В-лимфоциты, а также активированные Т-лимфоциты и клетки эндотелия. Исследование дендритных клеток в структурах плацент и плацентарных площадках показало, что аллогенная беременность сопряжена с увеличением HLA-DR+ на материнско-плодном интерфейсе при неосложненном течении беременности, что говорит о выраженном иммунном ответе материнского организма на плодовые антигены. При этом увеличение количества дендритных клеток в ворсинах может отражать процессы повреждения синцитиотрофобласта, усиленные при аллогенной беременности, и нарушение проницаемости плацентарного барьера. При развитии ПЭ количество было показано достоверное увеличение количества дендритных клеток в плаценте и плацентарном ложе в подгруппах аллогенной беременности. При исследовании случаев с развитием тяжелой ПЭ в 2х случаях нами было обнаружено резкое уменьшение количества дендритных клеток в структу-

рах плацент (децидуальная ткань и ворсины), что может говорить о тяжелом повреждении плаценты и длительном и интенсивном иммунологическом напряжении, т.к. по данным некоторых исследований снижение количества HLA-DR⁺-клеток свидетельствовало не только о наличии хронического воспалительного процесса, но и могло отражать истощение данного пула, связанного с длительностью патологии, поскольку HLA-DR⁺ является маркером как поздней, так и длительной активации клеток. Современные концепции развития преэклампсии учитывают в первую очередь иммунологические нарушения в системе мать-плод[6], результаты проведенного исследования подтверждают нарушение иммунологической толерантности при развитии ПЭ на фоне аллогенной беременности.

Заключение

При развитии преэклампсии на фоне аллогенной беременности в программах суррогатного материнства и донации ооцитов происходит нарастание тяжести иммуно-воспалительных поражений плаценты и увеличение количества дендритных HLA-DR⁺ клеток в местах контакта материнских и плодовых тканей.

Литература

1. Трифонова Н.С., Жукова Э.В., Ищенко А.И., Александров Л.С. Суррогатное материнство. Исторический обзор, особенности течения беременности и родов. *Российский вестник акушера-гинеколога*. 2015;15:2:49–55. [Trifonova N.S., Zhukova E.V., Ishchenko A.I., Aleksandrov L.S. Surrogate motherhood: A historic review. The specific features of the course of pregnancy and labor. *Rossiiskii vestnik akushera-ginekologa*. 2015;15:2:49–55. (In Russ)]. doi:10.17116/rosakush201515249–55
2. Trifonova N.S., Zhukova E.V., Grineva A.M., Alexandrov L.S., Ishchenko A.I., Nikonov A.P., Soboleva V.V. Clinical features of the course of pregnancy, labor, delivery, and perinatal outcomes in women after in vitro fertilization using donor oocytes. *Rossiiskii vestnik akushera-ginekologa*. 2017; 1:46–52. (In Russ)]. doi: 10.17116/rosakush201717146-52
3. Van der Hoorn M-L, Helmerhorst F., Claas F. Preeclampsia in non donor IVF and egg donation pregnancy: is there a different pathophysiology? *Fertility and Sterility* 2011;95(2):805 e1–3. doi.org/10.1016/j.trim.2011.06.004
4. Sutton L, Mason DY, Redman CW. HLA-DR positive cells in the human placenta. *Immunology*. 1983;49(1):103–112.

5. Kim CJ, Romero R, Kusanovic JP, et al. The frequency, clinical significance, and pathological features of chronic chorioamnionitis: a lesion associated with spontaneous preterm birth. *Mod Pathol* 2010;23:1000–11.
6. Le Bouteiller P, Pizzato N, Barakonyi A, Solier C. HLA-G, pre-eclampsia, immunity and vascular events. *J Reprod Immunol* 2003;59:219–234.

FEATURES OF HLA-DR EXPRESSION IN THE PLACENTA DURING THE DEVELOPMENT OF PREECLAMPSIA AGAINST THE BACKGROUND OF IN VITRO FERTILIZATION USING A DONOR EGG

Rudenko E.E., Kogan E.A., Demura T.A., Trifonova N.S., Zharkov N.V.

FGAOU VO "First Moscow State Medical University named after I.M. Sechenov"

Pregnancies resulting from the use of IVF with donor oocytes are an interesting model for studying complex immunological interactions between a fetus and a pregnant woman. Among the complications developing against the background of allogeneic pregnancy, a large percentage is occupied by hypertensive conditions, in particular, preeclampsia (PE). Modern theories of pathogenesis of PE pay great attention to the immune mechanisms and reactions of impaired immunological tolerance in the mother-fetus system. This study demonstrated the formation of immune damage to the placenta structures against the background of PE, as well as an increase in the number of HLA-DR + dendritic cells at the contact points of maternal and fetal tissues, which, on the one hand, confirms the immune mechanisms of PE development, and, on the other hand, allows talking about allogeneic pregnancy as risk factor for PE.

Keywords: donor oocyte, allogeneic pregnancy, dendritic cells, HLA-DR, immunological tolerance.

References

1. Trifonova N.S., Zhukova E.V., Ischenko A.I., Aleksandrov L.S. Surrogacy. Historical review, features of the course of pregnancy and childbirth. *Russian Bulletin of the Obstetrician-Gynecologist*. 2015; 15: 2: 49–55. [Trifonova N.S., Zhukova E.V., Ishchenko A.I., Aleksandrov L.S. Surrogate motherhood: A historic review. The specific features of the course of pregnancy and labor. *Rossiiskii vestnik akushera-ginekologa*. 2015; 15: 2: 49–55. (In Russ)]. doi: 10.17116 / rosakush201515249-55
2. Trifonova N.S., Zhukova E.V., Grineva A.M., Alexandrov L.S., Ishchenko A.I., Nikonov A.P., Soboleva V.V. Clinical features of the course of pregnancy, labor, delivery, and perinatal outcomes in women after in vitro fertilization using donor oocytes. *Rossiiskii vestnik akushera-ginekologa*. 2017; 1: 46–52. (In Russ)]. doi: 10.17116 / rosakush201717146-52
3. Van der Hoorn M-L, Helmerhorst F., Claas F. Preeclampsia in non donor IVF and egg donation pregnancy: is there a different pathophysiology? *Fertility and Sterility* 2011; 95 (2): 805 e1–3. doi.org/10.1016/j.trim.2011.06.004
4. Sutton L, Mason DY, Redman CW. HLA-DR positive cells in the human placenta. *Immunology* 1983; 49 (1): 103–112.
5. Kim CJ, Romero R, Kusanovic JP, et al. The frequency, clinical significance, and pathological features of chronic chorioamnionitis: a lesion associated with spontaneous preterm birth. *Mod Pathol* 2010; 23: 1000–11.
6. Le Bouteiller P, Pizzato N, Barakonyi A, Solier C. HLA-G, pre-eclampsia, immunity and vascular events. *J Reprod Immunol* 2003; 59: 219–234.

Субантральная аугментация: методики проведения, возможные осложнения

Степанов Дмитрий Алексеевич,

студент, Медицинский институт, Пензенский государственный университет
E-mail: stomsd@yandex.ru

Лейбенко Виктория Сергеевна,

студент, Медицинский институт, Пензенский государственный университет
E-mail: leibenkov@icloud.com

Мунина Наталия Николаевна,

студент, Медицинский институт, Пензенский государственный университет
E-mail: n.munina@yandex.ru

Янгулов Тимур Фаридович,

студент, Медицинский институт, Пензенский государственный университет
E-mail: tim.yangulov@yandex.ru

Степанов Евгений Алексеевич,

аспирант, Медицинский институт, Пензенский государственный университет
E-mail: stepanow.evgenyi95@mail.ru

В настоящее время наиболее эффективным как в функциональном, так и эстетическом аспектах методом восстановления дефектов зубного ряда является дентальная имплантация. К одному из условий ее выполнения относят наличие достаточного объема костной ткани, при дефиците которого проводится субантральная аугментация, представляющая перспективное оперативное вмешательство, обеспечивающее отличные результаты протезирования при различной степени атрофии альвеолярного отростка верхней челюсти. В данной статье рассмотрены методики выполнения субантральной аугментации и осложнений, возникающих в момент проведения операции или в послеоперационный период.

Ключевые слова: синус-лифтинг, субантральная аугментация, осложнения.

Одной из важнейших проблем современной стоматологии, несмотря на крупные достижения медицины, остается восстановление дефектов зубочелюстной системы. Основная роль в устранении нарушений непрерывности зубного ряда принадлежит ортопедии и имплантологии.

Существующие методы протезирования обладают существенными недостатками, среди которых выделяются несколько основных, демонстрирующих неизбежное ухудшение состояния полости рта. При восстановлении одной отсутствующей единицы с помощью мостовидных конструкций радикальные изменения претерпевают два соседних зуба, часто предполагается их депульпирование с последующим obtачиванием, при котором удаляется существенный объем естественных твердых тканей. На опорные зубы переходит нагрузка отсутствующего, что вызывает нарушение физиологических процессов и, со временем, к их утрате. При съемном протезировании давление, оказываемое протезом на слизистую оболочку, физиологически не способную к адекватному восприятию жевательной нагрузки, является фактором, приводящим к атрофии и значительной убыли костной ткани челюстей [1, с. 25–26].

Дентальная имплантация лишена вышеперечисленных недостатков. Она рассматривается как наиболее эффективный как в функциональном, так и эстетическом аспектах метод восстановления дефектов зубного ряда. У большинства пациентов в связи с длительным отсутствием зубов наблюдается дефицит костной ткани, что затрудняет установку имплантатов. В настоящее время для восполнения недостатка объема кости проводится остеопластика.

С проблемой недостаточного объема костной ткани наиболее часто сталкиваются при планировании имплантации на верхней челюсти. Это может быть обусловлено несколькими причинами: 1) атрофия альвеолярного отростка; 2) вариант анатомического строения верхней челюсти (пневматический тип). В подобных клинических ситуациях в 60-х гг. прошлого века L. Linkow для восполнения недостаточного объема костной ткани вводил в верхнечелюстной синус костные блоки. Позже группой врачей было предложено использовать в качестве вводимого под слизистую оболочку дна верхнечелюстного синуса аутогенного костного трансплантата. Описанный способ костной пластики получил название субантральная аугментация (sub – под; antral – антральная, относящаяся к пазухе; augmentation – увеличение.), или синус-лифтинг. В 1999 году Cranin N.A. и соавторы создали две методики проведения операции: закрытый (транскрестальный, вертикальный, внут-

ренный или не прямой) и открытый (латеральный, внешний или прямой) синус-лифтинг.

Данное оперативное вмешательство показано при значительном уменьшении ширины латеральных отделов альвеолярного отростка верхней челюсти при высоте менее 10 мм и ширине менее 4 мм.

Противопоказано проведение синус-лифтинга при наличии хронических синуситов различного характера, опухолевидных процессов. Эта операция может проводиться под местной проводниковой анестезией или общим наркозом.

Транскрестальный синус-лифтинг выполняется через вершину альвеолярного отростка верхней челюсти. На первом этапе создается доступ к кости посредством осуществления хирургом горизонтального разреза слизистой оболочки с последующим отслаиванием слизисто-надкостничного лоскута или удаления слизистой оболочки мукозомомом. Далее формируется пилотный канал спиральной фрезой с метками глубины, с помощью остеотома перфорируется дно, отслаивается слизистая оболочка пазухи (мембрана Шнайдера) и вводится последовательно хирургическая сетка, остеотропный материал и дентальный имплантат. При проведении вертикального синус-лифтинга возможно поднять дно верхнечелюстного синуса в пределах 1–4 мм, при больших значениях увеличивается риск повреждения шнайдеровской мембраны, что обуславливается отсутствием контроля над её состоянием во время операции.

Для выполнения латерального синус-лифтинга необходимо создать доступ в субантральное пространство путем выпиливания фиссурным бором костного окна в переднелатеральной (лицевой) стенке верхнечелюстной пазухи. Фрагмент кости хирург смещает внутрь или наружу и отслаивает слизистую оболочку гайморовой пазухи, с помощью специальных инструментов поднимает мембрану Шнайдера и вводит трансплантационные материалы. При данной методике имеется объективный контроль над состоянием слизистой оболочки пазухи, можно восполнить любой объем костной ткани и проводить в случае невозможности одномоментной установки имплантата из-за недостаточного объема костной ткани для стабилизации имплантатов. Недостатком открытого синус-лифтинга является большой объем оперативного вмешательства [2, с. 40–43].

При соблюдении всех требований асептики и антисептики, протокола операции выполнения субантральной аугментации вероятность возникновения осложнений минимальна. По результатам анализа литературы, доля успешно проведенных операций без каких-либо негативных последствий составила 80–95% [3, с. 133–136]. Возможные осложнения делятся на две группы: 1) осложнения, возникающие во время операции; 2) осложнения в послеоперационный период.

Ранним неблагоприятным результатом синус-лифтинга является перфорация слизистой оболочки верхнечелюстной пазухи. По данным

разных авторов, частота ее достигает 35% [4, с. 182–184]. Устранение дефекта слизистой оболочки зависит от его размера: при небольших повреждениях используется барьерная мембрана, при большом диаметре перфорационного отверстия операция прекращается, обрабатывается и ушивается операционная рана, к операции можно приступить снова только через несколько месяцев. При значительном повреждении шнайдеровской мембраны может возникнуть носовое кровотечение, для остановки которого необходимо выполнить тампонаду носа [5, с. 103–105].

Одним из наиболее частых осложнений после проведения субантральной аугментации является развитие верхнечелюстного синусита, частота которого варьируется в пределах 3–20% случаев. В послеоперационном периоде так же отмечается возможность появления отека, боли, формирования ороантрального свища, возникновение подвижности имплантата. При возникновении первых симптомов инфекционного процесса требуется проведение адекватной антибиотикотерапии. При ороантральном свище или подвижности дентального имплантата, проводится обследование операционной раны, удаление дентального имплантата и устранение причин, приведших к осложнениям [6, с. 186–188].

Таким образом, субантральная аугментация в настоящее время является наиболее перспективным оперативным вмешательством, обеспечивающим высокую результативность протезирования при различной степени атрофии альвеолярного отростка верхней челюсти.

Литература

1. Лебеденко И. Ю. Ортопедическая стоматология: учебник. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. – 640 с.
2. Иванов А. С. Основы дентальной имплантологии: учебное пособие. – СПб.: СпецЛит, 2011. – 63 с.
3. Viña-Almunia J. Influence of perforation of the sinus membrane on the survival rate of implants placed after direct sinus lift. Literature update / J. Viña-Almunia, M. Peñarrocha-Diago, M. Peñarrocha-Diago // Med Oral Patol Oral Cir Bucal. – 2009. – № 14. – P. 133–6.
4. Амхадова М. А. Факторы риска и алгоритм прогнозирования послеоперационных осложнений при увеличении объема костной ткани в области дна верхнечелюстного синуса / М. А. Амхадова, А. А. Никитин, А. М. Сипкин // Стоматологический журнал. – 2009. – № 2. – С. 182–184.
5. Петров И. Ю. Операции синус-лифтинга: возможные ошибки и осложнения / И. Ю. Петров, Н. Г. Коротких, М. В. Ловчикова, А. И. Петров // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. – 2010. – № 2. – С. 103–105.
6. Пиотрович А. В. Анализ частоты и структуры осложнений при проведении дентальной имплантации с одномоментным синус-лифтингом / А. В. Пиотрович, Л. С. Латюшина // Актуальные

вопросы хирургии. Сборник научно-практических работ. – 2014. – № 10. – С. 186–188.

SUBANTRAL AUGMENTATION: METHODS OF CARRYING OUT, POSSIBLE COMPLICATIONS

Stepanov D.A., Leibenko V.S., Munina N.N., Yangulov T.F., Stepanov E.A.
Penza State University

Currently, the most effective method in both functional and aesthetic aspects for repairing defects of the dentition is dental implantation. One of the conditions for its fulfillment is the presence of a sufficient volume of bone tissue, with a deficiency of which subantral augmentation is performed, which is a promising surgical intervention that provides excellent prosthetics with varying degrees of atrophy of the alveolar process of the upper jaw. This article discusses the techniques for performing subantral augmentation and complications that occur at the time of surgery or in the postoperative period.

Keywords: sinus-lifting, subantral augmentation, complications.

References

1. Lebedenko I. Yu. Orthopedic dentistry: a textbook. – M.: GEOTAR-Media, 2011. – 640 p.
2. Ivanov A.S. Fundamentals of dental implantology: a training manual. – SPb.: SpetsLit, 2011. – 63 p.
3. Viña-Almunia J. Influence of perforation of the sinus membrane on the survival rate of implants placed after direct sinus lift. Literature update / J. Viña-Almunia, M. Peñarrocha-Diago, M. Peñarrocha-Diago // *Med Oral Patol Oral Cir Bucal*. – 2009. – No. 14. – P. 133–6.
4. Amkhadova M.A. Risk factors and an algorithm for predicting postoperative complications with an increase in bone tissue in the bottom of the maxillary sinus / M.A. Amkhadova, A.A. Nikitin, A.M. Sipkin // *Dental Journal*. – 2009. – No. 2. – P. 182–184.
5. Petrov I. Yu. Sinus lift operations: possible errors and complications / I. Yu. Petrov, N.G. Korotkikh, M.V. Lovchikova, A.I. Petrov // *Bulletin of the Smolensk State Medical Academy*. – 2010. – № 2. – P. 103–105.
6. Piotrovich A.V. Analysis of the frequency and structure of complications during dental implantation with simultaneous sinus lift / A.V. Piotrovich, L.S. Latyushina // *Actual issues of surgery. Collection of scientific and practical works*. – 2014. – No. 10. – P. 186–188.

**Клеточно-молекулярная теория обоснования эффективности методики
Никонова Н.Б. по восстановлению пациентов при детском церебральном
параличе и спастическому тетрапарезу**

Никонов Николай Борисович,
врач-миолог, Клиника Никонова,
E-mail: beautymassage@mail.ru

Никонова Лилия Александровна,
студент, ГБПОУ ДЗМ «Медицинский колледж № 5»
E-mail: referent_liliya_nikonova@mail.ru

Никонова Фредерика Николаевна,
студент, Первый Московский государственный медицинский
университет имени И.М. Сеченова
E-mail: nicemassage@mail.ru

Хамадьянова Аида Ульфатовна,
кандидат медицинских наук, доцент ФГБОУ ВО «Башкирский
государственный медицинский университет»
E-mail: Khamadyanova76@mail.ru

Детский церебральный паралич (ДЦП) представляет собой гетерогенную группу клинических синдромов, которые описывают постоянные нарушения движения и осанки, характеризуется аномальным мышечным тонусом, что ограничивает активность ребенка. ДЦП является важной актуальной медико-социальной проблемой во всем мире. Мультифакториальность этиологии данной патологии иногда не позволяет выявить заболевание вовремя. ДЦП считается неизлечимым заболеванием, а основная работа по лечению пациентов с данным диагнозом во всех реабилитационных центрах мира направлена на предотвращение вторичных нарушений. В данной статье описаны молекулярные механизмы в виде нарушения структуры митохондрий, консистенции цитоплазмы и белкового отека в миоците, которые лежат в основе, предложенной мною, патофизиологической концепции лечения ДЦП, успешно применимой на протяжении 40 лет.

Ключевые слова: детский церебральный паралич, спастический тетрапарез, миоцит, цитоплазма мышечных клеток, белок-полидом, аутофагия, аутофагосомы, циркадный ритм, метод Никонова, дети.

Детский церебральный паралич (ДЦП) представляет собой гетерогенную группу клинических синдромов, которые описывают постоянные нарушения движения и осанки, характеризуется аномальным мышечным тонусом, что ограничивает активность ребенка [1, 2]. Эта патология является наиболее частой причиной инвалидности в детском возрасте [1, 3]. Моторные расстройства при ДЦП часто сопровождаются нарушениями чувствительности, восприятия, познания, общения и поведения, эпилепсией и вторичными скелетно-мышечными патологиями [3, 4]. Описанные симптомы обусловлены нарушениями в развивающемся мозге плода, задержкой развития плода, патологическими внутриутробными процессами, в том числе инфекциями, или рассматриваются как осложнения недоношенности [5, 6, 7].

Популяционные исследования во всем мире свидетельствуют, что распространенность ДЦП варьируется от 1,5 до более 4 на 1000 живых новорожденных [1, 8]. Общая распространенность детского церебрального паралича при рождении составляет около 2 случаев на 1000 живорождений [1, 8]. Hirvonen M. et al. [9] установили, что распространенность ДЦП на 1000 живорождений среди новорожденных, родившихся до 28 недель беременности, составляет 82, и она снижается до 1,4 на 36 неделе беременности. Однако, обращают внимание результаты исследования Moster D. et al. [10], что срок гестации 42 недель и более также связан с повышенным риском возникновения обобщаемой патологии.

Согласно всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), на данном этапе развития науки и техники, детский церебральный паралич – это неизлечимое заболевание, так как не существует технологий и препаратов по восстановлению структуры головного мозга. Именно поэтому основная работа по лечению пациентов с данным диагнозом во всех реабилитационных центрах мира направлена на предотвращение вторичных нарушений (например, ортопедических): преодоление двигательного дефицита, развитие двигательных навыков, развитие способности к самообслуживанию и труду. Кроме того, проводится активная работа по социализации ребенка, по его эмоцио-

нальному развитию. В тяжелых случаях течения заболевания реабилитация ребенка направлена на коррекцию дисфагии, мотивационных нарушений и обучение жеванию.

Медикаментозная терапия применяется обычно в виде миорелаксантов и направлена на снижение тонуса мышц при спастике, на увеличение двигательной активности. Кроме того, препараты применяются с целью уменьшения боли, облегчения ухода за пациентом, профилактики ортопедических осложнений. Данный вид лечения ДЦП используется редко и кратковременно, ввиду снижения когнитивных функций, неэффективности двигательного приема препаратов.

Всемирная организация здравоохранения предлагает такие методы реабилитации ребенка при детском церебральном параличе, как лечебный массаж, лечебная гимнастика, аппаратная кинезиотерапия, роботизированная механотерапия.

Мною была разработана и успешно применяется методика для лечения детского церебрального паралича, спастического тетрапареза, направленного на восстановление процессов обновления миоцитов за счет активизации выведения продуктов жизнедеятельности из них.

Цитоплазма мышечной клетки представляет собой сложную коллоидную систему из белковых, углеводных и липидных соединений. В 1986 г. Пригожин И.Р. и соавт. [13] описали гидродинамические потоки внутри цитоплазмы миоцитов, при помощи которых митохондрии приближаются к двигательным белкам. Авторы обнаружили, что цитоплазма в мышечной клетке жидкая золеобразная, поэтому гидродинамические потоки не встречают сопротивления. Однако в поврежденном миоците, который не двигается, цитоплазма густая гелеобразная и гидродинамические потоки в ней отсутствуют.

Доказано, что один работающий миоцит содержит около 1000 митохондрий, образование которых зависит от активности потребления клеткой кислорода [12]. В условиях высокого потребления кислорода, образуется много митохондрий и наоборот [12].

Митохондрии передвигаются внутри мышечной клетки при помощи своей внутренней мембраны. Во время химических реакций на кристах внутри митохондрии температура повышается, внутренняя мембрана сглаживается, и митохондрия увеличивается в размере за счет расширения. Во время расширения цитоплазма миоцита проникает внутрь митохондрии, при этом температура цитоплазмы ниже, чем температура крист, они охлаждаются, и митохондрия сжимается. Лишняя цитоплазма выдавливается из митохондрии и, под давлением собственной струи, митохондрия передвигается. В результате, внутри одной мышечной клетки происходит постоянное движение цитоплазмы в виде огромных потоков с направленным движением. Поэтому передвижение митохондрий по нормальной здоровой мышечной клетке происходит вследствие выброса струи цитоплазмы ми-

оцита при сжимании, гидродинамических потоков, созданных всеми митохондриями.

Скорость передвижения митохондрии зависит от плотности цитоплазмы. В нормально работающих мышечных клетках митохондрии располагаются вблизи от двигательных белков – миозина и актина. Это связано с тем, что при сжимании митохондрии, из нее под давлением выбрасывается цитоплазма, создающая общий гидродинамический поток внутри мышечной клетки. Вместе с цитоплазмой выходят молекулы аденозинтрифосфата (АТФ), которые по «рекам» двигающейся цитоплазмы, попадают к двигательным белкам актину и миозину. Так как молекула АТФ живет не более 1 минуты, то митохондрии должны располагаться вблизи к этим белкам. Таким путем предоставляется энергия для сжимания митохондрии и растяжения актино-миозинового комплекса. Все молекулы АТФ из-за большой плотности цитоплазмы не отдаляются от митохондрий, поэтому энергии у двигательных белков мышечной клетки недостаточно для движения.

Известно, что продолжительность жизни митохондрии 10 суток. Погибающие митохондрии, складывают внутри себя избыточные жировые компоненты и продукты собственной экскреции и перестают создавать гидродинамический насос. Митохондрии набухают и вакуолизируются, увеличиваясь в размере. В таком состоянии они имеют округлую форму, а не палочкообразную. При этом, кристы сглаживаются, а в мембранах возникают складки. Затем внутри митохондрий появляются тельца, представляющие собой скопления денатурированных липопротеидов, в составе которых накапливается кальций.

Погибшие митохондрии утилизируются лизосомами, которые в 1974 году были обнаружены Кристиан де Дюв [13]. Лизосомы разлагают огромные конгломераты белковых соединений на мелкие, в том числе в миоците, при этом им нужна энергия в виде АТФ и свободный гидродинамический поток, при помощи которого бы передвигались лизосомы и молекулы АТФ.

Yoshinori Ohsumi [14] описал крупные белковые соединения, которые превращают жидкую золеобразную цитоплазму мышечных клеток в твердую гелеобразную субстанцию («белковая свалка»). Это патологическое изменение происходит при нарушении функционирования лимфатической системы, в том числе на этапе внутриутробного развития, которая контролирует количество накопленных продуктов жизнедеятельности миоцитов в мышцах. Вследствие нарушения выработки белка-полидома (из этого белка формируются стенки лимфатического сосуда при взаимодействии с рецепторами интегрин $\alpha 9\beta 1$), выявленного Kiyotoshi Sekiguchi [15], эндотелиальными клетками и клетками мезенхимы происходит остановка эмбрионального развития лимфатической системы. Соответственно, мышечные клетки продолжают развиваться в период гестации, а лимфатические сосуды не растут.

Лимфатическое русло представляет собой вторую сосудистую систему, которая нужна организму человека для иммунного обеспечения и удаления продуктов жизнедеятельности из клеток, в том числе миоцитов. Созревание иерархической сосудистой структуры, с сильно разветвленной сетью капилляров и протоков, имеет решающее значение для возникновения отеков в мышечных клетках и возникновению детского церебрально-

го паралича различных форм. Полидом (также называемый Sver1) является внеклеточным матричным белком, из которого строятся лимфатические сосуды. Эмбрион, имея примитивные лимфатические сплетения, не может вырастить новые капилляры и формировать лимфатические сосуды, собирающие лимфу (рис. 1).

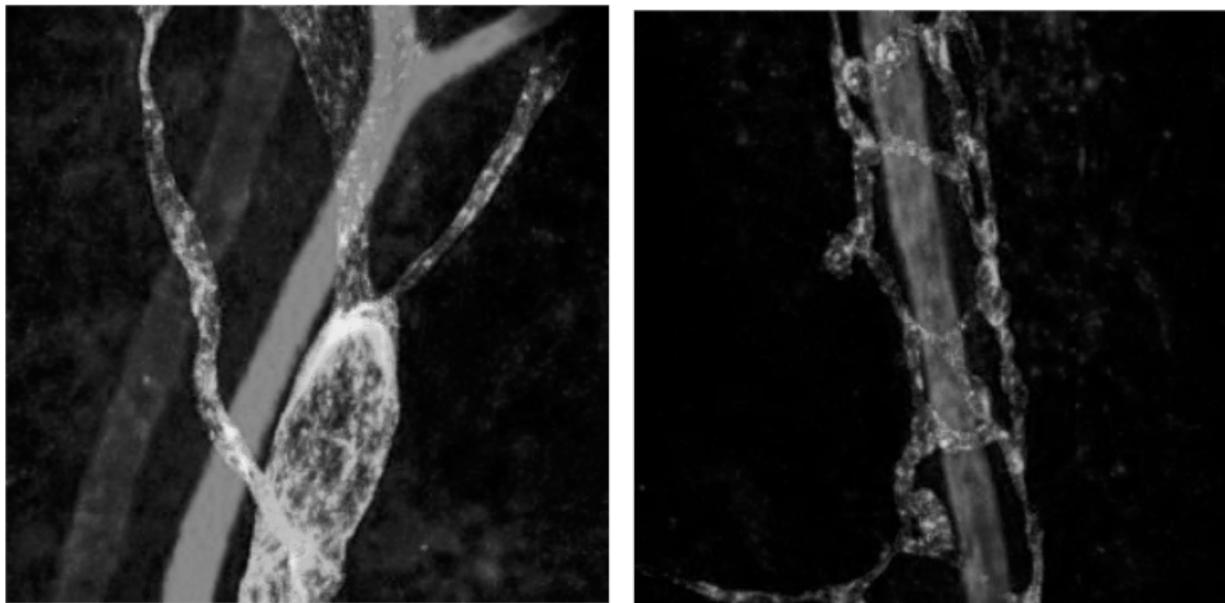

Рис. 1. Зеленым цветом на первой фотографии показан лимфатический ствол нормально-развивающейся лимфатической системы. На второй фотографии, сделанной электронным микроскопом, показаны незрелые лимфатические сосуды эмбриона, у которого не вырабатывается белок-строитель полидом. На снимке сосуды в виде сетки

Термин «аутофагия» был введен в 1963 г. Кристианом де Дювом и Новиковым А.Б. [13]. Авторы описывали этот процесс как доставку цитоплазматического материала клетки в лизосомы для расщепления [16]. Еще в 90-х годах прошлого столетия стало известно о «программируемой» гибели клетки или ее частей, когда впервые были обнаружены гены, связанные с процессом аутофагии [16].

Работы Yoshinori Ohsumi [14], посвященные вопросу аутофагии свидетельствуют, что система биологического самоочистения в нормально работающем миоците разрушает старые белки и превращает их в свежие строительные блоки для клетки. Автором были идентифицированы аутофагосомы, так называемые «тележки», служащие для доставки фрагментов клетки к лизосомам. В момент, когда какой-либо из компонентов клетки прекращает участие в ее жизнедеятельности, его окружает специальная мембрана, образующая вакуоль с органоидом (или его частью) внутри. Эта вакуоль приближается к лизосоме и сливается с ней. Именно в нем «мусорный» белковый фрагмент клетки при помощи особых ферментов расщепляется на простые составляющие.

Транспортный белок кинезин «упаковывает» простые составляющие в вакуоль (мембранный

пузырь) и переносит из клетки в межклеточное пространство. Протеасомы мышечной клетки разлагают ненужный белок до аминокислот. Последняя клетка использует для дальнейшего построения уже других белков несколько раз. На протяжении дня человеку требуется приблизительно 200–300 гр. белка, но с пищей на протяжении суток поступает порядка 70 гр. Остальные же белки клетки получают, перерабатывая свои же ненужные белки в протеасомах. Протеасомы разрушают не все белки, расположенные внутри мышечной клетки, а только некоторые из них. В аутофагосомы попадают крупные фрагменты клеток, которые включают в себе не только белки, а еще и липиды, и нуклеиновые кислоты. В тот момент, когда ферменты лизосом, слившихся с аутофагосомами, переводят данные вещества в более доступную форму, то клетка получает дополнительное питание. У детей с диагнозом детский церебральный паралич мышечный отек возникает на 6 неделе внутриутробного развития по причине нарушения процесса аутофагии.

Открытия Yoshinori Ohsumi [17] свидетельствуют, что нарушения в процессах аутофагии приводят к развитию детского церебрального паралича, заболевания Паркинсона, диабета, рака и других патологий (рис. 2).

Рис. 2. Физиологические процессы и заболевания, сопровождающиеся нарушением аутофагии

Вследствие того, что в миоците пациентов с мышечным парезом при детском церебральном параличе цитоплазма плотная гелеобразная, то ДНК не может быть доставлена к митохондриям, расположенным у двигательных белков актина и миозина. Поэтому митохондрии в мышечных клетках у таких детей смещены на периферию, к ядрам. Так как мышца недвижимая, то количество митохондрий в одной мышечной клетке у детей уменьшается до 500 едениц. При этом из-за гелеобразного состояния цитоплазмы поврежденного миоцита, митохондрия не может сдвинуться с места, хотя она сжимается и разжимается. В цитоплазме гидродинамический поток слабый из-за большого количества белковых соединений. Цитоплазма внутри мышечной клетки двигается с очень малой скоростью, образуя застойные, карманы. Белковые соединения, которые сделали цитоплазму плотной гелеобразной, делают невозможным митохондрии получать белок цитохром С, вырабатываемый ядрами мышечной клетки. Поэтому митохондрии вынуждены перемещаться из центра клеток на периферию, ближе к ядрам, оставляя двигательные белки актин и миозин без достаточной для движения энергии.

В одном нормальном рабочем миоците здорового ребенка содержится около 1 млрд молекул АТФ. Одна молекула АТФ обновляется в день 2000–3000 раз. В сумме за сутки организм человека синтезирует 40 кг аденозинтрифосфата, и в каждый момент времени запас АТФ составляет 250 г. В мышечной клетке содержится: 0,2–0,5% аденозинтрифосфата от всей массы клетки. В мышечной клетке ребёнка с гемиплегией всего 500 млн молекул АТФ.

В 2017 году Jeffrey C. Hall, Michael Rosbash и Michael W. Young [18] доказали существование молекулярных механизмов, которые влияют на циркадный ритм. Авторы изолировали ген, кон-

тролирующий нормальный ежедневный биологический ритм. Их исследование показало, что данный ген кодирует белок, накапливаемый в клетке в течении ночи, который дальше используется ею в течении дня. Jeffrey C. Hall et al. [18] идентифицировали дополнительные белковые компоненты, которые управляют часовым механизмом внутри клетки. Авторы доказали наличие в цитоплазме миоцита белка, вырабатываемый ночью при помощи гена PER (Период) (рис. 3). В мышечной клетке ночью в состоянии покоя количество белка возрастает. Днем, когда человек активен, выработка белка «Период» блокируется генами «TIM и DBT» в ядре мышечной клетки. В течении для белок «Период» расходуется на нужды клетки (рис. 3).

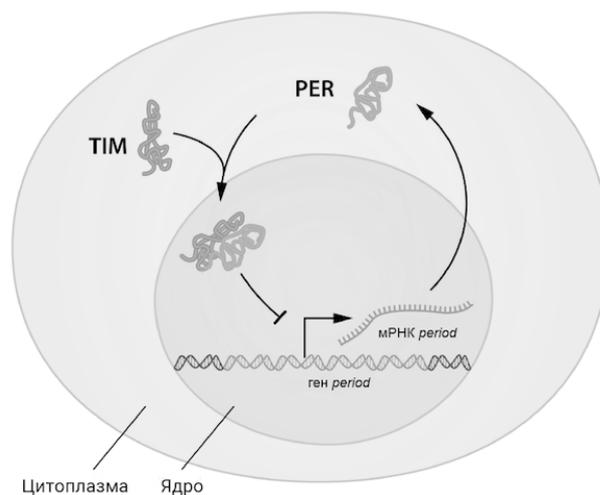

Рис. 3. Циркадные генетически обусловленные механизмы в клетке

При нарушении блокады белка «Период» генами «TIM и DBT», то выработка белка «Период» в мышечной клетке происходит постоянно. В клетке образуется «белковая свалка», т.е. белковый

отек, что также подтверждает результаты работы Yoshinori Ohsumi [14].

Вследствие этого при нарушении процесса самоочищения из-за сбоя в работе гена «Период» внутри мышечной клетки накапливаются глыбы белка и возникает неподвижность мышц.

Вышеуказанные молекулярные механизмы в виде нарушения структуры митохондрий, консистенции цитоплазмы и белкового отека в миоците, лежат в основе, предложенной мною, патофизиологической концепции лечения детского церебрального паралича.

В моей клинике разработанная методика успешно применяется на протяжении 40-лет для лечения детского церебрального паралича, спастического тетрапареза. Мною был разработан комплекс мануальных приемов, направленных на восстановление процессов обновления миоцитов за счет активизации выведения продуктов жизнедеятельности из них. В результате чего мышечные клетки очищаются, повышается эффективность их работы, прекращается процесс интоксикации и миоциты уменьшаются в размере.

Процесс движения мышечной клетки напрямую зависит от качества её цитоплазмы. От воздействия методом Никонова на мышечные клетки, их жизненный потенциал повышается до физиологической нормы.

Эффективность разработанной методики обусловлена тем, что оказывается непосредственное физическое воздействие на мышцы. В процессе проведения процедуры в работу задействуется максимальное количество медленных окислительных и быстрых окислительно-гликолитических волокон, которые получают нагрузку, требующую интенсивного расхода энергии, но при этом не вызывающего гипоксию мышц. У детей с ДЦП, ежедневный уровень нагрузок на уровне аэробного порога, по моей методике, повышает уровень окислительных ферментов. С активностью окислительных ферментов, плотный гелеобразный отек цитоплазмы миоцита превращается в жидкий золеобразный. Повышение активности окислительных ферментов выражается в росте количества митохондрий и повышению их способности образовывать АТФ.

В результате проведения разработанной концепции лечения ДЦП происходят следующие молекулярные изменения в мышцах:

1. Восстановление гидродинамического потока цитоплазмы миоцитов.
2. Увеличение поставки АТФ к лизосомам.
3. Лизосомы начинают быстрее перерабатывать белковые соединения из больших плотных конгломератов в единичные.
4. Белковая свалка внутри мышечной клетки из плотной превращается в более мягкую (мышцы на ощупь мягкие).
5. Цитоплазма из плотной гелеобразной, превращается в жидкую золеобразную.
6. В жидкой золеобразной среде, скорость гидродинамического потока цитоплазмы увеличивается и становится нормальной.

7. Химические ингредиенты, возникающие в результате воздействия электрического нервного импульса на мышечную клетку, в изменившейся жидкой среде, производят химические реакции, изменяющие химический состав цитоплазмы.

8. Митохондрии перемещаются к двигательным белкам клетки, используя гидродинамический поток, не встречая сопротивления больших белковых конгломератов.

9. Количество молекул АТФ около двигательных белков мышечной клетки увеличивается, так как митохондрии вплотную приблизились к двигательным белкам.

10. Двигательные белки актин и миозин, получая достаточную для движения энергию, полностью растягиваются и сокращаются в нормальном здоровом режиме.

Научное название перехода цитоплазмы из гелеобразного плотного состояния в золеобразное жидкое состояние от моего воздействия, называется эффектом тиксотропии, т.е. процедура метода Никонова имеет тиксотропический характер.

Следует отметить, что тяжесть заболевания детей с ДЦП зависит от количества белковых глыб внутри миоцита и количества мышечных клеток, находящихся в отеке.

Техника воздействия на мышцы методом Никонова довольно сложна, но эффективна и состоит из трёх следующих друг за другом элементов: растяжение мышцы, её фиксация специальными фиксаторами, и специфическое давление на мышцу во время растяжения. Определёнными движениями рук врача раздавливается плотная растянутая и зафиксированная мышца. Мануальное воздействие производится прямыми руками, расположенными под углом 90 градусов к мышце пациента. Для того чтобы не нанести травму от такого давления, руки врача немного согнуты в локтевых суставах, что амортизирует силу давления, при этом пациент чувствует глубоко проникающее, но в тоже время мягкое давление. Само мануальное воздействие производится сначала подушечками пальцев, затем ладонями врача, и усиливая воздействие тыльной стороной кисти, не сомкнутой в кулак. Все движения производятся не сдвигая кожу. Передвижение рук от обработанного участка тела пациента к необработанному производится путем полного отнятия рук врача от туловища пациента. Физическое воздействие, методом Никонова, делается это очень аккуратно, глубоко и безболезненно. Воздействие на мышцы проводится мягко, плотные участки мышц зоны обрабатываются тщательно в течении не менее 10 минут участок размером 4 квадратных сантиметра. Воздействие на мышцы, по методу Никонова, изменяет плотность цитоплазмы мышечной клетки.

Цитоплазма мышечных клеток из гелеобразной при ДЦП, становится золеобразной, как у физиологически нормальной мышечной клетки. В условиях золеобразной цитоплазмы молекулы энергии АТФ свободно перемещаются от митохондрий

до двигательных белков актина и миозина и свободные движения мышц восстанавливаются.

При помощи предложенной методики лечения у пациентов с детским церебральным параличом является возможным:

- Устранение боли.
- Уменьшение объемов любого участка тела.
- Устранение отеков.
- Восстановление движений конечностей.
- Устранение гипертонуса мышц.
- Восстановление полноценных движений мышц при ДЦП.
- Увеличение подвижности мышц.
- Восстановление полных движений после переломов.
- Устранение головной боли.
- Восстановление полноценных движений мышц при инсульте.
- Устранение пролежней.
- Восстановление правильной походки.

Представляю несколько клинических случаев эффективности разработанной методики.

Пациент Н., 1 год 6 месяцев с диагнозом спастический тетрапарез, гиперкинетическая форма, которая, согласно данным ВОЗ, является самой тяжелой формой детского церебрального паралича. Из анамнеза известно, что роды были тяжелые с применением вакуумной экстракции, вследствие слабой родовой деятельности.

Согласно представленному в статье, клеточно-молекулярному обоснованию патологических изменений в мышечных клетках, в том числе на этапе гестации, при детском церебральном параличе, я считаю, что описанное осложнение периода родов обусловлено не слабостью родовой деятельности, а наличием тетрапареза у ребенка, развившегося еще внутриутробно.

На момент осмотра:

- ребенок не мог сидеть, складывался по типу «перочинного ножа»;
- у ребенка не было опоры, чтобы стоять;
- не держал голову;
- не мог разжимать кулачки;
- не мог жевать и глотать пищу, поэтому еда была только в жидком состоянии;
- не мог удерживать предметы в руке.

После выполнения 10 сеансов процедур по методу Никонова ребенок стал держать голову, сидеть, и стоять на ногах при поддержке, а так же подниматься и опускаться на корточки. У него развились жевательные и глотательные рефлексy – он самостоятельно принимает твердую пищу, проявляет интерес к игрушкам и может удерживать их в руке.

Через 4 месяца работы родителей с ребенком по методу Никонова мальчик смог ползать, а через 6 месяцев – ходить с поддержкой.

Пациентка М., 4 лет, с диагнозом детский церебральный паралич, спастический тетрапарез. Ребенок родился глубоко недоношенным на 29-й недели гестации с весом 900 грамм. У пациентки также отмечались бронхолегочная дисплазия и отслойка сетчатки глазного дна.

Следует отметить, что во время развития родовой деятельности врачи акушеры-гинекологи предположили, что ребенок погиб внутриутробно, тк не было зарегистрировано движений плода, а сердечная деятельность не прослушивалась. На мой взгляд, описанное состояние обусловлено спастическим тетрапарезом, который развился в период гестации, вследствие структурных нарушений митохондрий, изменений гидродинамических потоков в цитоплазме миоцита и белкового отека в нем.

При проведении магнитно-резонансной томографии головного мозга у пациентки не выявлено патологических изменений, что также подтверждает мою теорию о том, что проблема неподвижности мышц при спастическом тетрапарезе в самих мышцах, а не в изменении структуры головного мозга.

После 2 месяцев занятий с ребенком по методу Никонова, девочка начала:

1. Стоять с опорой.
2. Делать шаги с поддержкой на полную стопу.
3. Шаги стали без перекрещивания ног.
4. Выполнять движения руками (разворачивать конфеты, собирать пазлы).
5. Держать голову в любых положениях (не запрокидывая).
6. Сама раскачиваться на качелях, используя туловище и ноги, и свободно перехватывая руками.
7. Держать равновесие туловища и головы раскручиваясь на карусели.

Таким образом, детский церебральный паралич является важной актуальной медико-социальной проблемой во всем мире. Мультифакториальность этиологии данной патологии иногда не позволяет выявить заболевание вовремя. ДЦП считается неизлечимым заболеванием, а основная работа по лечению пациентов с данным диагнозом во всех реабилитационных центрах мира направлена на предотвращение вторичных нарушений. В статье представлено обоснование на клеточно-молекулярном уровне разработанной мною метода Никонова патофизиологической концепции лечения детского церебрального паралича.

Литература

1. Stavsky M., O. Mor, S.A. Mastrolia et al. Cerebral Palsy – Trends in Epidemiology and Recent Development in Prenatal Mechanisms of Disease, Treatment, and Prevention. // *Front Pediatr.* 2017; 5: 21.
2. Hirvonen M, Ojala R, Korhonen P, et al. Cerebral palsy among children born moderately and late preterm. // *Pediatrics* 2014; 134: e1584.
3. Van Naarden Braun K, Doernberg N, Schieve L, et al. Birth Prevalence of Cerebral Palsy: A Population-Based Study. // *Pediatrics* 2016; 137.
4. Hafström M, Källén K, Serenius F, et al. Cerebral Palsy in Extremely Preterm Infants. // *Pediatrics* 2018; 141.

5. Trønnes H, Wilcox AJ, Lie RT, Markestad T, Moster D. Risk of cerebral palsy in relation to pregnancy disorders and preterm birth: a national cohort study. // *Dev Med Child Neurol* (2014) 56(8):779–85.10.1111/dmcn.12430
6. Mor O, Stavsky M, Yitshak-Sade M, Mastrolia SA, Beer-Weisel R, Rafaeli-Yehudai T, et al. Early onset preeclampsia and cerebral palsy: a double hit model? // *Am J Obstet Gynecol* (2016) 214(1):105.e1–105.10.1016/j.ajog.2015.08.020
7. Van Naarden Braun K, Doernberg N, Schieve L, Christensen D, Goodman A, Yeargin-Allsopp M. Birth prevalence of cerebral palsy: a population-based study. // *Pediatrics* (2016) 137(1).10.1542/peds.2015–2872
8. Blair EM, Nelson KB. Fetal growth restriction and risk of cerebral palsy in singletons born after at least 35 weeks' gestation. // *Am J Obstet Gynecol* (2015) 212(4):520.e1–7.10.1016/j.ajog.2014.10.1103
9. Hirvonen M, Ojala R, Korhonen P, Haataja P, Eriksson K, Gissler M, et al. Cerebral palsy among children born moderately and late preterm. // *Pediatrics* (2014) 134(6): e1584–93.10.1542/peds.2014–0945
10. Moster D, Wilcox AJ, Vollset SE, Markestad T, Lie RT. Cerebral palsy among term and postterm births. // *JAMA* (2010) 304(9):976–82.10.1001/jama.2010.1271
11. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с при-родой: Пер. с англ./Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986.-432 с.
12. Purnell B.A. Myocytes, Mitochondria, and Maturation. // *Science* Vol. 334, Issue 6053, pp. 158
13. Sabatini D. D. and Milton Adesnik. Christian de Duve: Explorer of the cell who discovered new organelles by using a centrifuge // *PNAS*, 2013110 (33) 13234–13235
14. Ohsumi Y. Historical landmarks of autophagy research. // *Cell Res* 2014; 24: 9–23.
15. Kiyotoshi Sekiguchi, Masashi Yamada. Disease-associated single amino acid mutation in the calf-1 domain of integrin $\alpha 3$ leads to defects in its processing and cell surface expression. // *Biochem Biophys Res Commun* 2013 Nov 9;441(4):988–93.
16. Costas M. A., Rubio M.F. Autofagia, una estrategia de supervivencia celular // *MEDICINA* (Buenos Aires) 2017; 77: 314–320
17. The Nobel Prize in Physiology or Medicine 2016 // The Nobel Foundation. – 3 October 2016.
18. Huang RC. The discoveries of molecular mechanisms for the circadian rhythm: The 2017 Nobel Prize in Physiology or Medicine. *Biomed J.* 2018 Feb; 41(1):5–8.

CELL-MOLECULAR THEORY TO SUBSTANTIATE THE EFFECTIVENESS OF N.B. NIKONOV METHOD FOR THE RECOVERY OF PATIENTS WITH CEREBRAL PALSY AND SPASTIC TETRAPARESIS

Nikonov N.N., Nikonova L.A., Nikonova F.N., Khamadyanova A.U.
Nikonov Clinic, GBPOU DZM "Medical College No. 5", M. Sechenov first Moscow state medical University, Bashkir state medical University

Infantile Cerebral Palsy (cerebral palsy) is a heterogeneous group of clinical syndromes that describe permanent movement and posture disorders, characterized by abnormal muscle tone, which limits the activity of the child. Cerebral palsy is an important urgent medical and social problem worldwide. The multifactorial etiology of this pathology sometimes does not allow to identify the disease in a proper time. Cerebral palsy is considered an incurable disease, and the main treatment of patients with this diagnosis in all rehabilitation centers in the world is aimed at preventing secondary disorders. This article describes the molecular mechanisms in the form of disturbances in the structure of mitochondria, the consistency of cytoplasm and protein edema in the myocyte, which underlie the pathophysiological concept of treatment of cerebral palsy that I have proposed and that has been successfully applied for 40 years.

Keywords: cerebral palsy, spastic tetraparesis, myocyte, muscle cell cytoplasm, protein polyde, autophagy, autophagosomes, circadian rhythm, Nikonov's method, children.

References

1. Stavsky M., O. Mor, S.A. Mastrolia et al. Cerebral Palsy – Trends in Epidemiology and Recent Development in Prenatal Mechanisms of Disease, Treatment, and Prevention. // *Front Pediatr.* 2017; 5:21.
2. Hirvonen M, Ojala R, Korhonen P, et al. Cerebral palsy among children born moderately and late preterm. // *Pediatrics* 2014; 134: e1584.
3. Van Naarden Braun K, Doernberg N, Schieve L, et al. Birth Prevalence of Cerebral Palsy: A Population-Based Study. // *Pediatrics* 2016; 137.
4. Hafström M, Källén K, Serenius F, et al. Cerebral Palsy in Extremely Preterm Infants. // *Pediatrics* 2018; 141.
5. Trønnes H, Wilcox AJ, Lie RT, Markestad T, Moster D. Risk of cerebral palsy in relation to pregnancy disorders and preterm birth: a national cohort study. // *Dev Med Child Neurol* (2014) 56 (8): 779–85.10.10111 / dmcn.12430
6. Mor O, Stavsky M, Yitshak-Sade M, Mastrolia SA, Beer-Weisel R, Rafaeli-Yehudai T, et al. Early onset preeclampsia and cerebral palsy: a double hit model? // *Am J Obstet Gynecol* (2016) 214 (1): 105.e1–105.10.1016 / j.ajog.2015.08.08.020
7. Van Naarden Braun K, Doernberg N, Schieve L, Christensen D, Goodman A, Yeargin-Allsopp M. Birth prevalence of cerebral palsy: a population-based study. // *Pediatrics* (2016) 137 (1) .10.1542 / peds.2015–2872
8. Blair EM, Nelson KB. Fetal growth restriction and risk of cerebral palsy in singletons born after at least 35 weeks 'gestation. // *Am J Obstet Gynecol* (2015) 212 (4): 520.e1–7.10.1016 / j.ajog.2014.10.10.1103
9. Hirvonen M, Ojala R, Korhonen P, Haataja P, Eriksson K, Gissler M, et al. Cerebral palsy among children born moderately and late preterm. // *Pediatrics* (2014) 134 (6): e1584–93.10.1542 / peds.2014–0945
10. Moster D, Wilcox AJ, Vollset SE, Markestad T, Lie RT. Cerebral palsy among term and postterm births. // *JAMA* (2010) 304 (9): 976–82.10.1001 / jama.2010.1271
11. Prigogine I., Stengers I. Order from chaos: A new dialogue of man with nature: Per. from English / Total ed. V.I. Arshinova, Yu.L. Klimontovich and Yu.V. Sachkov. – M.: Progress, 1986.-432 p.
12. Purnell B.A. Myocytes, Mitochondria, and Maturation. // *Science* Vol. 334, Issue 6053, pp. 158
13. Sabatini D. D. and Milton Adesnik. Christian de Duve: Explorer of the cell who discovered new organelles by using a centrifuge // *PNAS*, 2013110 (33) 13234–13235
14. Ohsumi Y. Historical landmarks of autophagy research. // *Cell Res* 2014; 24: 9–23.
15. Kiyotoshi Sekiguchi, Masashi Yamada. Disease-associated single amino acid mutation in the calf-1 domain of integrin $\alpha 3$ leads to defects in its processing and cell surface expression. // *Biochem Biophys Res Commun* 2013 Nov 9; 441 (4): 988–93.
16. Costas M. A., Rubio M.F. Autofagia, una estrategia de supervivencia celular // *MEDICINA* (Buenos Aires) 2017; 77: 314–320
17. The Nobel Prize in Physiology or Medicine 2016 // The Nobel Foundation. – October 3, 2016.
18. Huang RC. The discoveries of molecular mechanisms for the circadian rhythm: The 2017 Nobel Prize in Physiology or Medicine. *Biomed J.* 2018 Feb; 41 (1): 5–8.

Управленческая практика в сфере взаимодействия органов исполнительной власти и населения в интернет-пространстве: экспертная оценка и общественное мнение (на материалах г. Волгограда)

Кузеванова Ангелина Леонидовна,

доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
E-mail: angelina2000@list.ru

Смолина Елена Григорьевна,

старший преподаватель кафедры корпоративного управления Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
E-mail: smolina_elen1989@mail.ru

В статье на основе анализа социологической информации, собранной с помощью анкетного опроса населения г. Волгограда ($n = 500$) и экспертного опроса ($N = 50$) дана характеристика основных методов и процесса управления взаимодействием в интернет-пространстве между населением и представителями органов исполнительной власти г. Волгограда. По мнению опрошенного населения, в городе в недостаточном объеме созданы условия для взаимодействия с властными структурами в интернет-пространстве. Основными барьерами, препятствующими эффективной коммуникации городских властей и жителей города в электронной среде, являются такие проблемы, как отсутствие должного информирования горожан о способах и возможностях такого взаимодействия, а также неразвитость соответствующей инфраструктуры, обеспечивающей функционирование интернет-пространства. Жители города оценивают практику электронного взаимодействия с властями как малоэффективную. Мнение волгоградцев о необходимости усиления контроля над процессом взаимодействия с властью в электронной среде совпадает с оценкой экспертов, считающих необходимым принятие комплекса мер, способных повысить низкую эффективность интернет-взаимодействия городских властей с жителями города. Эксперты делают вывод о преимущественном использовании органами муниципальной власти организационных методов управления в сфере взаимодействия с населением в интернет-пространстве и их незаинтересованности в применении иных управленческих методов.

Ключевые слова: взаимодействие власти и населения, интернет-пространство, муниципальный уровень управления, управление взаимодействием в интернет-пространстве, экспертная оценка, общественное мнение.

Проблематика, связанная с изучением управленческой практики в сфере взаимодействия населения и власти в интернет-пространстве, является актуальным направлением научных исследований. В научной литературе существует довольно большой массив публикаций, посвященных изучению электронного участия граждан или применению информационно-коммуникативных технологий в государственном управлении, однако проблема реализации качественного управления взаимодействием граждан и органов исполнительной власти в интернет-пространстве является, на наш взгляд, изученной в недостаточной степени.

Отметим, что внедрение современных информационно-коммуникативных технологий в практику взаимодействия власти и общества получило положительную оценку у населения. По сведениям Федеральной службы государственной статистики, в 2018 году более половины жителей страны при взаимодействии с органами государственной власти и местного самоуправления выбрали вариант взаимодействия посредством интернет-коммуникаций [1]. Мультимедийность интернет-пространства способна обеспечить новый партисипативный формат взаимодействия, предусматривающий возможности проявления субъектности со стороны граждан и их объединений.

Наиболее полно механизм взаимодействия представителей власти и населения в электронной форме описан в работах Борисовой А.С. [2,3], Устинович Е.С. [4], Карлова М.Ю. [5]. В научных трудах Обидина Н.А. [6], Расходчикова А.Н. [7], Садилловой А.В. [8], Нефедовой А.И. [9] представлен анализ преимуществ и затруднений, возникающих во взаимодействии в интернет-пространстве. В публикациях Михайловой Е.В. и Скогорева А.П. [10], Огневой В.В. и Болховитиной Т.С. [11], Коростелевой М.А. и Сатырь Т.С. [12] раскрыта роль интернет-пространства в обеспечении возможностей для проявления гражданской активности населения. Проанализировав массив научной литературы, рассматривающей разные аспекты изучаемой проблематики, мы можем сделать вывод о том, что вне фокуса внимания остаются вопросы, связанные с анализом конкретных управленческих практик взаимодействия в интернет-пространстве и с изучением мнения граждан об эффективности подобного взаимодействия. Недостаточно освещенной

остаётся проблематика, связанная с выявлением барьеров, препятствующих эффективному взаимодействию органов исполнительной власти и населения в интернет-пространстве. Научная новизна данной работы заключается в выявлении проблем и перспектив реализации управленческой практики в изучаемой сфере взаимодействия.

Эмпирическую базу исследования изучаемой тематики составили данные социологического исследования, проведенного авторами в июне 2019 г. с помощью метода анкетного опроса жителей г. Волгограда (n = 500, тип выборки – многоступенчатая с квотированием по полу и возрасту на последнем этапе) и опроса экспертов (N = 50, в качестве экспертов выступили муниципальные служащие, имеющие стаж работы свыше 7 лет, и представители научного сообщества, областью специализации которых является проблематика муниципального управления).

Анализ полученных результатов позволил установить, что большинство опрошенных респондентов рассматривает интернет-пространство как дополнительную и значимую площадку для установления обратной связи между городской властью и населением. Участники опроса при взаимодействии с представителями органов исполнительной власти обращаются к интернет-коммуникации в целях экономии времени и в связи с возможностью разместить свой запрос в режиме 24/7. При этом 57,2% жителей города придерживаются мнения о том, что условия для реализации электронного взаимодействия созданы в недостаточном объеме.

Среди основных форм электронного взаимодействия более 76% респондентов отмечают как наиболее известную предоставление муниципальных услуг в электронном виде. В группу известных

форм интернет-взаимодействия с властью вошли электронные опросы, сервис электронных обращений, электронное голосование за проект или гражданскую инициативу, переписка с использованием электронной почты (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Какие формы взаимодействия в интернет-пространстве между городской властью и населением Вам известны?» с учетом пола и возраста, %

Варианты ответов	Выборка
Предоставление муниципальных услуг в электронном виде	76,6
Сервис электронных обращений	41,4
Переписка с использованием электронной почты	30,8
Электронное голосование за проект или гражданскую инициативу	30,6
Электронный опрос	27,8
Порталы электронных петиций	23,2
Блоги и аккаунты органов власти в социальных сетях	14,2
Вебинары	9,2
Онлайн-конференции	7,6
Затрудняюсь ответить	7,6
Каналы на YouTube	6,8
Краудсорсинговые площадки	5

Несмотря на высокую популярность социальных сетей, а также значимость блогов и краудсорсинговых площадок как эффективных форм электронного взаимодействия с органами власти, большинству жителей г. Волгограда такие способы коммуникации практически неизвестны.

Респондентам было предложено оценить эффективность процесса взаимодействия в интернет-пространстве, осуществляемого между населением и органами исполнительной власти (рис. 1).

Примечание: респондент мог выбрать 1 вариант ответа.

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, эффективность взаимодействия администрации г. Волгограда с населением в интернет-пространстве с учетом пола и возраста, %»

Каждый четвертый респондент характеризует сложившуюся в г. Волгограде практику взаи-

модействия с муниципальной властью в интернет-пространстве как малоэффективную, так как

население недостаточно информировано о формах такого взаимодействия, а каждый пятый уверен, что низкая эффективность связана с использованием ограниченного набора форм интеракции. Среди барьеров, препятствующих эффективному интернет-взаимодействию органов исполнительной власти города и населения, 63,6% респондентов назвали проблему недостаточного информирования, треть опрошенных констатирует недоступность интернет-соединения для части населения города. Каждый третий участник опроса видит барьеры в сохраняющемся недоверии граждан к Интернету и восприятию электронных форм как дополнительных и не самых результативных способов официального взаимодействия с властными структурами.

Среди мер, направленных на улучшение имеющейся ситуации относительно взаимодействия в интернет-пространстве, большинством респондентов наиболее значимыми и первостепенными были названы действия, связанные с интенсивным информированием населения о возможностях интернет-взаимодействия с властью (табл. 2). По мнению 29,6% участников опроса, необходимо усовершенствовать работу сервисов обратной связи, 27,6% опрошенных выступают за необходимость мер по обеспечению доступности интернет-соединения для большинства горожан. Немаловажным жители города считают усиление управленческого контроля, в том числе за счет разработки специальных нормативно-правовых актов.

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, необходимо сделать городской власти для улучшения системы интернет-взаимодействия с населением?» с учетом пола и возраста, %

Варианты ответов	Выборка
Заняться широким и интенсивным информированием населения о возможностях интернет-взаимодействия с властью	69,8
Усовершенствовать работу сервисов обратной связи	29,6
Обеспечить инфраструктуру взаимодействия – доступность интернет-соединения для большинства горожан	27,6
Усилить контроль за процессом взаимодействия органов городской власти и населения в интернет-пространстве	22,6
Активнее использовать социальные сети для взаимодействия с населением	18,2
Разработать нормативные акты, полноценно регламентирующие порядок взаимодействия органов городской власти и населения	18
Повысить квалификацию сотрудников городской администрации в отношении использования интернет-технологий	16
Займствовывать столичный опыт организации взаимодействия с населением в интернет-пространстве	12
Затрудняюсь ответить	6,2
Уже все сделано, ничего улучшать не надо	2,4
Другое	0,8

Мнение горожан относительно мер, необходимых для интенсификации взаимодействия с властными структурами в интернет-пространстве и повышения общей эффективности данного процесса в целях повышения уровня качества муниципального управления, коррелирует с точкой зрения экспертов.

По результатам экспертного опроса, управленческая практика в сфере взаимодействия органов исполнительной власти города и населения в интернет-пространстве неэффективна из-за отсутствия четкого целеполагания, планирования и контроля над деятельностью. Характеризуя процесс информирования жителей города об итогах деятельности по решению заявленных ими проблем как отчасти эффективный, две трети экспертов указывают, что практика совместного решения проблем в рамках взаимодействия в интернет-пространстве не является широко распространенной. Хотя, по сведениям экспертов, отдельные позитивные примеры все же существуют, что свидетельствует об определенном потенциале развития этой практики.

При оценке результативности применения городскими властями конкретных методов управления в сфере интернет-взаимодействия с населением две трети экспертов в качестве наиболее эффективно используемых назвали организационные методы. Эти методы направлены на санкционирование и административное регулирование процесса взаимодействия в интернет-пространстве. Неэффективно используемыми, с позиции большинства экспертов, являются распорядительно-правовые методы, связанные с разработкой специальных нормативных и регламентирующих документов. Отчасти результативным, с точки зрения каждого второго эксперта, можно считать использование городскими властями экономических методов управления, связанных с обеспечением финансовой составляющей рассматриваемого направления деятельности органов исполнительной власти. Принявшие участие в опросе эксперты отмечают неполную степень реализации таких функций управления взаимодействием с населением в интернет-пространстве, как информационной функции и функции социального развития. Если первая осуществляется за счет принципа открытости органов исполнительной власти (свободный доступ и предоставление населению необходимой ему информации о деятельности властных структур), то вторая направлена на установление доверительных отношений между городскими властями и гражданами.

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что управленческая практика в сфере взаимодействия городских властей и населения в интернет-пространстве является новым, но достаточно важным направлением деятельности органов исполнительной власти. В условиях цифровизации реализация этого вида управленческой политики становится важным фактором повышения эффективности государственного и муниципаль-

ного управления, а также показателем развития общества в целом.

Анализ информации, полученной по итогам исследования, позволяет сделать вывод о невысокой результативности деятельности органов исполнительной власти г. Волгограда, осуществляемой в сфере взаимодействия с населением в интернет-пространстве. Условия, необходимые для эффективного интернет-взаимодействия между властными структурами и населением, созданы в недостаточном объеме; отсутствует должное планирование этого процесса, существуют проблемы в обеспечении необходимой инфраструктуры. Основной причиной неэффективности практики управления взаимодействием между городской властью и населением в интернет-пространстве, исходя из экспертной оценки и данных опроса общественного мнения, является недостаточное информирование граждан об условиях, формах и порядке взаимодействия в электронной среде.

Литература

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – 1162 с.
2. Борисова, А.С. Механизм информационного взаимодействия населения и региональной власти с учетом современных форм интернет-коммуникаций / А.С. Борисова // Научный журнал Дискурс, 2019. – № 6 (32). – С. 46–53.
3. Борисова, А.С. Организационные аспекты информационного взаимодействия государства и общества / А.С. Борисова // Modern Science, 2019. – № 6–3. – С. 26–29.
4. Устинович, Е.С. Взаимодействие власти и структур гражданского общества в интернет-пространстве (политико-правовой анализ) / Е.С. Устинович // Государственная власть и местное самоуправление, 2018. – № 3. – С. 11–15.
5. Карлов, М.Ю. Электронное взаимодействие граждан и органов законодательной (представительной) власти / М.Ю. Карлов // Правовая система и современное государство: проблемы, тенденции и перспективы развития. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции, 2019. – С. 31–34.
6. Обидин, Н.А. Проблема эффективности использования властью Интернета для взаимодействия с гражданским обществом / Н.А. Обидин // Фундаментальные прикладные науки. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа: Издательство: Омега сайнс, 2015. – С. 120–123.
7. Расходчиков, А.Н. Актуальные модели и технологии взаимодействия органов власти и управления с населением в интернет-среде / А.Н. Расходчиков // Власть, 2015 г. – № 5. – С. 118–121.
8. Садилова, А.В. Проблемные аспекты интернет-практик взаимодействия власти и обще-

ства / А.В. Садилова // Вестник Пермского университета. Серия: Политология, 2016. – № 3. – С. 95–103.

9. Нефедова, А.И. Интернет как средство взаимодействия россиян с органами государственной власти и местного самоуправления / А.И. Нефедова // Информационное общество, 2017. – № 4–5. – С. 71–77.
10. Михайлова, Е.В., Скогорев, А.П. Роль информационных технологий в развитии гражданского общества в современной России (интернет-практики) / Е.В. Михайлова, А.П. Скогорев // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований, 2017. – № 2. – С. 138–146.
11. Огнева, В.В., Болховитина, Т.С. Социально-политическая активность как фактор повышения эффективности интернет-коммуникационного взаимодействия власти и общества / В.В. Огнева, Т.С. Болховитина // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2013. – № 2. – С. 54–65.
12. Коростелева, М.А., Сатырь, Т.С. Диалог власти и общества в Интернете / М.А. Коростелева, Т.С. Сатырь // Коммуникология, 2014. – № 1. – С. 73–78.

MANAGEMENT PRACTICE IN THE SPHERE OF INTERACTION BETWEEN EXECUTIVE AUTHORITIES AND POPULATION ON THE INTERNET SPACE: EXPERTS EVALUATION AND PUBLIC OPINION (ON THE MATERIALS OF VOLGOGRAD)

Kuzevanova A.L., Smolina E.G.

Volgograd Institute of management

Based on the analysis of sociological information collected using a questionnaire survey of the population of Volgograd (n=500) and an expert survey (N=50), the article describes the main methods and process of managing interaction in the Internet space between the population and representatives of Executive authorities of Volgograd. According to the surveyed population, the city has not created enough conditions for interaction with government structures in the Internet space. The main barriers to effective communication between city authorities and residents in the electronic environment are such problems as the lack of proper information to citizens about the ways and possibilities of such interaction, as well as the lack of development of the appropriate infrastructure that ensures the functioning of the Internet space. Residents of the city assess the practice of electronic interaction with the authorities as ineffective. The opinion of Volgograd residents about the need to strengthen control over the process of interaction with the authorities in the electronic environment coincides with the assessment of experts who consider it necessary to take a set of measures that can increase the low efficiency of Internet interaction between city authorities and residents. Experts conclude that municipal authorities prefer to use organizational management methods in the sphere of interaction with the population in the Internet space and that they are not interested in using other management methods.

Keywords: interaction between the government and the population, Internet space, municipal level of management, management of interaction in the Internet space, expert assessment, public opinion.

References

1. Region of Russia. Socio-economic indicators. 2018: Stat. sat. / Rosstat. – Moscow, 2018. – 1162 p.
2. Borisova, A.S. The Mechanism of information interaction between the population and regional authorities taking into ac-

- count modern forms of Internet communications / A.S. Borisova // scientific journal Discourse, 2019. – № 6 (32). – P. 46–53.
3. Borisova, A.S. Organizational aspects of information interaction between the state and society / A.S. Borisova // Modern Science, 2019. – № 6–3. – P. 26–29.
 4. Ustinovich, E.S. Interaction of government and civil society structures in the Internet space (political and legal analysis) / E.S. Ustinovich // State power and local self-government, 2018. – № 3. – P. 11–15.
 5. Karlov, M. Yu. Electronic interaction of citizens and bodies of legislative (representative) power / M. Yu. Karlov // Legal system and modern state: problems, trends and prospects of development. Collection of articles of the IV International scientific and practical conference, 2019. – P. 31–34.
 6. Obidin, N.A. The Problem of effective use of the Internet by the authorities for interaction with civil society / N.A. Obidin // Fundamental applied Sciences. Collection of articles of the International scientific and practical conference. – Ufa: Publishing house: omega Sciences, 2015. – P. 120–123.
 7. Raskhodchikov, A.N. Actual models and technologies of interaction of authorities and management with the population in the Internet environment / A.N. Raskhodchikov // Power, 2015. – № 5. – P. 118–121.
 8. Sadilova, A.V. Problematic aspects of Internet practices of interaction between government and society / A.V. Sadilova // Bulletin of the Perm University. Series: Political Science, 2016. – № 3. – P. 95–103.
 9. Nefedova, A.I. Internet as a means of interaction between Russians and state authorities and local self-government / A.I. Nefedova // Information society, 2017. – № 4–5. – P. 71–77.
 10. Mikhailova, E.V., Skogorev, A.P. The Role of information technologies in the development of civil society in modern Russia (Internet practices) / E.V. Mikhailova, A.P. Skogorev // Political conceptology: journal of interdisciplinary research, 2017. – № 2. – P. 138–146.
 11. Ogneva, V.V., Bolkhovitina, T.S. Socio-political activity as a factor of increasing the effectiveness of Internet communication interaction between government and society / V.V. Ogneva, T.S. Boltovikhina // Izvestiya Tula state University. Humanities, 2013. – № 2. – P. 54–65.
 12. Korosteleva, M.A., Satyr, T.S. Dialog of power and society on the Internet / M.A. Korosteleva, T.S. Satyr // Kommunikologiya, 2014. – № 1. – P. 73–78.

Теоретико-методологические ориентиры в изучении социальной защиты пожилого населения

Мусеве Одри Халенья,

аспирант, Московский государственный педагогический университет

E-mail: amuseve@mail.ru

В статье представлены теоретические и методические ориентиры, касающиеся изучения социальной защиты пожилого населения в настоящее время. Отдельное внимание уделено теоретической основе изучения старения путем выделения различных социально-геронтологических теорий старения. Проведено теоретическое осмысление процесса старения, а также систематическое изучение системы социальной защиты применительно к пожилому населению и терминологии социальной защиты. Кроме того, особый акцент сделан на рассмотрении социальной защиты населения как системы, которая носит комплексный характер. В статье также устанавливается, каким образом другие дисциплины способствуют социальной защите пожилого населения в качестве системы и в качестве политического ответа на проблемы стареющего населения. Также исследованы отличительные особенности и характерные черты социальной политики, под которой понимается система социальных мер и мероприятий, направленных на управление социальным развитием общества; оптимизацию взаимоотношений между социальными группами; и создание благоприятных условий для удовлетворения социальных потребностей отдельных лиц и социальных групп населения. В процессе исследования вопросов социальной защиты проведен анализ категории социальное обеспечение, обозначены его отличительные черты от социальной защиты. Помимо этого, в качестве фундаментальных понятий в изучении социальной защиты пожилого населения выделены такие категории как: «социальная работа» и «социальное обслуживание».

Ключевые слова: социальная защита, старение, пожилое население, социальная политика, институт, стратификация, неравенство

Социальная защита пожилых людей стала важнейшим предметом социологических и международных исследований в области развития в связи с предполагаемыми проблемами, возникающими в связи со старением населения. Поэтому необходимо разработать теоретические и методологические руководящие принципы для проведения исследований в этой области. Обзор литературы дает возможность установить различные подходы, с помощью которых проводятся исследования в области социологии старения. В настоящей статье используется подход, согласно которому пожилые люди рассматриваются как особые социальные и возрастные группы с особыми потребностями, а также рассматривается система социальной защиты, которая призвана обеспечивать потребности пожилых людей и содействовать их социальному благополучию. В процессе исследования сначала дается теоретическая основа для изучения старения путем выделения различных социально-геронтологических теорий старения, объясняющих положение, роль и потребности пожилых людей в обществе. Затем в статье систематически изучается проблема социальной защиты, рассматривается ее теоретическое осмысление применительно к пожилому населению и терминология социальной защиты.

Теории концептуально важны для исследований в области социальной защиты пожилого населения. Различные теории в социологии и геронтологии объясняют процесс старения, включая личность пожилого человека; его положение в обществе; его роль и функции в сообществах и социальных институтах; а также его взаимодействие с отдельными людьми и группами в обществе. Эти теории могут также помочь нам понять аспекты социальной стратификации, социального неравенства, жизненного цикла, социализации и практики социальной помощи в обществе.

Теория разъединения, разработанная Э. Каммингсом и У. Генри в 1961 году, является одной из самых ранних социальных геронтологических теорий. Согласно этой теории, старение неизбежно ведет к отрыву пожилых людей от индивидов, социальных взаимодействий и общества в целом. Пожилые люди испытывают социальное отчуждение, обусловленное ослаблением социальных сетей, и психологическое отчуждение, обусловленное снижением эмоционального участия в социальных отношениях. Таким образом, пожилые люди освобождаются от большинства социальных ролей, поскольку они находятся под меньшим давлением, чтобы соответствовать социальным нор-

мам. Чтобы избежать бездействия и чувства «ненужности», пожилые люди должны найти новые роли, чтобы заменить предыдущие роли [22].

Теория активности является альтернативной теории разъединения. Она предполагает, что пожилые люди могут испытывать счастье, если они остаются более активными и поддерживают высокий уровень социальной вовлеченности [28]. Теория непрерывности, с другой стороны, подчеркивает понятие «нормального» старения и предполагает, что нормальное старение возможно, если пожилой человек стремится сохранить свой прежний образ жизни, в том числе оставаться активным, социально вовлеченным и последовательным в своих убеждениях [19].

Согласно теории геротрансцендентности Ларса Торнстама, с возрастом люди превосходят конечные представления о жизни, которые они имели на предыдущих этапах жизни, чтобы стать мудрее, менее эгоцентричными и более мирными [31]. Теория субкультуры старения предполагает, что добровольное или непроизвольное социальное отчуждение пожилых людей в обществе приводит их к выработке новых моделей взаимодействия с единомышленниками-сверстниками и они обретают устойчивое чувство общности в новой группе [30].

В теории обмена существует представление о том, что обмен социальными ресурсами, такими как деньги, время и власть, определяет социальный статус и ролевую идентичность человека в социальных взаимодействиях. Когда человек вступает на более позднюю стадию жизни, его социальные взаимодействия уменьшаются в результате ограниченности его социальных ресурсов. Чтобы оставаться полезными для своих социальных сетей они должны практиковать управление социальными ресурсами, что позволит им сохранить большую часть своих социальных ресурсов до старости [23].

Селективная оптимизация предполагает, что компоненты отбора, оптимизации и компенсации способствуют личностному развитию и помогают преодолевать трудности на всех этапах жизни. Люди должны уравнивать потери и выгоды, которые сопровождают старение. В то время как пожилые люди испытывают снижение физических и умственных способностей и освобождаются от большинства социальных ролей, они могут сэкономить свое время и энергию для деятельности, которую они считают более привлекательной и значимой. Таким образом, компенсируя потерю деятельности, которую они провели на предыдущем этапе своей жизни [20].

Теория модернизации утверждает, что индустриализация и модернизация являются основными причинами утраты власти и влияния, снижения социального статуса и социальной изоляции пожилых людей в наше время. Сдвиги в социальных нормах и изменения в структуре семьи привели сегодня к возникновению в высшей степени индивидуалистических обществ. Пожилые люди вос-

принимаются как непродуктивное экономическое бремя, поскольку, находясь вне рынка труда, они вносят меньший экономический вклад в общество [21].

Теория возрастной стратификации рассматривает возраст как детерминанту статуса или ценности индивида в обществе и как основу социального контроля. Общество существует как совокупность возрастных групп, которые стратифицированы по доходам, власти, статусу, престижу и правам. Пожилые люди находятся на более низкой позиции в иерархии возрастных категорий, поэтому их привилегии, независимость и доступ к социальным ресурсам ограничены. Это лишает их механизмов принуждения других подчиняться им, а вместо этого заставляет их подчиняться тем, кто «выше» [29]. Наконец, феминистская теория поднимает вопрос о том, как пожилые женщины сегодня могут быть наделены полномочиями для развития новых ролей, отучиться от некоторых лишаящих их власти гендерных ролей, которые общество ранее возлагало на них, и воспринимать себя как полезных людей в обществе [25].

«Социальная стратификация», «социальное неравенство», «социализация» и «качество жизни» являются важными терминами в исследованиях социальной защиты населения. Социальная стратификация подразумевает систему, в соответствии с которой члены общества иерархически классифицируются в ранжировании социально-экономических уровней на основе таких факторов, как доход, власть, раса, пол и богатство. Это приводит к социальному неравенству, то есть к существованию неравного доступа к ресурсам и правам для различных социальных статусов в обществе. Социально уязвимые группы в обществе испытывают социальную изоляцию, основанную на их «низком» социальном положении. Для пожилых людей, помимо социального статуса, возрастная стратификация является еще одним основанием для их социальной изоляции. Роль государства в защите социально уязвимых групп населения предполагает использование специальных механизмов, таких как социальная защита, для регулирования социального неравенства.

Пожилые люди в обществе чаще испытывают одиночество из-за «социального сиротства» (потери родственников) и ослабления социальных сетей и связей [7]. Их социальный статус может отрицательно сказаться на их участии в процессе социализации, что приведет к утрате их социокультурной идентичности. Это порождает дезадаптацию и снижает шансы социальной интеграции пожилых людей в общество. Система социальной защиты пытается противостоять этому путем активизации процесса социализации в обществе путем поощрения активного участия всех его членов в различных сферах жизни. Одной из целей социального развития страны является повышение качества жизни ее граждан. Качество жизни характеризуется уровнем развития и удовлетворения потребностей и интересов людей [2; 7; 11]. Систе-

ма социальной защиты сегодня играет важнейшую роль в улучшении качества жизни, здоровья, долголетия и условий жизни пожилых людей.

При разработке теоретико-методологических основ исследования социальной защиты пожилого населения необходимо учитывать различные работы, посвященные осмыслению понятия социальная защита применительно к понятиям «социальная политика», «социальное обеспечение», «социальная работа и социальные услуги», «социальный менеджмент», «управление социальными рисками» и «старение населения». Существует множество подходов к определению понятия социальной защиты. Социальная защита рассматривается как социальный институт и как один из основных компонентов государственной социальной политики. Как социальный институт, социальная защита выполняет ключевые функции, направленные на предупреждение и смягчение социальных рисков для членов общества и содействие их социальному благополучию [3; 17]. Социальная защита как составная часть государственной социальной политики состоит из защитных мер, которые носят экономический, правовой, социальный и организационный характер, а ее деятельность осуществляется в соответствии с установленными государством законодательными и нормативными рамками [3; 6; 17].

Социальная защита населения носит комплексный характер, следовательно, рассматривается как система. Эта система включает в себя конкретные социальные отношения, совокупность социальных институтов, социальных процессов и социальной инфраструктуры. Структурно система социальной защиты состоит из социальных субъектов, общественных организаций и институтов, а также иерархически координируемых органов государственной власти. Ключевым институтом социальной защиты является государство. Государство несет ответственность за разработку и реализацию социальной политики, содействие социальной справедливости и благосостоянию своих граждан [8; 18]. Социальная защита населения проявляется через три ее основных компонента: социальную помощь, социальное страхование и социальные услуги. Ее реализация происходит через соответствующие учреждения. Социальное страхование рассматривается как основная форма и важнейшая составляющая социальной защиты [3].

Один из подходов к определению социальной политики характеризуется трактовкой социальной политики как «социальной защиты», подразумевающей, что государство в основном посредством социальной политики регулирует сферы народного образования, здравоохранения и культуры для обеспечения благосостояния граждан. Социальная политика понимается как система социальных мер и мероприятий, направленных на управление социальным развитием общества; оптимизацию взаимоотношений между социальными группами; и создание благоприятных условий для удовлет-

ворения социальных потребностей отдельных лиц и социальных групп населения [3; 8; 9]. По содержанию и характеру социальной политики социологи сходятся во мнении, что социальная политика проявляется через регулирование деятельности различных социальных институтов, таких как семья, государство, общественные организации и т.д., и эти институты определяют характер и направленность социальной политики в стране [8; 9].

Социальное обеспечение является еще одним важным понятием, которому уделяется особое внимание при обсуждении вопросов социальной защиты. Согласно Г.И. Климантова, социальное обеспечение – это способность человека удовлетворять свои потребности, а это возможно, когда население имеет достойный уровень жизни, что проявляется в удовлетворении социальных, материальных и духовных потребностей граждан [8]. Социальное обеспечение способствует личностному развитию и развитию потенциала личности, и оно зависит от общих условий общества. Осуществление социального обеспечения реализуется посредством предоставления социальных пособий и социальной помощи [13]. Однако важно проводить различие между понятиями «социальная защита» и «социальное обеспечение». Термин «социальное обеспечение» следует понимать в узком смысле как минимальные социальные гарантии, предоставляемые государством гражданам. Социальное обеспечение является критерием оценки функционирования системы социальной защиты в обществе.

С теоретико-методологической точки зрения «социальная работа» и «социальное обслуживание» являются фундаментальными понятиями в изучении социальной защиты пожилого населения. Социальная работа является важнейшим элементом реализации социальной политики, что также способствует реализации социальной защиты населения, так как социальная защита осуществляется в рамках системы социальных услуг [3]. Как правило, социальные услуги относятся к категории социальной помощи и являются неотъемлемой частью социальной работы [3]. Социальные услуги представляют собой специализированную деятельность (психологическая, социально-медицинская, юридическая, педагогическая, социальная или материальная поддержка и т.д.) специалистов социальной поддержки, направленную на поддержку нуждающихся лиц и групп посредством содействия адаптации или реабилитации [1; 3].

Социальные услуги предоставляются государственными и негосударственными учреждениями, а также предприятиями и отдельными гражданами [16]. Социальная работа как система имеет организационную структуру, которая включает в себя деятельность социальных служб, организационные методы управления, административные, социально-экономические и психологические особенности. Бенефициары социальных услуг являются объектом социальной политики. Сегодня по-

жилые люди и пожилое население представляют собой объект социальной политики в сфере социальных услуг. Социальные услуги, ориентированные на пожилых людей, в основном направлены на обеспечение их социального благополучия и долголетия, а также активного участия в жизни общества [14, 15]. Важно также обратить внимание на проблему приватизации, которая наблюдается в системе социальной защиты в настоящее время, что привело к появлению частных социальных служб, которые требуют от пожилых людей платить за себя.

Концепция «социального управления» в равной степени вносит значительный вклад в теоретико-методологические ориентиры изучения социальной защиты пожилого населения. Это создает основу для разработки подходов к оценке эффективности системы социальной защиты населения. Целью социального управления является упорядочение общественных отношений, удовлетворение социальных потребностей граждан и содействие социальному развитию общества на уровне, определяемом директивами правительства [3]. Государство и государственные институты, как субъекты социального управления, являются объектами контроля, осуществляющими социальный контроль посредством принятия различных управленческих решений в различных сферах социальной сферы [26]. Система социального управления базируется на функционировании таких относительно самостоятельных подсистем, как социальная защита, социальное страхование и социальная помощь [3].

По мнению В.И. Жукова, управление социальной защитой является многоуровневым и многогранным и использует методы социального проектирования и социального управления в предупреждении и смягчении социальных рисков в обществе. Различные субъекты системы социальной защиты, включая государство, негосударственные институты, социальные группы и индивиды, играют различные управленческие роли в зависимости от их положения в управленческой иерархии [6]. Таким образом, социальная защита представляет собой систему взаимодействий между субъектом и объектом управления, в рамках которой объектами управления социальной защитой являются социально незащищенные лица и группы населения в целом, а субъектами – государственные и негосударственные учреждения, обеспечивающие социальную защиту населения.

Как форма социального управления социальная защита может рассматриваться и в рамках марксистского взгляда [26]. В данном контексте считается, что социальная защита направлена на разрешение споров, дисбалансов и конфликта интересов между социальными классами для обеспечения гармонии в капиталистических системах. Согласно марксизму, государство представляет интересы господствующего класса и капитализма. Таким образом, социальная политика и социальная защита маскируют капиталистиче-

скую эксплуатацию и удерживают «бедных» для дальнейшей эксплуатации. Социальная политика и социальная защита призваны предотвратить революции и социальную напряженность [11]. Поэтому концепция социального управления имеет решающее значение для объяснения как роста социальной политики, так и ее последствий. Она также поднимает важные вопросы о законности государственного вмешательства, поддержании порядка и защите свободы личности.

Управление социальными рисками является еще одной важной концепцией для рассмотрения в исследованиях по вопросам социальной защиты пожилых людей. Согласно С.Ю. Янову, социальная защита – это система управления социальными рисками, целью которой является поддержание социальных стандартов жизни, установленных обществом для каждого человека [18]. А.З. Мусрева и Д. Малагомедова подчеркивают, что социальная защита населения в целом реализуется в системе управления социальными рисками [10]. Основная роль системы государственного управления социальными рисками принадлежит социальной политике и социальной защите [3]. Таким образом, социальная защита рассматривается как система управления социальными рисками, поскольку она защищает граждан от социальных рисков.

Вопрос функционирования системы социальной защиты населения имеет теоретическое и методологическое значение при изучении социальной защиты пожилого населения. Деятельность и общее функционирование системы социальной защиты пожилого населения осуществляется в соответствии с международными и страновыми нормативными и законодательными рамками, отраженными в законодательных документах. К числу наиболее важных международных законодательных документов относятся: Венский Международный план действий по проблемам старения 1982 года, также называемый планом действий ООН по проблемам старения 1982 года; Декларация Всемирной встречи на высшем уровне в интересах социального развития (принята в Копенгагене 12 марта 1995 года); Всеобщая Декларация Прав Человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года) [4]; Европейская социальная хартия (пересмотрена 3 мая 1996 года в Страсбурге) [5]; декларация Организации Объединенных Наций по проблемам старения 1992 года; принципы Организации Объединенных Наций в отношении пожилых людей 1991 года; Мадридский Международный план действий по проблемам старения 2002 года [12]; и Ливингстонская декларация 2006 года, принятая на совещании Африканского союза в Ливингстоне, Замбия. Помимо этих международных нормативных документов, каждая страна имеет свои специфические законодательные акты национального и регионального уровня, которые определяют систему социальной защиты пожилого населения.

Основу для формирования теоретико-методологических основ социальной защиты пожилого

населения составляют также работы по другим дисциплинам, которые могут быть непосредственно не посвящены системе социальной защиты. Значительный вклад в эту тему вносят дисциплины социальной демографии и медицины. Социальная демография описывает, объясняет и предсказывает социальные явления, используя демографические данные и методы. Она также анализирует как культурные, социальные, экономические и биологические силы влияют на распределение населения [27]. Анализ неравенства и дифференциации является фундаментальной составляющей социальной демографии. Руководствуясь социальной демографией, мы можем глубже понять понятия социального неравенства и социальной стратификации, положение пожилых людей и их вклад в демографический процесс старения населения.

Старение населения становится одной из наиболее заметных глобальных демографических тенденций XXI века. Понимание возрастного распределения и общей численности пожилых людей имеет ключевое значение для информирования о политике в области социальной защиты и планирования развития, ориентированного на пожилых людей. По оценкам демографов, к 2018 году в мире насчитывалось около 962 миллионов человек в возрасте 60 лет и старше, что составляло 13 процентов мирового населения. Ожидается, что это число более чем удвоится к 2050 году и более чем утроится к 2100 году, увеличившись с 962 миллионов до 2,1 миллиарда в 2050 году и 3,1 миллиарда в 2100 году. При общемировом показателе в 3 процента население в возрасте 60 лет и старше растет быстрее, чем все более молодые возрастные группы. Это указывает на то, что старение населения неизбежно, но страны могут извлечь выгоду из этой демографической тенденции путем укрепления своих систем социальной защиты для содействия социальной вовлеченности, экономической производительности и обеспечения долголетия своего пожилого населения [32].

Медицина помогает нам понять процессы биологического, психологического и социального старения и их последствия для человека. Биологическое старение приводит к снижению физических возможностей людей и увеличению бремени хронической заболеваемости и инвалидности среди пожилых людей. Психологически старение ведет к снижению умственных способностей, включая память и когнитивные функции, и делает людей более уязвимыми к депрессии. Социальное старение, с другой стороны, связано с потерей социальных ролей, снижением межличностных отношений и чувством одиночества [24]. Таким образом, по мере старения населения ожидается резкое увеличение распространенности инвалидности, слабости и хронических заболеваний, что требует укрепления долгосрочного медицинского обслуживания. Учитывая уязвимость пожилых людей, проблема старения населения должна быть

включена в политику и программы на всех уровнях, также существует необходимость в международной координации национальных и местных действий по содействию успешному старению.

Подводя итог, можно сформулировать некоторые методологические положения, касающиеся социальной защиты. Во-первых, социальная защита является составной частью государственной социальной политики, направленной на предупреждение и смягчение социальных рисков, приводящих к уязвимости отдельных лиц или групп. Во-вторых, функционирование и обеспечение социальной защиты осуществляется на основе законодательных и нормативных мер. Наконец, осуществление социальной защиты является функцией различных институтов, причем государство выступает в качестве основного субъекта социальной защиты. Система социальной защиты рассматривается как инструмент смягчения социального неравенства, социальной изоляции и экономической зависимости в пожилом возрасте, наряду с другими негативными последствиями старения для отдельных лиц и населения в целом.

Литература

1. Баркер Р. Словарь социальной работы. – М., 1994. – С. 113.
2. Бобков В.Н. Качество жизни: сущность, содержание, измерение / В.Н. Бобков // Уровень жизни населения регионов России. – 2005. – № 1. – С. 7–20.
3. Буданова М.А., Коноплин Ю.С., Горин А.Е. Становление системы государственного социально-ориентированного управления рисками в современном трансформирующемся российском обществе. – М.: «Спутник», 2013. – 109 с.
4. Всеобщая декларация прав человека. Принята Генер. Ассамбл. ООН 10 дек.1948 г.
5. Европейская социальная Хартия (пересмотренная) (открыта для подписания государственной – членами Совета Европы в г. Страсбурге 3 мая 1996 г.)
6. Жуков В.И. Модернизация социальных отношений в России: замыслы, итоги, возможности // Социол. исслед. – 2005. – № 6. – С. 25–34.
7. Замараева З.П. Социальная защита: учеб. пособие /З.П. Замараева; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2009. – 244 с.
8. Климантова Г.И. Государственная семейная политика современной России. Учебное пособие. М.: Дашков и К., 2004. – 192 с.
9. Маргулян Я.А. Социальная политика: учебник. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2011. – 236 с.
10. Мусрева А.З., Малагомедова Д. Социальная защита населения как система управления социальными рисками // Вопросы структуризации экономики. – 2002. – № 4.

11. Пантелеева Т.С., Червякова Г.А. Экономические основы социальной работы. М., 1999. С. 32.
12. Пожилой человек в современном мире. Сборник работ. – СПб., ООО «ИПК «Коста», 2008. – 256 с.
13. Саралиева З.Х. Семья – клиент социальной работы. Новгород, 2003. С. 21.
14. Социологическая энциклопедия: в 2-х томах. – М.: Мысль, 2003. – 694 с.
15. Топчий Л.В. Система управления социальным обслуживанием населения/ Модернизация российского общества и социальное образование (м-лы V Всероссийской соц-педагог. конгресса, г. Москва, 6–7 июня 2005 г.) Под общ. ред. член – корр. РАН В.И. Жукова. – М.: РИЦ «Эрика», 2005. – С. 218–231.
16. Фирсов М.В. Теория социальной работы. – Москва: Академический проект, 2007. – 510 с.
17. Формирование системы социальной защиты населения. Национальные проекты // Основы национальной экономики: Учеб. Пособие / А.В. Сидорович и др.; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Дело и Сервис, 2009. – С. 288–306.
18. Янова С.Ю. Организация социальной защиты населения как системы управления социальными рисками / С.Ю. Янова // Страхование. 2001. -№ 8. -С.8–11.
19. Atchley R.C. (1989). A continuity theory of normal aging. *The Gerontologist*, 29:183–190.
20. Baltes, Paul and Margret Baltes (Eds.). (1990). *Successful aging: Perspectives from the behavioral sciences*. New York: Press Syndicate of the University of Cambridge.
21. Cowgill D.O. and L.D. Holmes (Eds.). (1972). *Aging and modernization*. New York: Appleton-Century-Crofts.
22. Cumming, Elaine and William Earl Henry. (1961). *Growing old*. New York: Basic.
23. Dowd, James J. (1975). Aging as exchange: A preface to theory. *Journal of Gerontology*, 30:584–594.
24. Dziechciaż M, Filip R. Biological psychological and social determinants of old age: Bio-psycho-social aspects of human aging. *Ann Agric Environ Med*. 2014; 21(4): 835–838. doi: 10.5604/12321966.1129943
25. Garner, J. Dianne. (1999). Feminism and feminist gerontology. *Journal of Women & Aging*, 11 (2–3): 3–12.
26. Goroff, N. (1974). Social Welfare as Coercive Social Control. *The Journal of Sociology & Social Welfare*, Vol. 2: Iss. 1, Article 3.
27. Harper, S. (2018). *Demography: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
28. Havinghurst, Robert, Bernice Neugarten, and Sheldon Tobin. (1968). Patterns of aging. In B. Neugarten (Ed.), *Middle age and aging* (pp. 161–172). Chicago, IL: University of Chicago Press.
29. Riley, Matilda While, Marilyn Johnson, and Anne Foner. (1972). *Aging and society*. Volume III, A

Sociology of Age Stratification. New York: Russell Sage Foundation.

30. Rose, Arnold. (1962). The subculture of the aging: A topic for sociological research. *The Gerontologist*, 2:123–127.
31. Tornstam, Lars. (2005). *Gerotranscendence: A developmental theory of positive aging*. New York: Springer Publishing Company.
32. United Nations Department of Economic and Social Affairs/Population Division. *World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings, and Advance Tables*. https://esa.un.org/unpd/wpp/Publications/Files/WPP2017_KeyFindings.pdf. Accessed October 15, 2017.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL GUIDELINES IN THE STUDY OF SOCIAL PROTECTION OF THE ELDERLY

Museve A.K.

Moscow State Pedagogical University

The article presents theoretical and methodological guidelines regarding the study of social protection of the elderly population at present. Special attention is paid to the theoretical basis of the study of aging by highlighting various socio-gerontological theories of aging. A theoretical understanding of the aging process has been carried out, as well as a systematic study of the social protection system in relation to the elderly population and the terminology of social protection. In addition, special emphasis is placed on the consideration of social protection of the population as a system that is comprehensive. The article also establishes how other disciplines contribute to the social protection of the elderly as a system and as a political response to the problems of an aging population. The author also examined the distinctive features and characteristics of social policy, which is understood as a system of social measures and measures aimed at managing the social development of society; optimization of relationships between social groups; and creating an enabling environment to meet the social needs of individuals and social groups. In the process of researching issues of social protection, an analysis of the category of social security was carried out, its distinctive features from social protection were identified. In addition, such categories as: “social work” and “social service” are identified as fundamental concepts in the study of the social protection of the elderly.

Keywords: social protection, ageing, elderly population, social policy, institution, stratification, inequality.

References

1. Barker R. Dictionary of social work. – М., 1994. – P. 113.
2. Bobkov V.N. Quality of life: essence, content, measurement / V.N. Bobkov // Living standards of the population of the regions of Russia. – 2005. – No. 1. – P. 7–20.
3. Budanova M.A., Konoplin Yu.S., Gorin A.E. Formation of a system of state socially-oriented risk management in a modern transforming Russian society. – М.: “Sputnik”, 2013. – 109 p.
4. Universal Declaration of Human Rights. Gener accepted. Assembly UN Dec 10, 1948
5. The European Social Charter (revised) (open for signing by the state – members of the Council of Europe in Strasbourg on May 3, 1996)
6. Zhukov V.I. Modernization of social relations in Russia: plans, results, opportunities // Sociol. researched – 2005. – No. 6. – P. 25–34.
7. Zamaraeva Z.P. Social protection: textbook. allowance / З.П. Замараева; Perm. state un-t – Perm, 2009. – 244 p.
8. Klimantova G.I. State family policy of modern Russia. Tutorial. М.: Dashkov and K., 2004. – 192 p.
9. Margulyan Ya.A. Social policy: a textbook. – St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University of Management and Economics, 2011. – 236 p.
10. Musreva AZ, Malagomedova D. Social protection of the population as a system of social risk management // Issues of structuring the economy. – 2002. – No. 4.

11. Panteleeva T.S., Chervyakova G.A. The economic foundations of social work. M., 1999. P. 32.
12. An elderly person in the modern world. Collection of works. – SPb., 000 "IPK" Costa ", 2008. – 256 p.
13. Saraliev Z. Kh. Family is a client of social work. Novgorod, 2003. P. 21.
14. Sociological Encyclopedia: in 2 volumes. – M.: Thought, 2003. – 694 p.
15. Topchy L.V. The management system of social services for the population / Modernization of Russian society and social education (f-th V All-Russian Social-Pedagogical. Congress, Moscow, June 6–7, 2005) Under the general. ed. member – correspondent. RAS V.I. Zhukov. – M.: RIC «Erica», 2005. – P. 218–231.
16. Firsov M.V. Theory of social work. – Moscow: Academic project, 2007. – 510 p.
17. Formation of a system of social protection of the population. National projects // Fundamentals of national economics: Textbook. The allowance / A.V. Sidorovich and others; Moscow State University M.V. Lomonosov. – M.: Business and Service, 2009. – P. 288–306.
18. Yanova S. Yu. Organization of social protection of the population as a system of social risk management / S. Yu. Yanova // Insurance business. 2001.-№ 8. – P. 8–11.
19. Atchley R.C. (1989). A continuity theory of normal aging. *The Gerontologist*, 29: 183–190.
20. Baltes, Paul and Margret Baltes (Eds.). (1990). *Successful aging: Perspectives from the behavioral sciences*. New York: Press Syndicate of the University of Cambridge.
21. Cowgill D.O. and L.D. Holmes (Eds.). (1972). *Aging and modernization*. New York: Appleton-Century-Crofts.
22. Cumming, Elaine and William Earl Henry. (1961). *Growing old*. New York: Basic.
23. Dowd, James J. (1975). Aging as exchange: A preface to theory. *Journal of Gerontology*, 30: 584–594.
24. Dziechciaż M, Filip R. Biological psychological and social determinants of old age: Bio-psycho-social aspects of human aging. *Ann Agric Environ Med*. 2014; 21 (4): 835–838. doi: 10.5604 / 12321966.1129943
25. Garner, J. Dianne. (1999). Feminism and feminist gerontology. *Journal of Women & Aging*, 11 (2–3): 3–12.
26. Goroff, N. (1974). Social Welfare as Coercive Social Control. *The Journal of Sociology & Social Welfare*, Vol. 2: Iss. 1, Article 3.
27. Harper, S. (2018). *Demography: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
28. Havinghurst, Robert, Bernice Neugarten, and Sheldon Tobin. (1968). Patterns of aging. In B. Neugarten (Ed.), *Middle age and aging* (pp. 161–172). Chicago, IL: University of Chicago Press.
29. Riley, Matilda White, Marilyn Johnson, and Anne Foner. (1972). *Aging and society. Volume III, A Sociology of Age Stratification*. New York: Russell Sage Foundation.
30. Rose, Arnold. (1962). The subculture of the aging: A topic for sociological research. *The Gerontologist*, 2: 123–127.
31. Tornstam, Lars. (2005). *Gerotranscendence: A developmental theory of positive aging*. New York: Springer Publishing Company.
32. United Nations Department of Economic and Social Affairs / Population Division. *World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings, and Advance Tables*. https://esa.un.org/unpd/wpp/Publications/Files/WPP2017_KeyFindings.pdf. Accessed October 15, 2017.

Принципы тайм-менеджмента в управленческой деятельности руководителей бизнес-организации

Титова Дарья Владимировна,

аспирант Волгоградский институт управления – филиал РАН-ХиГС

E-mail: gtd1986@mail.ru

Актуальность и цели. Руководствуясь принципами руководителей бизнес-организаций, основанных на техниках тайм-менеджмента, появляется возможность более быстрого принятия решения и повышения трудовой эффективности. Набор принципов можно сравнить с грамотно выстроенным пособием по достижению результатов за конкретный промежуток времени. Целью данной статьи является выявление основных принципов деятельности руководителей бизнес-организаций при использовании техник тайм-менеджмента, направленных на повышение эффективности. Анализируются основные направления принципов руководителя и выявляется влияние тайм-менеджмента на успешность управленческой деятельности. *Материалы и методы.* Исследуемые проблемы были решены на основе разбора научных зарубежных и отечественных работ по внедрению тайм-менеджмента и управлению персоналом. Используются методы компаративного анализа, рассматриваются разнообразные подходы авторов к его применению, производится типологизация принципов руководителя тайм-менеджмента. *Результаты.* На основании проведенного анализа сделаны выводы, что принципы руководителей использующих методы тайм-менеджмента универсальны и применимы как для воздействия на конкретного индивида, так и для управления социальной группой. В процессе анализа было выявлено, что соблюдение всех принципов руководителей бизнес-организации способствует развитию самой организации, путем использования техник и методов тайм-менеджмента, в некотором роде, являющийся не столько набором техник, сколько стилем жизни и философией ценности времени в постоянно изменяющемся потоке информации и динамичном мире.

Ключевые слова: тайм-менеджмент; принципы тайм-менеджмента; тайм-менеджмент руководителя; делегирование; планирование; целеполагание; контроль; руководитель; социальная ответственность; экономическая ответственность; конкуренты; персонал; партнеры.

В настоящее время проблема использования, подбора правильных техник, методов тайм-менеджмента изучается различными науками. Интерес к изучению тайм-менеджмента возникает в таких областях, как менеджмент, социология, психология, педагогика, которые рассматривают многообразные аспекты принципов человеческой деятельности. Большое значение несут исследования по выделению основных принципов руководителей, направленных на грамотное использование временных ресурсов и внедрения тайм-менеджмента в деятельность разных социальных групп. Основой формирования тайм-менеджмента руководителей являются принципы, основанные на распределении временных ресурсов, главные из которых взаимодействуют в принципах руководителя, учет которых повышает ее эффективность сотрудников, и дает определенные результаты в подготовке руководителей.

Если провести анализ принципов тайм-менеджмента с точки зрения теории современного менеджмента, то существующие практики управления временем выделяют несколько основных принципов, которые повторяются от одной техники к другой не зависимо от структуры организации, количества сотрудников, культурных, нравственных и ценностных принципов руководителя бизнес-организации, включающие в себя расстановку приоритетов, постановку целей, планирование, составление списков дел, концентрацию и фокус, ведение журнала времени, делегирование и сохранение организованности. Об этих принципах упоминают в своих работах практически все специалисты в области тайм-менеджмента: Алан Лакейн, Тэйлор Фредерик, Глеб Архангельский¹. Эти принципы основываются на управленческих функциях руководителей бизнес-организаций и могут применяться абсолютно во всех организациях.

При рассмотрении принципов руководителя связанные с тайм-менеджментом, как социальной деятельности индивида, сделать акцент на ряде принципов направленных на построении ряда взаимодействий руководителя с другими субъектами (сотрудники, заказчики, партнеры, конкуренты). Свойства этих социальных групп и институтов являются важными для самой этой последовательности действий. Взяв за основу критерий,

¹ Лакейн А. Искусство успевать. М.: Агентство «ФАИР», 1996. \$ Тэйлор Ф.У. **Принципы научного менеджмента**, пер. с англ. А.И. Зак. – М.: Контроллинг, 1991. – 104 с/\$ Архангельский Г. Корпоративный тайм-менеджмент: Энциклопедия решений / Г.А. Архангельский. – 2-е изд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2009. – 211 с.

связанный с взаимодействием, мы можем выделить принципы тайм-менеджмента, реализующиеся во взаимоотношениях:

- с партнерами (принципы пунктуальности, принципы культурного отношения ко времени, учет разницы во временных поясах, если это требуется, взаимного доверия, равноправия, следование взятым на себя обязательствам, нахождения компромиссного решения в случае возникновения конфликтов и т.д.);
- с конкурентами (принцип своевременного определения новых конкурентов на рынке, принцип сотрудничества, принцип правильных расчетов временных затрат на выполнение конкретного вида деятельности, принцип лояльности);
- персоналом (принцип корпоративного устранения неполадок, принцип делегирования, принцип пунктуальности, принципы четкого определения временных затрат на выполнение работы и ее оплата; принцип соразмерности; формирование комфортных условий труда, способствующих созданию социального благополучия и творческого роста работников, принципы гласности, четкого реализации обязательств перед коллегами, оплата сверхурочного труда);
- государственными органами власти (принципы взаимодействия, своевременного выполнения выдвигаемых требований со стороны законодательства);

Можно разделить принципы тайм-менеджмента относящиеся к рассмотрению руководителя а именно, занимаемой им роли во взаимодействии с разными группами, организациями:

- зависящих от личностных характеристик руководителя (принципы достоинства, уважение мнения сотрудников, уважения времени участников деловых отношений и т.д.),
- характеризуют его как профессионального квалифицированного руководителя (принципы планирования управленческой деятельности с учетом имеющихся средств, принцип своевременной реакции на полученные материалы от партнеров т.д.),
- проявляются в его действиях как гражданина (соблюдение легитимности, законодательства, своевременная уплата налогов, принесения пользы обществу и т.д.).

Если рассматривать принципы тайм-менеджмент с позиций экономики, то следует отметить принципы конкуренции (опережение с целью получения конкурентных достоинств), проявляющихся в своевременной правильной реакции на получение новой информации, инноваций. Принцип эффективности, состоятельности, сохранения и развития бизнеса. В случае рассмотрения тайм-менеджмента с социальной позиции, формируются принципы надежности, который, также может служить обществу социальной полезностью. Если источником формирования принципов тайм-менеджмента становятся культурные ценности, то в деятельности руководителя будут реализовываться принципы нравственности, норм при-

личия, уважения в трудовом, деловом взаимодействии.

Принципы тайм-менеджмента, являющиеся правилами, определяющими нормы поведения ее субъекта, обладают рядом характеристик: динамичностью, так как могут изменяться с учетом временного ресурса, модальностью, поскольку выражают необходимость соблюдения предписанных норм поведения. Воспользовавшись более присущими для него критериями, руководитель выстраивает прообраз своего профессионального поведения, прибегая в своей практике тех или иных принципов тайм-менеджмента.

Одним из критериев является соответствие экономической системы организации требованиям законодательства, что подразумевает осуществление принципа легитимности. Другим критерием может выступить точность, объяснение содержания которой может быть особо индивидуальной. Также важным можно считать критерий, связанный с оценкой конкретной рыночной обстановки, в которой находится бизнес-организация в данный временной период.

Таким образом, оценив уровень конкуренции, руководитель берет за основу своей деятельности принцип своевременного подхода. Сложенное комбинирование социальных и экономических целей в управленческой деятельности руководителей способствует налаживанию взаимодействий, выстраивание взаимной пользы между обществом и бизнесом, который достигается за счет следования не только принципов экономической рациональности и социальной пригодности, но и принципов тайм-менеджмента. Рассмотрим принципы тайм-менеджмента несущие социальную ответственность:

- Принцип социальной установки тайм-менеджмента. Еще А.М. Столяренко в своих работах фиксировал, что законы системы любой социальной структуры состоят из социальных законов и свойств общества, с которым они взаимосвязаны. Для эффективного управления и функционирования любой организацией в ее деятельности должны отображаться идеалы развитого общества, духовности, человечности, общечеловеческих норм и ценностей¹. В связи с этим, благодаря использованию тайм-менеджмента руководитель может принимать решения, управленческие действия, направленные на развитие и поддержание соответствующей организационной культуры, в которой уделяется должное внимание управлению временными ресурсами.
- Принцип единой цели. Этот принцип обосновывал А. Файоль. Он считал, что согласование личных, групповых и общих интересов компании – одна из важнейших задач управления².

¹ А.М. Столяренко, Энциклопедия юридической психологии / Под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. С. 328.

² Fayol H. Administration industrielle and generale. Paris: Dunod, 1919. PP. 21–43. В рус. пер.: Файоль А. Общее и про-

Креативность и эффективность бизнес-организации всегда будет на высшем уровне, если индивиды (персонал, руководители) в конкретной социальной группе направляют свои действия на решение общих задачи не под давлением, не из-за страха наказания, а с желанием выполнять работу с правильной мотивацией, интересом, желанием и оценением всей ответственности. В связи с этим тайм-менеджмент помогает реализации принципа единства организационных целей и личных будет являться правильной мотивацией направленной на эффективное, креативное, быстрое выполнение поставленной задачи, так как личностные интересы и цели индивида будут совпадать с целями бизнес-организации. Слияние интересов бизнес-организации и персонала компании при использовании данного принципа тайм-менеджмента уверены не только в профессиональном результате, выполненном за более короткий промежуток времени, но и в моральном удовлетворение сотрудника от выполненной работы, что, в свою очередь, положительно влияет на эмоциональный климат внутри бизнес-организации и предоставляет благоприятные условия для функционирования данной социальной группы, что сильно влияет на ее продуктивность.

- Принцип человечности. Этот принцип основывается на том, что управление временными ресурсами сотрудников во всех его формах и методах должно быть основанным с учетом прав, особенностей и личных преимуществ каждого члена коллектива. Согласно гуманистическому принципу, человеческий фактор является определяющим, а сотрудник – высшей ценностью данной социальной группы. Следовательно, подбор подходящих техник тайм-менеджмента сотрудников бизнес-организации должен учитывать ценности, индивидуальные особенности и предпочтения каждого индивида (сотрудника), а не только всевозможные методы для достижения эффективности бизнес-организации. Учитывая данный принцип, руководители бизнес-организаций должны не только обеспечить условия для быстрого выполнения поставленных задач перед сотрудниками, но и учитывать ценностные приоритеты каждого индивида (работника).
- Принцип учета менталитета сотрудников при выборе подходящих техник тайм-менеджмента. Социальная направленность тайм-менеджмента сотрудников проявляется в его взаимодействие с социальными условиями общества, менталитетом, культурными традиций в котором оно реализуется. Выбор подходящих техник, методов тайм-менеджмента должен учитывать национальные особенности абсолютно всех взаимодействующих сторон. Как отмечает А.М. Столяренко, не существует типа управления, который подойдет для всех компаний, ко-

мышленное управление. М.: Экономика, 1992

торый можно было бы применить в любом государстве и в любое время без потери его эффективности. Есть лишь основы управления, которые, должны приспосабливаться к специфике компании, к индивидуальным особенностям сотрудников и также учитывать менталитет народа данной страны. В связи с вышесказанным принцип учета менталитета данной социальной группы будет являться очень важным при разработке эффективной стратегии с использованием практик тайм-менеджмент.

Таким образом, мы можем сделать выводы, что все перечисленные принципы тайм-менеджмента в правильном сочетании и применении являются образовывать профессиональную управленческую деятельность руководителя, определяют его личную психологическую идею управления и являются регуляторами управленческой деятельности. Не маловажным является, изучение руководителями принципов тайм-менеджмента, который может выступать инструментом для планирования управленческого процесса и формирования профессионального управленческого мировоззрения.

Следует отметить, что, с одной стороны, принципы тайм-менеджмента руководителей универсальны и могут применяться как для влияния на определенного индивида, так и для управления любой социальной группой. Желательно учитывать, что принципы и их сочетание могут видоизменяться в корреляции особенностей деятельности организации и влияние внешних и внутренних факторов. Также они будут видоизменяться в зависимости от иерархичности руководящей должности, возрастных и гендерных особенностей руководителя.

Литература

1. Архангельский Г. Корпоративный тайм-менеджмент: Энциклопедия решений / Г.А. Архангельский. – 2-е изд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2009. – 211 с.
2. Лакейн А. Искусство успевать. М.: Агентство «ФАИР», 1996.
3. Столяренко А.М. Энциклопедия юридической психологии / Под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. С. 328.
4. Тэйлор Ф.У. Принципы научного менеджмента, пер. с англ. А.И. Зак. – М.: Контроллинг, 1991. – 104 с
5. Fayol H. Administration industrielle and generale. Paris: Dunod, 1919. PP. 21–43. В рус. пер.: Файоль А. Общее и промышленное управление. М.: Экономика, 1992

PRINCIPLES OF TIME MANAGEMENT IN THE MANAGEMENT ACTIVITIES OF THE HEADS OF A BUSINESS ORGANIZATION

Titova D.V.
Volgograd Institute of Management

Relevance and goals. Guided by the principles of business organization managers based on time management techniques, it is possible to make decisions more quickly and increase labor efficiency.

A set of principles can be compared to a well-constructed manual for achieving results over a specific period of time. The purpose of this article is to identify the main principles of business organization managers' activities when using time management techniques aimed at improving efficiency. The main directions of the Manager's principles are analyzed and the influence of time management on the success of management activities is revealed. *Materials and methods.* The studied problems were solved on the basis of analysis of scientific foreign and domestic works on the implementation of time management and personnel management. Methods of comparative analysis are used, various approaches of authors to its application are considered, typologization of the principles of the head of time management is made. *Results.* Based on the analysis, it is concluded that the principles of managers using time management methods are universal and applicable both for influencing a particular individual and for managing a social group. In the course of the analysis, it was revealed that compliance with all the principles of business organization managers contributes to the development of the organization itself by using time management techniques and methods, which in a way is not so much a set of techniques as a

lifestyle and philosophy of the value of time in a constantly changing flow of information and a dynamic world.

Keywords: time management; principles of time management; time management of the head; delegation; planning; goal setting; control; head; social responsibility; economic responsibility; competitors; personnel; partners.

References

1. Arkhangelsk G. Corporate time management: Encyclopedia of solutions / G.A. Arkhangelsk. – 2nd ed. – M.: Alpina Business Books, 2009. – 211 p.
2. Lackain A. The Art of Keeping Up. M.: Agency "FAIR", 1996.
3. Stolyarenko A.M. Encyclopedia of Legal Psychology / Under the general. ed. prof. A.M. Stolyarenko. M.: UNITY-DANA, Law and Law, 2003. P. 328.
4. Taylor F.U. The principles of scientific management, trans. from English A.I. Zach – M.: Controlling, 1991. – 104 p.
5. Fayol H. Administration industrielle and generale. Paris: Dunod, 1919. PP. 21–43. In Russian per.: Fayol A. General and industrial management. M.: Economics, 1992.

Массовое сознание и социальные медиа: взаимодействие и противостояние

Протасов Саян Юрьевич,

соискатель кафедры «Философия, история и культурология» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления
E-mail: psuu03@gmail.com

Дарибазарон Энхэ Чимитдоржиевич,

доктор философских наук, профессор кафедры «Философия, история и культурология» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

В статье представлено исследование взаимодействия и противостояния массового сознания и социальных медиа. Анализируются перспективы развития социальных медиа в контексте трансформации коммуникационных средств и коммуникационных моделей, находящихся в основе социальных взаимодействий современного общества. Описаны условия формирования и функционирования стереотипов массового сознания. Проанализированы возможности взаимовлияния социальных медиа и власти, приведены примеры двухстороннего влияния. В статье показано применение социальных сетей в современных политических технологиях.

Ключевые слова: виртуальная реальность, массовое сознание, медиа среда, сознание, социальные медиа, социальные сети, трансформация.

Актуальность статьи. Социальные медиа – один из способов трансформации сознания, инструмент, часто используемый в политических практиках. С помощью социальных медиа можно сделать массы податливыми и лояльными, направляя их сознание в нужное русло.

Изучение влияния этого инструмента на изменение сознания масс приобретает задачу государственной значимости, поскольку в определенном смысле это представляет угрозу национальной безопасности. Поэтому в настоящее время чрезвычайно остро стоит вопрос выработки методических рекомендаций по эффективным способам управления социальными медиа.

Органичность медиасреды для формирования и функционирования стереотипов массового сознания связана с такими условиями:

- создание почвы для трансформации знания от персонального к социальному и наоборот;
- существование практики цитации одного медиа другим (самореференция и инореференция СМК, конформизм медиа, «паразитические информационные цепи»);
- обусловленные глобализационными сдвигами роста в СМК объемы внешней информации, трансляция априорных представлений о тех явлениях, с которыми аудитория крайне редко сталкивается в повседневной жизни;
- бытование такого феномена, как медийная картина мира, сопряженная с инверсией реалий.

Цель статьи: исследовать взаимодействие и противостояние массового сознания и социальных медиа.

В блогосфере и социальных сетях интернета в последнее время ходят дискуссии, в которых доминирует мнение о том, что интернет способствует коллективному зомбированию. Исследования показывают, что по сравнению с телевидением интернет-ресурс является значительно более мощной и гибкой системой передачи информации, поэтому его влияние эффективней телевизионного манипулирования массами.

Особенно это кажется опасным сегодня, когда большая часть взрослого населения не имеет сложившейся идентичности, и поэтому восприимчива к внешнему информационному воздействию, проявляет склонность к ситуативно-переменному поведению. Проблемность ситуации усиливает и то, что общество находится в патопсихологическом состоянии (психоневроз отложенного действия –

по Б. Зейгарник), который выражается, главным образом, в проявлениях конформизма или садомазохизма – реакциях, хорошо описанных в книге Э. Фромма [Фромм Э.].

Все это, собственно, и становится предпосылкой манипулирования массовым сознанием, которую мы наблюдаем сегодня как результат применения различных масс-медиа технологий:

а) централизованных или периферийных «авторитетных СМИ», особенно эфирных, которые немало работают по т.н. умолчанию или технологии деперсонифицированного давления массы типа «все в это верят»;

б) распределенных в социальных медиа, где в основном работает личностный, персонифицированный авторитет (рейтинги популярности + сетевой авторитет лидеров мнений) и давление массы (количество просмотров / комментариев, феномен web 2.0).

Конечно, социомедийное манипулирование (по причинам и технологическим, и психологическим) становится более эффективным, чем обычное медийное. По сути, обычное социомедийное продвижение товаров / услуг (SMM) – пример такого манипулирования.

Основой теории манипуляции сознанием человека, согласно концепции гегемонии, выдвинутой Грамши, являются такие понятия как «сегментация» и «стандартизация», как важнейшие условия для осуществления управления массами людей и гегемонии в обществе. По этой причине чтобы управлять социальной системой постмодернистского общества нужно защищать в обществе индивидуализацию людей и их «атомизацию». При этом для правящей верхушки, желающей сохранить свою власть, важно чтобы сегментарные образования людей были соединены таким связями, которые не приводят к органическому единству людей, а значит, не представляют для них опасности. Практические исследования по методологии Грамши позволили прийти к выводу, что наиболее эффективным примером такого безопасного сегментарного образования является футбол. Увлечение футболом как видом спорта порождает в сознании человека символы и образы, связывающие их мягкими, но не дающими ощущения социального единства, связями. Особенность и достоинство футбола в том, что он дарит людям иллюзию равенства. Это один из самых демократичных видов спорта. Он – не только элитное увлечение высокообеспеченных представителей спортивной, политической или деловой элиты. Футбол доступен любому индивидууму из нищих кварталов и деревень стран третьего мира.

По теории Грамши, установление и подрыв гегемонии – это процесс «молекулярный». Его следует рассматривать не как противостояние классовых интересов, а как протекание процессов в сознании людей – изменение их мнений и настроений. Грамши утверждает, что «гегемония, будучи этико-политической, не может также не быть экономической» [Грамши А.].

А между тем сознанию и коллективному бессознательному граждан угрожает не только влияние со стороны родных властей, но и внешние угрозы.

Р. Арзуманян, кандидат технических наук, предложил коллегам свое видение в статье «Взлом человеческого мозга: следующий домен войны». Он рассуждает об инновационных военных технологиях, представляющих особую опасность для мира [Арзуманян Р.].

Данные технологии ориентированы на формирование таких комплексов оружия, управление которых «замыкается на мозг и нейронные сети». То есть, становится реальной угрозой атаки на такие инновационные комплексы с позиций враждебной стороны. Эксперт подчеркивает, что это не фантастический проект, а вполне реальный. «Это новое пространство боя не только для воздействия на сердца и умы, но и для принудительного внедрения в мозг и принуждения» [Арзуманян Р.].

В современном мире функцию влияния на настроение и мнение людей выполняют социальные сети и блогеры – именно они являются важным инструментом для организаторов разного рода революций. Эти политические технологии достаточно подробно описаны в книге Энтони Саттона «Как Орден организует войны и революции» (на русском языке издана в 1995 году в Москве).

Ярким примером влияния блогеров на формирование общественного мнения можно назвать их участие в обсуждении вопроса о правомерности действий Израиля в Ливане во время Второй ливанской войны, которая проходила в июле-августе 2006 года.

Популярные блогеры Израиля, среди которых особое место занимал эксперт ИА REX Давид Эйдельман, были активно вовлечены в общественные дискуссии относительно ведения военных действий. И если вначале блогеры занимали позицию поддержки руководства Израиля и его действий, то после окончания военных действий принялись критиковать не только правительство, но и генеральный штаб Израиля. Результатом их воздействия на общественное мнение стала отставка многих известных израильских чиновников.

Целью использования новых технологий является не установление прямого контроля над обществом или страной, а управление ими путем манипуляций через создание хаоса. С их помощью заказчик легко решает важные для себя вопросы: отстранение с постов ключевых политиков, передачу активов, смену владельцев, приход к власти нужных им марионеток. При этом социальный строй, а именно уровень демократичности общества, не играет важной роли, поскольку заказчику хаоса важно, чтобы новый режим в благодарность за доступ к власти и поддержку сохранял ему лояльность в приоритетных вопросах [Морозова А.А.].

Социальные сети используются в современных политических технологиях как инструмент по-

вышения эффективности самоорганизованности общества. Новые формы коммуникации между обществом и государством позволяют говорить о создании предпосылок для организации гражданского общества и развития институтов, целью которых является наращивание социального капитала всех участников определенного канала коммуникации. С этой точки зрения эффективность управления государством зависит от уровня социального капитала государственных чиновников, в первую очередь – от уровня и скорости обмена между ними знаниями, идеями и опытом.

Рассматривая социальный капитал государственных служащих как интегральную характеристику общества, следует назвать его одним из ключевых свойств системы социально-профессионального сообщества чиновников, позволяющих системе функционировать и решать задачи управления государством.

Благодаря социальным медиа и возможностям сети интернет, новые поколения государственных служащих могут легко завязывать новые знакомства в своей среде, устанавливать новые социальные связи и строить собственные социальные сети, которые позволяют им достигнуть новых вершин в карьерном росте [Смирнов И.А.].

С появлением интернета актуальной стала тема сетевой организации. Создание блогерских сетей, групп, сообществ в рамках разных социальных групп и сервисов, активное привлечение в их ряды новых пользователей имеет позитивный эффект в сфере решения проблем общества и государства в целом.

Социальные сети стали расцениваться как эффективный инструмент мониторинга и оценки в системе связей общества и государства. Правила и нормы общения, которые используются в социальных сетях, стремительно приближаются к уровню общепринятых стандартов.

Социальные сети оказывают влияние на репутацию и рейтинги государственных служащих, поскольку стимулируют общество к обсуждению их недостатков, и, в свою очередь, используются ими для формирования общественного мнения и мониторинга реальной ситуации в том или ином вопросе. Кроме этого, социальные сети вышли на уровень накопления и управления знаниями, обслуживают канал обмена опытом, повышают уровень организационной и гражданской культуры.

В практике преподавания дисциплин в области государственного управления использование социальных сетей приводит к выходу на новый уровень учебного процесса. Использование их в преподавании позволяет создать открытую, неформальную обстановку между всеми участниками процесса, что достигается путем равноценного доступа к любым видам информации: аудио, видео или текстовой, а также с помощью организации проектов и управления ими при помощи возможностей интернет-ресурсов.

Вместе с позитивом, следует отметить рост негативного влияния социального медиа простран-

ства на сознание современного человека. Созданный компьютером мир получил название виртуальной реальности (ВР). Словарь определяет понятие «виртуальный» как «тот, что находится в скрытом состоянии и может проявиться, случиться, является возможным».

Склонный к аддикции пользователь при использовании информационных технологий находится в измененном состоянии сознания, близком к психологическому трансу. Осознание окружающей его реальности изменяется по причине преломления через особое состояние сознания.

Таким образом, социальные сети оказывают значительное влияние на взаимодействие между обществом и государственной властью. В контексте этого можно выделить: влияние на сознание человека новых информационных технологий, оказывающих непосредственное воздействие на расширение его когнитивных и коммуникативных возможностей; влияние использования информационных технологий на социальную организацию: появление новых каналов коммуникации значительно увеличило скорость обмена информацией, а также до минимума уменьшило финансовые потребности на ее передачу; влияние информационных технологий увеличило возможность объединения для географически разрозненных, но близких по принципам и интересам социальных групп, в которых преобладают «горизонтальные» коммуникации без выраженной иерархичности, а также доступна возможность общения «каждого с каждым».

Литература

1. Грамши А. Тюремные тетради в трех частях. Часть 1. / А. Грамши // М.: Политздат, 1991.
2. Морозова А.А. Средства массовой информации как инструмент управления общественным мнением в процессе формирования политического имиджа государства за рубежом // Социально-экономические явления и процессы. 2018. Т. 13. № 103. С. 33–41.
3. Смирнов И.А. Технологии манипуляции массовым сознанием в социальных медиа // В сборнике: Научная дискуссия современной молодежи: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. Пенза, 2019. С. 167–169.
4. Фромм Э. Психоанализ и этика [Текст] / Э. Фромм; сост. П.С. Гуревич, С.Я. Левит; вступ. ст. П.С. Гуревич. – М.: АСТ, 1998. – 566 с.
5. Арзуманян Р. Взлом человеческого мозга: следующий домен войны [Электронный ресурс] / <http://www.iarex.ru/news/32270.html>.

MASS CONSCIOUSNESS AND SOCIAL MEDIAS: CO-OPERATION AND OPPOSITION

Protasov S.Y., Daribazaron E. Ch.

East Siberia State University of Technology and Management

The research of co-operation and opposition mass consciousness and social medias are presented in the article. This article analy-

ses the development prospects of social media in the context of the transformation of communication means and communication patterns in the social interactions of modern society. The terms of forming and functioning of stereotypes mass consciousness are described. The author reviews the possibilities of interference of the social media and the political power, and considers the examples of mutual influence. In the paper application of social networks is shown in modern political technologies.

Keywords: virtual reality, mass consciousness, media environment, consciousness, social medias, social networks, transformation.

References

1. Gramshi A. Tyuremnyie tetradi v treh chastyah. Chast 1. / A. Gramshi // M.: Politzdat, 1991.
2. Morozova A.A. Sredstva massovoy informatsii kak instrument upravleniya obschestvennyim mneniem v protsesse formirovaniya politicheskogo imidzha gosudarstva za rubezhom // Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessyi. 2018. T. 13. # 103. P. 33–41.
3. Smirnov I.A. Tehnologii manipulyatsii massovym soznanie v sotsialnyih media // V sbornike: Nauchnaya diskussiya sovremennoy molodezhi: aktualnyie voprosyi, dostizheniya i innovatsii. Sbornik statey VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Penza, 2019. P. 167–169.
4. Fromm E. Psihoanaliz i etika [Tekst] / E. Fromm; sost. P.S. Gurevich, S. Ya. Levit; vstup. st. P.S. Gurevich. – M.: AST, 1998. – 566 p.
5. Arzumanyan R. Vzlom chelovecheskogo mozga: sleduyuschiy domen voynyi [Elektronnyiy resurs] / <http://www.iarex.ru/news/32270.html>.

Дрейф дискурсов региональной политики памяти в постсоветской России (на примере Архангельской области)

Тамицкая Екатерина Николаевна,

аспирант 1 года обучения, старший преподаватель кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: e.tamitskaya@narfu.ru

Данная статья посвящена определению дискурсов региональной политики памяти в Архангельской области в постсоветский период. Реализация политики памяти в регионе проявилась, с одной стороны, в деликатной итерации общефедеральной повестки, с другой, – в формировании геокультурного основания региона, учитывающего процесс естественного исторического освоения территории, а также репрезентирующие его образы и смыслы. Вторая тенденция явилась своего рода компенсацией размытости «официальных» ориентиров в выстраивании политики памяти, и обусловлена влиянием различных дискурсивных практик локального и глобального масштаба. Результаты исследования могут дополнить существующие знания в области memory studies и североведения, также быть использованы при реализации политики памяти регионального и национального уровней.

Ключевые слова: Архангельская область, memory studies, политика памяти, коммеморация, дискурс.

Динамичные изменения во всех сферах общественной жизни и государственном управлении в постсоветской России детерминировали поиск социокультурных оснований для консолидации формирующегося сообщества граждан. На смену социалистическим идеалам и ценностным установкам советского народа должны были прийти капиталистический строй и демократические основания общественного развития. Однако глубинная эмоциональная и административная ревизия советской идеологии без конгруэнтной ей цели модернизации социокультурного развития привели к дезорганизации и расколу общества. В указанных условиях необходимым становится поиск не только концептуальных оснований консолидации общества, но действенных форм и механизмов активизации интеграционных процессов.

Одним из оснований для единения общества стал рассматриваться фактор национальной идентичности, устанавливаемой в контаминации традиций прошлого, демаркации границ с иными общностями в настоящем и ориентацию на развитие в будущем. Формирование национальной идентичности нередко стало сопровождаться активизацией индустрии наследия, переоценкой событий прошлого, актуализацией ушедших в забвение исторических событий и личностей, появлением/демонтажом памятников, открытием музеев и архивов, «красных» дат календаря и коммеморативных практик, через которые выкристаллизовывалась национальная память. Высказанная Э.Д. Смитом формула «no memory, no identity; no identity, no nation» [1] может служить экспликацией «мемориального бума» не только в гуманитарных исследованиях (memory studies) 80-х гг. прошлого столетия, но и общественной и политической практике на рубеже XX–XXI в. В последнем случае прошлое становится не только символическим, но и политическим ресурсом, используемым во внутри- и внешнеполитической борьбе.

Оставляя за скобками настоящей статьи презентацию множества имеющихся в арсенале гуманитарного знания определений политики памяти, примем за основу обоснованную позицию профессора О.Ю. Малиновой. С ее точки зрения, политика памяти представляет собой деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение представлений о коллективном прошлом, формирование поддерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики и законодательного регулирования [2, с. 33]. Сохранение автономии регионов страны в способах обращения к историческому прошлому и механиз-

мах репрезентаций этих образов [3, с. 125], также уникальность условий их развития может свидетельствовать о полифонии региональных практик реализации политики памяти в постсоветской России. Подтверждением этому служит целый ряд публикаций на эмпирическом материале субъектов Российской Федерации – республики Татарстан [4], Оренбургской [5] и Калининградской [6] областей, Краснодарском крае [7], отдельных городов – Санкт-Петербурга [8], Челябинска [9] и др.

Сегодня представляется значимым обращение внимания к исследованию дискурсов политики памяти в регионах, имеющих геостратегическое значение для страны в целом, обладающих оборонно-способным и природно-ресурсным потенциалом развития государства, производственной мощью и развитой научно-образовательной и социальной инфраструктурой. Несомненно, к одним из таких относится Архангельская область, имеющая исторические корни, связанные с возникновением российской государственности, взаимовлиянием разных культур, и в то же время, сопряжённый с освоением и перспективами развития арктического региона.

Характерным в реализации политики памяти в Архангельской области в постсоветский период были две тенденции.

Первая тенденция проявилась в созвучии федеральному уровню мотивов реставрации досоветского прошлого, негативизации и прославлению отдельных страниц истории страны.

В частности, в областном центре в 1993 году возвращены исторические наименования улиц: улице Ф. Энгельса – Воскресенская; проспекту имени Павлина Виноградова – проспект Троицкий, проспекту Никифора Левачева – проспект Никольский. В том же году набережная имени В.И. Ленина переименована в Набережную Северной Двины. В 2000 году улица Металлистов переименована в Ильинскую, в честь одноимённого кафедрального собора. В 2004 году была развернута дискуссия о переименовании улиц Карла Либкнехта, Логинова, Кедрова и Правды, хранящих память о коммунистическом прошлом, однако лишь последняя из улиц получила новое название – Иоанна Кронштадского.

Вместе с восстановлением «исторической справедливости» актуализировался критический нарратив о тоталитарном прошлом. Для этого использовались механизмы забвения и мемориализации, в том числе через демонтаж имеющихся и инициацию новых «мест памяти». К примеру, в муниципальных образованиях региона осуществлялся снос памятников В.И. Ленину. Только в г. Архангельске из 38 памятников вождю мирового пролетариата в 1991 году осталось около 10 [10]. При этом практически повсеместно стали стихийно создаваться мемориалы, посвященные жертвам политических репрессий. В областном центре памятный камень был заложен в августе 1990 года и открыт 30 октября 1992 года; в 2010 году открыта «Аллея памяти жертв политических ре-

прессий». Подобные мемориалы установлены были в г. Северодвинске (1990 г.), г. Онеге (1995 г.), г. Каргополе (2006 г.), Котласском районе (2009 г.) и др. Установление в октябре 1991 года Дня памяти жертв политических репрессий и утверждение в 2015 году Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий, проведение официальных мемориальных мероприятий закрепили государственную позицию по указанной исторической тематике.

Однако ключевым историческим событием, которое впоследствии становится базой реализации политики памяти, является Победа в Великой Отечественной войне. Оно достаточно быстро было инкорпорировано в региональную повестку политики памяти и служило формированию общественного консенсуса. Этому способствовала достаточно разветвленная инфраструктура памяти, старшее поколение жителей – хранителей исторической памяти, значительный вклад населения и региона в общую копилку цены Победы в войне.

Повсеместно в регионе по инициативе активистов, представителей общественных организаций, при поддержке региональной власти возникали мемориалы памяти о Великой Отечественной войне. К примеру, в г. Архангельске – Памятник соловецким юнгам на Набережной Северной Двины (1993 г.), Стела «Герои Советского Союза города Архангельска и Архангельской области» (1998 г.), Памятный камень «Донорам военных лет» (2005 г.), Памятник «Тюленю-спасителю» (2010 г.), Памятник адмиралу Н.Г. Кузнецову (2010 г.), Стела «Город воинской славы» (2011 г.), Памятник жителям военного Архангельска (2015 г.), Памятник участникам северных конвоев (2015 г.), Памятник «Детям войны» (2019 г.), и др.

«Локальные» военные страницы истории получили отражение в «местах памяти» в районах региона. К примеру, в г. Северодвинске – «Мемориал жертвам блокады – ленинградцам, умершим в Молотовске в годы войны» (1992 г.), г. Новодвинске – памятник «Пограничный столб» (2017 г.) и Памятный камень Герою Советского Союза Ф.И. Коржавину (2011 г.), Мезенском районе – Памятник воинам и труженикам тыла деревни Елкино (2016 г.), г. Онеге – Мемориальная стена с именами 1520 погибших в годы войны онежан» (1995 г.), г. Коряжме Котласского района – Памятник детям войны (2017 г.) и т.д.

Военная тематика нашла свое отражение в постоянных экспозициях государственных музеев региона, в музейных комплексах и наименованиях общеобразовательных учреждений, краеведческой литературе, проводимых творческих конкурсах, реализации мероприятий патриотической направленности, проведении с 2015 года все более популярной акции «Бессмертный полк», и др.

Вторая тенденция реализации региональной политики памяти детерминирована формированием геокультурных оснований региона.

Одним из первых презентуется «поморский» дискурс политики памяти, основанный на возро-

ждении историко-культурного наследия поморов¹. При этом отмечается стремительное разрастание инфраструктуры региональной памяти, поддерживаемой общественностью и региональной властью в 90-е гг. XX в – 2000-е гг.

Понятие «Поморье» получило широкое отражение в наименовании краеведческой литературы, изданной с 1991 года, опередив по упоминаемости «Русский Север»² в более, чем 2 раза. Изданная в 2001–2016 гг. в 5 томах энциклопедия регионального типа о наиболее значимых событиях истории, экономики, культуры Архангельской области, ее географии и природных условиях носит название «Поморская энциклопедия».

Приставка «поморский» или «Поморье» встречаются в наименовании университета с 1991 года (на тот период Поморский государственный педагогический университет им. М.В. Ломоносова), журнала (с 2003 года издается «Поморская столица»), организаций (ООО «Поморский сувенир» и др.), гостиницы («Столица Поморья»), структурного подразделения «Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании» в регионе («Поморье»), национального парка («Онежское Поморье», 2003 г.) и т.д. В СМИ Архангельск именуется столицей Поморья, а в региональном гимне первой строкой значится «край наш поморский...» [11].

Во второй половине 90-х XX в. в регионе велась разработка концепции Поморской свободной культурно-образовательной зоны, пространства подготовки специалистов, отвечающим требованиям времени. Данная идея открыто была озвучена А. Ефремовым, губернатором Архангельской области [12]. Позднее, уже другим губернатором, – И. Михальчуком, 2011 год был объявлен годом Поморской культуры.

«Поморский» дискурс получил отражение и в содержании школьного образования. Для выполнения требований Федерального государственного образовательного стандарта в учебный план образовательных учреждений Архангельской области с 2010–2011 учебного года [13] для учащихся 2–4 классов введен курс краеведения «Морянка» [14]. В программе имеются содержательные линии: «Родом из поморской славной стороны», которая приобщает детей к самобытной культуре, духовным традициям Русского Севера; «Славные поморы», – знакомящая со знаменитыми и талантливыми людьми региона [15].

Однако возникший в 2011–2012 годах диспут, развившийся в СМИ и среди научной общественности относительно содержания понятия «помор»

¹ Подробнее о различном понимании и концептуализации понятия «помор» См.: Лукин Ю.Ф. О русском поморе замолвите слово // Арктика и Север. 2012. № 7. С. 12–18; Семущин Д.Л. Поморье и поморы: структура одного исторического мифа // Арктика и Север. 2012. № 7. С. 45–57;

² Расчет велся с использованием электронного краеведческого каталога «Русский Север» Архангельской областной научной библиотеки имени Н.А. Добролюбова. Режим доступа: <http://www.aonb.ru/elektronik-catalog>, свободный (дата обращения: 11.12.2019).

и его статуса, приобрел политизированные формы [16]. В итоге, по замечанию профессора Ю.П. Шаббаева, «поморская идея окончательно лишилась официальной и отчасти общественной поддержки и «похоронена» [16, с. 312].

Для смены «поморского» дискурса производилась актуализация историко-культурного наследия региона в истории освоения и изучения арктического региона, начиная со времен Ивана Грозного, учредившего первый морской порт России на берегах Северного Ледовитого океана. Данный процесс в целом соответствовал как возрастающей международной конкуренции за Арктику, так и принятым Россией с 2008 года стратегическим документам, определяющим развитие указанного макрорегиона.

Анализ стратегий развития Архангельской области, принятых в 2008 г. [17] и 2019 г. [18] наглядно демонстрирует тезис об арктической приоритизации развития региона. В первом документе упоминается понятие «помор», во втором – оно и его производные вовсе отсутствуют; «Русский Север» фигурирует в обоих документах лишь единично; «Арктика» и производные от этого понятия обильно представлены в тексте второй стратегии.

«Арктический» дискурс проявился в наименованиях университета (в 2010 году был создан Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова), исследовательского центра (образован путем реорганизаций научно-исследовательских структур в 2015 году Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики РАН), национального парка (в 2009 году создан национальный парк «Русская Арктика»), туристических продуктах («Архангельск: здесь начинается Арктика») и т.д. Краеведческая литература все более тяготеет к использованию понятия «Арктика» и его производных в наименовании, на что указывает значительная доля источников постсоветского периода, опубликованная последнее десятилетие.

Архангельск стал площадкой проведения Международного кинофестиваля стран Арктики «Arctic open», Международного форума «Арктика – территория диалога» (проводился в 2011 г. и 2017 г.), масштабных научных конференций и культурных мероприятий. 2012 год региональными властями был объявлен в Архангельской области годом Арктики.

Коммеморативный ряд стал пополняться новыми «местами памяти». К примеру, установлена памятная плита Ивану Грозному (2012 г.), открыт Музей художественного освоения Арктики им. А.А. Борисова (2008 г.).

«Арктический» мотив проявился и в региональном компоненте общего образования. В 2017 году принят региональный историко-культурный стандарт Архангельской области, содержащий основные подходы к преподаванию региональной и локальной истории [19]. Основной фигурой текста является представление Архангельского Севера в качестве форпоста освоения Арктики. Готовяща-

яся к выпуску в 2019–2020 гг. серия учебных пособий «История Архангельского Севера» для 6–10 классов общеобразовательных учреждений тематически будет включать отдельный раздел «Освоение Арктики».

Таким образом, эксплицитный характер сменяющих друг друга дискурсов региональной политики памяти свидетельствует о лабильности оснований консолидации общества и формирования идентичности в постсоветский период. Данное обстоятельство подтверждается результатами социологических исследований за последние 5 лет, демонстрирующих преимущественную самоидентификацию жителей Архангельской области в качестве «северян», и в меньшей степени отнесение себя к «арктической» и «поморской» территориальной общности [20].

Полагаем, что сегодня насущным является не только определение концептуальных оснований целостной региональной политики памяти, способствующей формированию чувства ответственности и готовности защиты Родины, противостояния любым формам радикализма и экстремизма, но и устойчивых ценностных ориентиров, учитывающих настоящие и прогнозируемые вызовы и риски для развития страны и региона.

Литература

1. Smith A.D. Memory and modernity: reflections on Ernest Gellner's theory of nationalism // *Nations and Nationalism*. – 1996. – 2(3). P. 371–388.
2. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // *Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В.* – М.-СПб: НесторИстория, 2018.
3. Аникин Д.А. Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7. Философия*. – 2012. – № 3 (18). С. 121–126.
4. Овчинников А.В. «Возрождение» Болгара и Свяжска – новейший опыт конструирования исторической памяти // *Вестник Пермского университета*. 2017. 4 (39). С. 192–201.
5. Дмитриева М.Г. Состояние и тенденции развития исторической памяти в массовом сознании российского общества: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. М.: РГБ, 2006. 198 с.
6. Карпенко А.М. «Место памяти» в системе политических координат: случай Калининградской области // *Daugiareiksmės tapatybės tarpurdvėse: Rytų Prūsijos atvejis XIX–XX amžiais. Acta Historica Universitatis Klaipedensis. Klaipėda*, 2011. Т. 23. S. 234–252.
7. Морозова Е.В. Локальная идентичность и проблемы ее конструирования (кейс Краснодарского края) // *Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции / Под ред. И.С. Семененко, Л.А. Фаде-*

ева, В.В. Лапкин, П.В. Панов. М., 2011. С. 231–237.

8. Гигаури Д.И. Политический миф и ритуал в структуре современной символической политики: дис. ... канд.полит.наук: 23.00.03. СПб., 2016. 221 с.
9. Шуб М.Л. Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик публичного поминовения (на примере наименования улиц Челябинска) // *Обсерватория культуры*. – 2018. – 15(2). С. 161–169.
10. Памятник Ленину в Архангельске сравнили с Колизеем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dvinatoday.ru/city/pamyatnik-leninuv-arkhangelske-sravnilis-s-kolizeem>, свободный (дата обращения: 9.12.2019).
11. Областной закон Архангельской области «О гимне Архангельской области» № 1410 от 31.10.2007. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&&nd=123019814&&page=1&rdk=3#10, свободный (дата обращения: 10.09.2019).
12. Ефремов А. Ломоносов возвращается в Архангельск // *Российская газета*. – 1997. – 3 дек.
13. Распоряжение министерства образования, науки и культуры Архангельской области «О введении курса «Морянка» в общеобразовательных учреждениях Архангельской области» № 645 от 11.06.2010 года.
14. Морянка: Хрестоматия о Русском Севере для чтения в начальных классах / науч. ред. Э.И. Николаева, Архангельск: ГОУ «АО ИППК РО», 2010.
15. Полякова, И.Ф. Краеведческий курс «Морянка» как средство духовно-нравственного воспитания младших школьников // *Сборник научных трудов SWorld: по итогам Международной научно-практической конференции «Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании 2014»* – Выпуск 2. Том 10. – Одесса, 2014. С. 42–44.
16. Шабаяев Ю.П. Русский Север и Поморье в символическом и культурном ландшафте Европейского Севера РФ и в этнополитике // *Человек. Культура. Образование*. – 3 (21). – 2016. С. 295–320.
17. Распоряжение администрации Архангельской области от 16.12.2008 № 278-ра/48 «О Стратегии социально-экономического развития Архангельской области до 2030 года».
18. Закон Архангельской области от 18 февраля 2019 г. № 57–5-ОЗ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года».
19. Региональный историко-культурный стандарт Архангельской области / Под общ. ред. Р.Ю. Болдырева. – Архангельск: Изд-во АО ИОО, 2017. – 74 с.

20. Каторин И.В. Влияние арктического фактора на региональную идентичность в Архангельской области // Социология. – 2019. – № 2. С. 295–300.

DRIFTING DISCOURSES OF THE REGIONAL MEMORY POLITICS IN POST-SOVIET RUSSIA (USING THE EXAMPLE OF THE ARKHANGELSK REGION)

Tamitskaya E.N.

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

The article is concerned with the determination of discourses pertaining to the regional politics of memory in the post-Soviet Arkhangelsk Region. On the one hand, the regional politics of memory has manifested itself in delicate iteration of the nationwide agenda, but on the other hand, it has shaped the region's geocultural foundation considering the process of natural historical exploration of its territory, while at the same time representing its images and implications. The latter trend is inspired by the influence of various discursive practices at a local and global scale, and emerged as a kind of a compensation for blurry "official" landmarks guiding the politics of memory. The research findings can contribute to the existing knowledge in the field of memory studies and Northern studies and can be used to implement the politics of memory both regionally and globally.

Keywords: Arkhangelsk Region, memory studies, politics of memory, commemoration, discourse.

References

1. Smith A.D. Memory and modernity: reflections on Ernest Gellner's theory of nationalism // Nations and Nationalism. – 1996. – 2 (3). P. 371–388.
2. Malinova O. Yu. The politics of memory as an area of symbolic politics // Methodological issues of studying the politics of memory: Sat. scientific tr / Ans. ed. Miller A.I., Efremenko D.V. – M.-SPb: Nestor-History, 2018.
3. Anikin D.A. Strategies for transforming the politics of memory in modern Russia: a regional aspect // Bulletin of the Volgograd State. un-that. Ser. 7. Philosophy. – 2012. – No. 3 (18). P. 121–126.
4. Ovchinnikov A.V. "Revival" of Bulgar and Sviyazhsk – the latest experience in constructing historical memory // Bulletin of Perm University. 2017.4 (39). P. 192–201.
5. Dmitrieva M.G. The state and development trends of historical memory in the mass consciousness of Russian society: dis. ... cand. sociol. Sciences: 22.00.04. M.: RSL, 2006. 198 p.
6. Karpenko A.M. "The place of memory" in the system of political coordinates: the case of the Kaliningrad region // Daugia-reiksmēs tapatybēs tarpuervēse: Rytų Prūsijos atvejis XIX–XX amžiais. Acta Historica Universitatis Klaipedensis. Klaipėda, 2011. T. 23. P. 234–252.

7. Morozova E.V. Local identity and the problems of its design (case of the Krasnodar Territory) // Identity as a subject of political analysis: a collection of articles based on the results of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference / Ed. I.S. Semenenko, L.A. Fadeeva, V.V. Lapkin, P.V. Panov. M., 2011. P. 231–237.
8. Gigauri D.I. Political myth and ritual in the structure of modern symbolic politics: dis. ... Candidate of Political Science: 23.00.03. SPb., 2016. 221 s.
9. Shub M.L. The phenomenon of commemoration: the experience of culturological analysis of public remembrance practices (by the example of the names of the streets of Chelyabinsk) // Observatory of Culture. – 2018. – 15 (2). P. 161–169.
10. The monument to Lenin in Arkhangelsk was compared with the Colosseum [Electronic resource]. – Access mode: <http://dvin-atoday.ru/city/pamyatnik-leninu-v-arkhangelske-sravnili-s-kolizeem>, free (accessed: December 9, 2019).
11. Regional law of the Arkhangelsk region "On the anthem of the Arkhangelsk region" No. 1410 of 10/31/2007. The official Internet portal of legal information [Electronic resource]. – Access mode: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&&nd=123019814&&page=1&rdk=3#0, free (accessed date: 09/10/2019).
12. Efremov A. Lomonosov returns to Arkhangelsk // Russian newspaper. – 1997. – Dec 3.
13. The order of the Ministry of Education, Science and Culture of the Arkhangelsk Region "On the introduction of the course" Sailor "in educational institutions of the Arkhangelsk region" No. 645 of 06/11/2010.
14. Moryanka: A reader of the Russian North for reading in primary school / scientific. ed. E.I. Nikolaev, Arkhangelsk: SEI IPPK RO JSC, 2010.
15. Polyakova, I.F. Local history course "Sailor" as a means of spiritual and moral education of younger schoolchildren // Collection of scientific papers SWorld: based on the results of the International scientific-practical conference "Modern problems and solutions to them in science, transport, production and education '2014" – Issue 2. Volume 10. – Odessa, 2014. P. 42–44.
16. Shabaev Yu.P. The Russian North and Pomerania in the symbolic and cultural landscape of the European North of the Russian Federation and in ethnopolitics // Man. The culture. Education. – 3 (21). – 2016. P. 295–320.
17. Order of the Administration of the Arkhangelsk Region dated December 16, 2008 No. 278-ra / 48 "On the Strategy for the Socio-Economic Development of the Arkhangelsk Region until 2030".
18. The law of the Arkhangelsk region of February 18, 2019 No. 57–5-OZ "On approval of the Strategy for socio-economic development of the Arkhangelsk region until 2035".
19. Regional historical and cultural standard of the Arkhangelsk region / Ed. ed. R. Yu. Boldyrev. – Arkhangelsk: Publishing House of JSC OSI, 2017. – 74 p.
20. Katorin I.V. The influence of the Arctic factor on regional identity in the Arkhangelsk region // Sociology. – 2019. – No. 2. P. 295–300.

Психосемантические методы оценки трансформации сознания в коррупционном пространстве

Храмова Надежда Андреевна,

соискатель, Волжский филиал Волгоградского государственного университета
E-mail: nadi3110@mail.ru

Филиппов Александр Геннадьевич,

к.п.н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Волжский филиал Волгоградского государственного университета
E-mail: 6580687@gmail.com

Коррупция – это одна из форм экономического поведения, а именно, девиантное, наносящее экономический, социальный и моральный ущерб как гражданам, так и государству. Социально-культурные причины коррупции являются доминантными, в силу чего вызывают необходимость трансформации сознания, оценить которую возможно посредством психосемантических методов. Психосемантический метод способен оценить трансформацию и получить результаты в разные временные периоды и зафиксировать его трансформацию.

Ключевые слова: коррупция, девиантное поведение, трансформация сознания, экономическое поведение, предпринимательство, психосемантика.

Отечественные реалии современного общества отражают разнообразие происходящих в нем процессов. В 2018 году количество совершенных преступлений было зарегистрировано в количестве около двух миллионов [1]. Среди них большое количество преступлений, совершенных лицами без постоянного источника дохода, лицами, ранее совершавшими преступления, а также, в состоянии алкогольного опьянения. В общем числе количества преступлений в 2018 году коррупционные преступления составили 32 тысячи выявленных случаев. Следует заметить, что их количество с каждым годом увеличивается приблизительно на 10%.

По количеству самоубийств Россия занимает 3 место, опережая при этом 180 стран [2]. По индексу коррупции Россия в 2018 году заняла 138 место из 180 возможных, а общий объем коррупционного оборота в России оценивается почти в 300 млрд долларов в год [3].

Происходит деформация общественного сознания вследствие нарушения общественной морали, норм социальной справедливости, представлений о гражданской чести и ответственности.

Одним из таких процессов является коррупция. Коррупция есть масштабное социальное явление, согласно Конвенции Организации Объединенных Наций, принятой в 2003 году Генеральной Ассамблеей ООН: «Коррупция – это подкуп национальных и иностранных публичных должностных лиц; хищение, неправомерное присвоение, нецелевое использование ими имущества; злоупотребление служебным положением и влиянием в корыстных целях; незаконное обогащение; подкуп и хищение имущества в частном секторе; сокрытие» [4].

Согласно Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию: «Коррупция – это целостное социальное явление, состоящее из совокупности этических и правовых нарушений, выражающееся в использовании служащими своего статуса в целях незаконного получения благ и преимуществ» [5].

Коррупцией принято считать сделку, вымогательство, получение взяток, незаконных денежных доходов чиновниками.

Представители бизнеса различных уровней зачастую прибегают к помощи чиновников, с целью решения своих проблем через подкуп вышеуказанных.

Классифицировать виды коррупционного поведения можно следующим образом (табл. 1).

Следовательно, можно выделить 8 основных видов девиантного поведения в коррупционном пространстве.

Таблица 1. Виды коррупционного поведения

Вид поведения	Действия из выборки судебных дел
Получение взятки	Должностное лицо пользуется возможностью повлиять на принятие официального документа
Подстрекательство к даче взятки	Должностное лицо подстрекает к получению незаконной выгоды от принятия официального документа
Вымогательство	Должностное лицо получает имущество под угрозой причинения вреда в будущем
Мошенничество с контрактом	Должностное лицо или частный подрядчик получает оплату посредством обмана, введения в заблуждение или ложной информации
Хищение	Должностное лицо или частный подрядчик незаконно использует государственные средства для личной выгоды
Должностной проступок	Должностное лицо совершает незаконное действие или бездействие для получения выгоды или причинения вреда
Препятствование отправлению правосудия	Государственное или частное должностное лицо намеренно препятствует законным процедурам (например, аудиту или расследованию)
Нарушение действующих законов	Государственное или частное должностное лицо нарушает юридические или административные нормы, призванные обеспечить справедливость и безопасность в бизнесе или политике (например, трудовые, производственные нормы, нормы охраны окружающей среды)

При применении к человеческой деятельности коррупции можно с уверенностью сделать вывод о том, что коррупция является аморальной и неэтичной, поскольку она в корне сопряжена с частной выгодой за государственную плату.

Если оставить без контроля, коррупция может привести к хаосу и анархии в обществе. Коррупция в деловом поведении также нарушает принцип распределительной справедливости и подрывает фидуциарную роль бизнеса как хранителя общественного богатства и ресурсов.

Кроме того, коррупция нарушает утилитарную роль бизнеса по достижению экономического благосостояния общества. Эта логика подтолкнула к разработке антикоррупционного законодательства как на национальном, так и на региональном и международном уровнях для защиты экономических интересов общества и защиты общества от аморальной ситуации частной выгоды за государственный счет. Поэтому коррупция в бизнесе является аморальной и неэтичной с точки зрения общества.

Итак, коррупция – это асоциальное поведение, отклоняющееся от общепринятых моральных и нравственных норм и норм, установленных законодательством. Коррупция наносит экономический, моральный вред как отдельным гражданам, так и государству в целом, поскольку является одной из форм девиантного поведения.

Коррупция, как и любая другая человеческая деятельность в обществе, подлежит оценке в соответствии с определенными моральными стандартами. Речь идет о стандартах ожидаемого поведения, основанных на убеждениях общества или группы лиц, о том, что правильно и что неправильно, что хорошо или что плохо.

Правовое исполнение моральных стандартов логично только тогда, когда был исследован сам моральный стандарт, и нарушение которого, скорее всего, нанесет серьезный вред обществу. Хотя моральные нормы основаны на убеждениях отдельных лиц и общества, для того чтобы юридически оправдать и обеспечить их соблюдение, простое мнение большинства также может быть равнозначно тирании большинства. Моральный стандарт становится пригодным для исполнения в судебном порядке только тогда, когда его нарушение поставит под угрозу мораль и существование общества. Мораль и моральные стандарты предлагают выбор между правильным и неправильным, между «плохо» и «хорошо», между дозволенным и недозволенным.

В настоящее время отмечается возможное множество причин коррупции, в числе которых экономические, институциональные и социально-культурные.

Инициатором экономических причин коррупции выступают низкие заработные платы государственных служащих, в том числе их особые полномочия иметь влияние на деятельность как организаций, так и граждан. Коррупция имеет активное развитие там, где у чиновников есть полномочия распоряжаться какими-либо дефицитными благами.

Институциональные причины коррупции – образуются благодаря высокому уровню непрозрачности деятельности государственных ведомств, громоздкой системе отчетности, которая существует, несмотря на влияние современности в виде цифровизации, слабая кадровая политика государства, допускающая продвижение по службе вне зависимости от реальных результатов работы служащих.

Социально-культурные причины коррупции вызываются следующими общественными процессами: деморализация общества, недостаточная информированность и организованность граждан, общественная пассивность в отношении людей, злоупотребляющих властью. Что и определяет доминантность социально-культурных причин коррупции, устранение которых возможно только посредством трансформации общественного сознания.

Несмотря на однозначно негативную роль коррупции в жизни современного общества, она может нести и позитивный эффект. Проявляется это в виде продвижения инноваций, развития высоких технологий. Но все же, чиновник, лоббируя, согласно личному интересу, эффективные проекты, автоматически накладывает вето на другие проекты, возможно более результативные.

Следствие коррупции – нарушение норм, в том числе моральных, этических и законодательных.

В настоящее время в России проводится эффективная система мероприятий по укреплению государственного регулирования, усиливающая власть чиновников на всех уровнях. Но отсутствуют какие-либо гарантии, что это не активизирует рост коррупции и не приведет к негативным последствиям в различных видах отношений и сфер.

Последствия коррупции подрывают безопасность государства. Население все меньше доверяет властным и исполнительным структурам, растет ощущение несправедливости и цинизма происходящего, последствия которого приводят к негативным изменениям экономического сознания, влекущие за собой изменения мотивации и формирующие интолерантное экономическое поведение субъектов хозяйственной деятельности.

Экономическое поведение индивидуума определяется морально-этической мотивацией, личными потребностями, заботой о своей собственности.

Лидерство, зависть, корысть, эгоцентризм, поддержание имиджа – синтез этих элементов мотивации приводит к девиантному экономическому поведению.

Общественное сознание социума определяется как:

- а) индикатор его общего состояния,
- б) следствие происходящих в нем процессов,
- в) перспективы его развития.

Таким образом, качественные социокультурные изменения, происходящие в российском обществе последние двадцать пять лет, отразились на состоянии российского общественного сознания, деформировав его, породив в нем новые метаморфозы, антиномии, парадоксы. В результате, данные формы постепенно оформились в виде различных противоположных мировоззренческих позиций, взаимоисключающих представлений о справедливости, ответственности, добросовестности. Возникли противоположные системы взглядов, идентифицирующие место и роль индивида в обществе и его поведенческие модели.

Одна из данных моделей связана с усвоением новых для России западных либеральных ценностей индивидуализма и личностной свободы, другая объединила в себе традиционалистские интенции российского общественного сознания.

В социальных слоях с относительно четкой рефлексией ценностей, возникают две разнонаправленные силы, ориентированные, на либерально-демократические ценности и на традиционалистские установки. Данное противостояние можно наблюдать на уровне дифференциации крупных городов России и малых, в которых формируются доминирующие ценности, преобладающие формы мировоззрения, социальный запрос и перспектива политической, социальной, культурной жизни общества. В таких разнонаправленных укладах жизни воспроизводятся социальные

группы, придерживающиеся взаимоисключающих ценностей, готовые отстаивать правоту своей позиции, имеющие веские аргументы в ее поддержку.

Традиционализм несет определенную амортизационную нагрузку, в связи с чем его доминирование связывают с потребностью в стабилизации общественного сознания.

Тем не менее, даже выступая в качестве ценностной платформы, традиционализм еще не является гарантией того, что сознание общества имеет высокую степень стабильности.

Важную роль в определении общественного сознания играет вектор развития общества: модернизационный или традиционный.

Российское общественное сознание воспроизводит противоположно иную доминирующую интенцию – стремление к собственной ассимиляции, погружение в чужие, глобальные культуры, которые попадают в ее социокультурное поле.

В российском общественном сознании доминирует примитивизация, которая обусловлена глобализацией, делающей мир агрессивным для российских людей. В свою очередь индивид отвечает встречным всплеском агрессии и актуализацией примитивных мифоструктур, которые действуют успокаивающе.

Характерной общероссийской тенденцией является индивидуализация российского сознания. В своем обыденном сознании россияне демонстрируют возрастающую самооценку, открыто заявляют о своих правах, значимости, желании, чтобы с каждым из них считались на уровне закона, в организации как публичной, так и частной жизни. Все это является логичным следствием значительных изменений, происходящих в целом аксиологическом комплексе российского обыденного сознания: в структурах стимулов к жизни ослабевают внешние (социальные) стимулы, и возрастают внутренние (личностные) мотивы.

Общественное сознание в силу своей высокой инерционности развивается и трансформируется автономно, логика его изменения не всегда согласуется с социально-экономическими и иными тенденциями.

Наряду с этим в российском обществе можно наблюдать стремительную диверсификацию общественного сознания, которая является результатом дифференциации повседневного образа жизни различных социальных слоев. За этим процессом следует поливариантность ценностных установок, политических, экономических и иных ориентаций различных социальных слоев, насыщение их обыденного сознания социальными мифами, выработку отличных позиций касательно российских проблем, разное видение перспектив развития России и типа социальной справедливости, выступающего главным принципом организации гражданского общества.

Ценностная иерархия, отражающая сегодняшнее состояние общественного сознания россиян, может быть представлена следующим образом.

В настоящее время в ценностной пирамиде доминирующими являются личные ценности, такие как семья, здоровье, организация быта. Это закономерно для кризисных моментов, в которых люди зачастую теряют интерес к политическим взглядам и сосредотачивают свое внимание на материальном достатке и приватной сфере.

В общественном сознании утрачивают свои позиции такие ценности как «могущество страны», «прогресс», «демократия». Возрастает внимание к индивидуальным качествам, таким, например, как «личная инициатива», «порядочность», «честность». Существует необходимость включения негосударственных и неформальных механизмов регуляции социального взаимодействия, которые обеспечат институты гражданского общества возрастанием ценности стабильности, упорядоченности жизни.

Формируется группа «либеральных» ценностей, которая исповедует новый социальный слой российских предпринимателей. В этой иерархии главное место отведено ценности свободы, за которой следуют ценности «собственности», «стабильности», «личного успеха».

Другую группу составляют эгалитаристские ценности, такие как «равенство», «справедливость», «духовность», которые в том, или ином виде исповедуют другие социальные группы.

Таким образом, существенной особенностью трансформации общественного сознания в современной России является наращивание его многовекторности, содержательной противоречивости. Вместе с тем, растет уровень рациональной рефлексии, что отличает сегодняшнее общественное сознание россиян от предыдущих, менее осознанных его состояний.

Итак, современное состояние российского общества демонстрирует деформационные процессы в общественном сознании, поэтому в качестве основных направлений его трансформации можно назвать:

- законодательное обеспечение общественных моральных норм и правил;
- широкое привлечение ученых социологов, психологов и других к разработке законов;
- пересмотр понимания свободы личности;
- возрождение институтов морального контроля на базе институтов гражданского общества.

Таким образом, трансформация сознания является ключевым условием коррекции девиантного поведения в коррупционном пространстве.

Формулу коррупции можно представить следующим образом:

Коррупция = Монополия + Вседозволенность + Безответственность.

Соответственно, антикоррупционная формула представляется как:

Антикоррупция = Совершенная конкуренция + Ответственность + Добросовестность + Справедливость.

Ключевыми условиями данной модели являются ответственность, добросовестность и справедливость, как основные показатели, нивелирова-

ние которых возможно посредством трансформации сознания. Одним из ключевых методов трансформации сознания является метод психосемантического дифференциала, предложенный психологом Чарльзом Осгудом [6].

Психосемантические методы – это ряд методов измерения, которые выявляют мнения респондента реконструкция и анализируя его систему личностных смыслов.

Математическая оснащённость психосемантических методов дает возможность строить разнообразные системы детерминации, выходить на различные социальные общности, выявляя эмоционально насыщенные, слабо структурированные представления человека о самом себе и других людях, о разнообразных социальных ценностях, об объектах, отношении к которым глубоко личностно [7].

Данный подход позволяет наметить новое направление в исследовании личности, где человек рассматривается как носитель определенной картины мира.

Объектом психологии зачастую становятся социальные феномены, имеющие сильную аффективную составляющую такую как коррупционные процессы. Оказывая воздействие на социальное поведение индивида, аффективный компонент скрыт от глаз наблюдателя, не всегда осознается самим субъектом и поэтому не включается в исследовательские модели в качестве фиксированной величины. Являясь феноменом, граничащим как с социальной средой, так и с психикой индивида, аффективный компонент требует проецирования в область исследования постулатов социологии, психологии и семантики. Область их пересечения описывается в социологии аффективной составляющей социальной установки, в психологии – личностными смыслами, в семантике – коннотативными значениями. И только семантика (психосемантика) дает конкретный метод исследования, с помощью которого индивид осуществляет бессознательный категориальный анализ какого-либо социального феномена. Метод позволяет в определенной мере решать проблемы исследования глубинных структур психики человека, ответственных за регуляцию его поведения в обществе.

Метод семантического дифференциала является исследовательским инструментом, с помощью которого появляется возможность измерить психологические значения, которые имеют особые понятия для отдельных лиц.

Оценивая объект, появляется его личностная характеристика, основанная на субъективизме. Этот метод ориентирован на установление того, каким образом люди воспринимают концепции, где каждое такое понятие имеет как коннотативное, так и обозначающее значение.

Семантический дифференциал входит в число психосемантических методов, которые дают возможность понять индивидуальные значения слов, и, таким образом, познать глубокие слои мышле-

ния и чувств респондентов, особенно в тех случаях, когда общение имеет фактологический аспект.

Метод семантического дифференциала заключается в возможности проникновения в отдельные скрытые значения понятий и в том, что респонденты не знают, каким образом ответы будут обработаны и, таким образом, не могут исказить общий результат.

Каждая концепция может оцениваться по трем измерениям: фактор оценки, фактор эффективности и фактор активности. Если мы определим эти три фактора для концепции, мы устанавливаем индивидуальное психологическое значение.

При создании семантического дифференциала необходимо придерживаться определенной последовательности отдельных шагов.

Первым шагом является выбор концепций, которые мы хотим оценить. Эти концепции должны быть взаимосвязаны. Следующий шаг – выбор подходящего количества точек шкалы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что семантический дифференциальный метод позволяет эмпирически идентифицировать и измерять основные составляющие личного смысла.

Итак, психосемантический метод способен оценить трансформацию и получить результаты в разные временные периоды и зафиксировать его трансформацию.

Подводя итог можно сказать, что сознание является ключевым, исходным философским понятием для анализа всех форм проявления духовной и душевной жизни человека в их единстве и целостности, а также способами контроля и регуляции его взаимоотношений с действительностью, управлением этими взаимоотношениями, как трансформации сознания посредством детерминантов.

Литература

1. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. Показатели преступности России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_map
2. Рейтинг стран по количеству самоубийств, по данным Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%BF%D0%BE_%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D1%83_%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D1%83%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2#cite_note-WHO-2-7
3. Трансперенси интернешнл Россия. Индекс восприятия коррупции, исследование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://>

transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatija-korrupsii/rossiya-v-indekse-vospriyatija-korrupsii-2018-28-ballov-iz-100-i-138-mesto.html

4. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901914053>
5. Консультант Плюс. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121544/.
6. Osgood C. E., The nature and measurement of meaning, *Psychological Bulletin*, 49 (1952), 197–237.
7. Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д., Зачесова И.Л. Психологические исследования семантики речи // *Вопр. психол.* 1983. № 3.

PSYCHOSOCIAL METHODS OF ASSESSING THE TRANSFORMATION OF CONSCIOUSNESS IN CORRUPTION SPACE

Khramova N.A., Filippov A.G.
Volgograd State University

Corruption is a deviant behaviour that is a form of economic behaviour that causes economic, social and moral damage not only to citizens, but also to the State as a whole. The socio-cultural causes of corruption are dominant and therefore require the transformation of consciousness, which can be assessed through psychosocial methods. The psychosocial method is able to evaluate transformation and obtain results in different time periods and record its transformation.

Keywords: corruption, deviant behavior, transformation of consciousness, economic behavior, entrepreneurship, psychosemantics.

References

1. The portal of legal statistics of the General Prosecutor of the Russian Federation. Russian crime indicators [Electronic resource]. – Access mode: http://crimestat.ru/offenses_map
2. The rating of countries by the number of suicides, according to the World Health Organization [Electronic resource]. – Access mode: https://en.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%BF%D0%BE_%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D1%83_%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D1%83%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2#cite_note-WHO-2-7
3. Transparency international Russia. Corruption Perception Index, research [Electronic resource]. – Access mode: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatija-korrupsii/rossiya-v-indekse-vospriyatija-korrupsii-2018-28-ballov-iz-100-i-138-mesto.html>
4. The electronic fund of legal and regulatory technical documentation. United Nations Convention against Corruption [Electronic Resource]. – Access mode: <http://docs.cntd.ru/document/901914053>
5. Consultant Plus. Criminal Law Convention on Corruption. [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121544/.
6. Osgood C. E., The nature and measurement of meaning, *Psychological Bulletin*, 49 (1952), 197–237.
7. Ushakova T.N., Pavlova N.D., Zachesova I.L. Psychological studies of the semantics of speech // *Vopr. psychol.* 1983. No. 3.

Философский аспект аналитической психологии К. Юнга

Денисов Виктор Анатольевич,

аспирант Института философии РАН

E-mail: denis6517@yandex.ru

В настоящей работе автор рассматривает открытие теории коллективного бессознательного основателем К. Юнгом. Последовательность получения научного гуманитарного знания такой же, как и в естественных науках: случай, схема, идеальный объект, научная теория. Изначальная схема архетипов: Самость, Эго, Персона, Тень, Анимус, Анима были открыты почти одновременно с появлением теории коллективного бессознательного. В данной работе рассматривается такой архетип, как Персона – социальная маска индивида, идеальное Эго, Я человека. В работе проанализировано развитие теории от личного бессознательного к коллективному бессознательному и до социального бессознательного с новыми архетипами дальнего порядка, открытыми д.ф.н. В.Г. Будановым.

Ключевые слова: архетип, аналитическая психология, теория, схема, персона, психоанализ.

Философия психоанализа появилась в 20 веке и стала одним из ведущих направлений, влияющих на общество, на его культурную, духовную жизнедеятельность. Вначале психоанализ возник в качестве терапии психических неврозов человека, но затем он стал шире своего практического назначения. Выдающееся открытие структуры человеческой психики: бессознательного, предсознания, сознания позволило З. Фрейду по-новому проводить лечение пациентов. Но эти открытия помогли лучше понять человеческую психику, мотивы и поступки человека. Сознание человека менялось с течением продолжительного времени, все более усложняясь; знания о человеческой сущности увеличивались, и поэтому смогло возникнуть новое учение. Философское переосмысление, человеческое осознание самого себя и своего существования в этом мире, заложенное еще Сократом и другими мыслителями древних веков, затем развивающее новое понимание человека, как образа, но не подобия Богу в западной философской мысли, заложило фундамент нового понимания человека, позволившее открыть теорию психоанализа. Особенно прослеживается влияние на создание теории психоанализа в философских трудах, Августина, Блаженного, И. Канта, А. Шопенгауэра. Зигмунд Фрейд утверждал, что на него сильно повлияла философия жизни Ф. Ницше, его работа «Так говорил Заратустра». Продолжателями новой теории, выдвинутой З. Фрейдом и стали его ученики и последователи: К. Юнг, А. Адлер, К. Хорни, Э. Фромм.

Знания эволюционируют и развиваются. Пржнее знание, которое раньше считалось неоспоримым, со временем накапливает противоречия с другими научными теориями и через какое-то время сумма новых накопленных знаний отвергает прежнее. Ученым для более точного по сравнению с прежним объяснением законов природы требуется принятие нового более достоверного знания. Новому приближенному к истине знанию потребуются новые идеальные объекты, новый категориальный аппарат, новые схемы, иллюстрирующие знание. Старые схемы будут разрушены и даже не на их основаниях, а из каких-либо их частей будут создаваться новые схемы, идеальные объекты и научные теории. Синтез и анализ может происходить одновременно, часто невозможно найти, что первично, что вторично, что послужило изменению и нахождению новых схем, идеальных объектов и знаний. Возможно ли с по-

мощью схемы проанализировать конкретный случай, явление, случившиеся с конкретным человеком или в обществе, или в природе вообще? Многие научные открытия начинаются с анализа отдельного случая и приводят к открытию новых научных теорий. Падение яблока с дерева подвигло И. Ньютона к обоснованию закона всемирного тяготения. З. Фрейда исследование конкретного случая с мальчиком, боявшимся лошадей, привело к открытию схемы Эдипова комплекса и обоснованию психоаналитической теории. В.М. Розин пишет: «Схема случая согласно закону» – это схема, позволяющая подвести некоторое изучаемое явление («случай») под понятие (мы бы сказали построить в науке идеальный объект), то схема самого закона – это методологическая схема»¹. Схема случая графически может быть представлена как соединение; сверху случай и из него следует схема, которые сходятся вместе линиями-стрелками для исследования, и затем вывода новых понятий, категорий, идеальных объектов и в конечном итоге, на наивысшем уровне, получение нового теоретического знания. Особую важность выведения схемы случая под понятие и тем более под определенный закон в трехфакторном соотношении рационального, внерационального и иррационального познания мира служит первое, и последнее соотношение, то есть рациональное и иррациональное познание случая.

Рациональное знание получается с помощью логики, здравого смысла, эксперимента, исследования, но высшей формой рационального знания является научная теория. Теории есть пояснительные и объяснительные; пояснительные рассказывают о событиях и используются в исторических, археологических гуманитарных науках. Наивысшей теорией является теория объяснительная, которая объясняя, находит причинно-следственную связь в событиях. С помощью данной теории можно прогнозировать события в будущем, а также воссоздавать прошлое.

Внерациональное знание это бытовое понимание происходящих событий с рассудочными мнениями о причинно-следственных связях. Оно не может быть научным теоретическим знанием. Полагаясь на него, невозможно, научно исследуя, найти причинно-следственную связь. Мнение часто подменяет понятия и опирается на несущественные причины, и уводит объяснение, заменяет логику аргументацией не несущей под собой истинных причин. В эту же категорию входит ассоциативное знание самое удивительное и далекое от научного познания мира.

Иррациональные знания, получаемые с помощью интуиции, медитации, ясновидения, откровения с большим трудом поддаются проверке, но в каких-то случаях их можно подтвердить. Одна из составляющих данного обнаружения знания находится в самом человеке и другому человеку та-

кое познание не дается. Принять на веру это знание, которое невозможно проверить, становится сложно другому человеку. Но, тем не менее, иррациональное познание может рассматриваться, как случай и подвергаться анализу и проверке. Такой случай может служить основанием схемы и открывать новый категориальный аппарат, и идеальный объект, и в конечном итоге гуманитарное научное знание. Но чтобы, случай превратился в знание, необходима теория. Она может быть пояснительной или объяснительной, как написано ранее наивысшей теорией считается объяснительная, включающая в себя причинно-следственные связи. Данное гуманитарное знание может быть доказано в научных экспериментах. В последнее время современная наука стала с интересом изучать иррациональные, и даже внерациональные случаи.

Возможно, знание человека о вещи, о каком-либо явлении превращает знания в действенный инструмент человеческого воздействия на данную вещь или явление. А. Бергсон выдвинул гипотезу о действенности нашего ума на то, что человеческий ум замечает. Но тогда с другой стороны пренебрежение знанием или не знание предопределяет человеческую недейственность на вещи или события, которые человек не замечает или игнорирует. Значит, у конкретного человека нет еще действенного механизма его ума, подобно тому, что человек не имеет рук и не может передвигать предметы, брать их в руки. Обнаруженные человеком явления или случаи в природе означают возможность воздействия на них человека. Скрытость, незаметность вещи или явления в природе означает, возможно, ослабление влияния человека на эти вещи, случаи, и, наоборот, они могут оказывать незаметное влияние на человека.

Случай это универсальное, отчасти ненаучное понятие в его значении жизненного события, но любой случай может стать объектом исследования. Его повторение или исключительность есть огромное поле для анализа, который может привести к открытию нового знания. Человеческие знания о природе, поясняют или объясняют почти все события в различных научных теориях. Почти нет ни одного случая не раскрытого, не поясняемого, не объясняемого в научных теориях. Где наука бессильна дать объяснение природному явлению или феномену, то она выдвигает гипотезы, которые через какой-то промежуток времени отвергаются или доказываются. Но, чтобы доказать гипотезу, нужно найти объяснение, взаимосвязи в каком-либо случае, нужно самому ученому проявить ментальные способности и найти теорию, разъясняющую причинно-следственные связи в этом случае, так как, ученый ищет закономерности, взаимосвязи для обоснования своего знания. Закономерное появление новых повторений образа случая с различными изменениями проверяют выведенные ранее научные закономерности. Рождение нового знания в силу роста духовной и материальной культуры общества вызвано необходимостью более точного приближения к истине. Ло-

¹ Розин В.М. Введение в схемологию. Схемы в философии культуры науке проектировании. Изд. Стереотип. М.: Книжный дом «Либриком». 2007. – 256 Стр. 77.

гос скрыт от человека и не проявляет сам себя без умственного усилия человека, и поэтому ученый может своим умственным трудом открыть новое знание. Абсолютная истина, как известно, не познаваема, и не дана человеку в качестве научного знания. Каждое открытие только приближает нас к истинному знанию. «Знание – это, прежде всего, вопрос наложения порядка на хаос»¹, – написал английский юнгианский аналитик Энтони Стивенс. Знание это осознанный выбор. Случай может быть проанализирован в различных сферах знания с помощью рационального, внерационального и иррационального познания. Для изучения случая нужно из него вывести схему, понятия, идеальный объект и в конечном итоге научное знание. Знание позволит данный случай объяснить или пояснить на уровне научной составляющей в той плоскости, которая интересует исследователя. Если случай невозможно объяснить с точки зрения имеющегося знания, то он может стать началом открытия новой теории, привести в конечном (редчайшем) случае к пересмотру прежней теории и открытию новой, даже к смене парадигмы. Но если случай исследован и в нем обнаружены новые идеальные объекты, но из него не выведена теория, он остается не совсем знанием. Схема идеального объекта данных случаев может повторяться и даже быть объяснена, но не быть завершена научной теорией. Тогда следующие исследователи могут довести идеальный объект до научного знания. В.М. Розин пишет, что изначально теория З. Фрейда рождалась из конкретного случая и имела свой идеальный объект, в случае с мальчиком, но вначале не была завершена в качестве теории, так как Эдипов комплекс это скорее идеальный объект. Только позже З. Фрейд дает теоретическое обоснование и находит уровни психического состояния человека личностное бессознательное и сознательное.

К. Юнг продолжает учение своего учителя З. Фрейда в несколько ином контексте. Он открывает коллективное бессознательное, явившееся новым гуманитарным научным знанием. Карл Густав объясняет архетипы коллективного бессознательного, обнаруживая идеальный объект, который ранее был неопределен на уровне научной теории. Идеальные объекты архетипов существовали и были известны с архаических времен в мифах, в наскальных рисунках, но самого понятия идеальный объект ранее не существовало и оно появилось недавно, отображая новое более сложное понимание культурной жизни современного человека по сравнению с архаичным человеком древнего времени. Теорией, научным гуманитарным знанием в аналитической психологии архетипы, то есть первоосновы мифических образов стали тогда, когда К. Юнг открыл теорию коллективного бессознательного. Основные праформы в мировых мифах, сказках имеют свойство повторяться с различными интерпретациями. Данные прафор-

¹ Стивенс Э. «Возвращение к архетипу: обновленная естественная история Самости – М: ККасталия», 2019–450 с. С. 36

мы К. Юнг назвал архетипами, к шести первичным архетипам он отнес: Самость, Эго, Персону, Тень, Анимус и Аниму. Самость это все объединяющий принцип человеческой психики, занимающий центральное место в управлении психической жизнью. Это архетип целостности потенциала и единства человеческой личности. В него включены все оставшиеся пять архетипов. Эго – сознательное проявление рационального. Персона это идеальный Я, идеальный Эго, социальная маска человека, предъявляемая обществу. Тень это все бессознательное в человеке. Анимус идеальный образ мужчины и Анима идеальный образ женщины. Из этих пяти изначальных архетипов происходят множество других праформ поведения, допустим, маска Персоны может налагаться на такие архетипы, как герой, лидер. Количество архетипов может быть неограниченным. Открытие изначально шести архетипов в коллективном нашем бессознательном повлекло за собой следующие открытия новых архетипов стереотипного поведения, которые, безусловно, были с незапамятных времен, а открыли данные первоосновы только в середине 20 века. Модель протосхематизации архетипов мифических на общество дало одну из возможностей увидеть и описать скрытый ранее стереотип человеческого социального поведения. Схема повторений и различий социального человека в разные эпохи с типичными для каждого времени требованиями к нему, позволила Карлу Юнгу найти данный архетип. Он дал ему понятие персоны и затем, построив идеальный объект, представил его в теории коллективного бессознательного.

Аналитическая психология относится к гуманитарному знанию, изучающему человеческую психику. Мифы, сказки, рассказывая разные истории, сюжеты воспроизводят структуру человеческой психики. Исследование мифов и сказок, поэтому это исследование психики человека, его бессознательного и сознательного содержания. Полная структура человеческой психики, его «целостность не задается на путях обычного рационального мышления»².

Рождение новой теории возникло из нарративного мифического описания, в своем роде художественных образов и получения схем, затем понятий, идеальных объектов и теории. Нарботка теории коллективного бессознательного у К. Юнга шла посредством анализа сновидений, то есть случаи, истории сновидения он разлагал и соединял на составляющие части, отыскивая первопричины, появляющихся во сне видений. Он получил путем анализа и синтеза иррациональное знание, являющееся в современном мире общепризнанной теорией. Данная гуманитарная теория коллективного бессознательного объясняет психологическую жизнь человека, обнаруживает причинно-следственные связи архетипов с человеческим

² Гуревич П.С. Психоанализ Т.2. Современная глубинная психология: учебник для магистров/ П.С. Гуревич. – 2 изд., перераб. и доп. – М. Издательство Юрайт, 2014. 564 с. Серия: Магистр. С. 48.

поведением. С помощью архетипов бессознательно ученые могут объяснить мотивы поведения человека или даже целого общества. На основании теории коллективного бессознательного д.ф.н. В.Г. Буданова выявил архетипы дальнего порядка в истории человечества. Он выдвинул гипотезу и доказал, что мифологические схемы существуют в форме социального бессознательного, повторяясь через каждые 128 и 90 лет в виде военных конфликтов в истории западной Европы. Возможно, исследований, подтверждающих влияние архетипов коллективного бессознательного на социум или на человека проводилось незначительное количество. Научное изучение влияния бессознательного фактора на стереотип поведения, безусловно, сложно провести и еще сложнее подтвердить. Но теория коллективного бессознательного признана в России и во всем мире, она подтверждается логическими рассуждениями и выводами.

Литература

1. Розин В.М. Введение в схемологию. Схемы в философии культуре науке проектировании. Изд. Стереотип. М.: Книжный дом «Либриком». 2007. – 256. – С. 77.
2. Стивенс Э. «Возвращение к архетипу: обновленная естественная история Самости – М: ККасталия», 2019. – 450 с. – С. 36.

3. Гуревич П.С. Психоанализ Т. 2. Современная глубинная психология: учебник для магистров / П.С. Гуревич. – 2 изд., перераб. И доп. – М. Издательство Юрайт, 2014. – 564 с. Серия: Магистр. – С. 48.

THE PHILOSOPHICAL ASPECT OF ANALYTICAL PSYCHOLOGY C. JUNG

Denisov V.A.

Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences

In this article, the author considers the discovery of the theory of the collective unconscious by the founder K. Jung. The sequence of obtaining scientific humanitarian knowledge is the same as in the natural sciences: case, scheme, ideal object, scientific theory. The original scheme of archetypes: Self, Ego, Person, Shadow, Animus, Anima were discovered almost simultaneously with the advent of the theory of the collective unconscious. In this work, it is considered such an archetype as Person – the social mask of the individual, the ideal Ego, I of a human. The paper analyzes the development of the theory from the personal unconscious to the collective unconscious and to the social unconscious with new long-range archetypes discovered by Ph.D. V.G. Budanov.

Keywords: archetype, analytical psychology, theory, scheme, person, psychoanalysis.

References

1. Rozin V.M. Introduction to schematics. Schemes in the philosophy of culture, science, design. Ed. Stereotype. M.: Book house "Librikom". 2007. – 256. – P. 77.
2. Stevens E. "Return to the archetype: the updated natural history of the Self – M: KKastalia", 2019. – 450 p. – P. 36.
3. Gurevich P.S. Psychoanalysis T.2. Modern depth psychology: a textbook for masters / P.S. Gurevich. – 2nd ed., Revised. And add. – M. Publishing House Yurayt, 2014. – 564 p. Series: Master. – P. 48.

Конструктивизм ценностного и целерационального аспектов деятельностного подхода к философии инклюзии

Попов Виталий Владимирович,

доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» – Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал),
E-mail: vitl_2002@list.ru

Музыка Оксана Анатольевна,

доктор философских наук, профессор, декан факультета психологии и социальной педагогики ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» – Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)
E-mail: omuzika@gmail.com

В статье рассматриваются особенности ценностного и целерационального аспектов деятельностного подхода к концепции инклюзии. Показывается единство ценностных и целевых аспектов в социально-рациональной деятельности. В рамках рассмотрения ценностной доминанты акцент делается на внутренние особенности рациональной деятельности субъекта.

Ключевые слова: ценностная рациональность, целерациональность, социально-рациональная деятельность, философия инклюзии, особые образовательные потребности.

Введение. В современной литературе выделяется ряд подходов к теоретическим и методологическим основаниям философии инклюзии. Особо выделим конструктивно-деятельностный подход, опирающийся на представление «включающего» общества с приоритетом фактора рациональности. Эвристическое начало социально-рациональной деятельности реализуется в рамках непосредственной деятельности по становлению форм культуры, связанных с имеющимися способами отношений к социальной реальности. Дискурс в этой связи также заходит о соответствии такой деятельности оценкам и ценностям, установкам и нормам, характерным для человека с ООП (особыми образовательными потребностями).

Основная часть. Специфика человека с ООП раскрывается конкретно в целерациональной деятельности, которая и представляет собой единство ценностных и целевых аспектов в рамках реализации его субъективной сущности. При этом подобная социальная деятельность явно не ограничивается существующими проектами социальных действий. Такая деятельность подразумевает способность человека к непрерывному совершенствованию и преобразованию тех программ и проектов, которые могут быть положены в её основу.

Отметим, что следует учитывать единство общих ценностей и индивидуальных ценностей лиц с ООП в рамках реализации ценностного подхода в социально-рациональной деятельности. Это связано с ситуацией, когда субъект в процессе реализации проектов и социальных программ имеет возможность принять такое рациональное решение, которое возможно будет расходиться с задачами и особенностями, характеризующими данный трансформирующийся социум. Проблема даже не в том, что субъект с ООП не согласен с теми задачами, которые являются объективированными по отношению к данному процессу и что у него есть исключительно своя собственная точка зрения на эти процессы трансформации. В подобной ситуации может быть задействован и другой аспект общей проблемы [1], [2], [3].

Рассматривая, например, индивидуальные особенности ценностных ориентаций субъекта с ООП можно предположить, что существуют ситуации, когда субъект может не только адекватно представлять общие идеалы и цели, которые он преследует в процессе социальной деятельности, но и такие ситуации, в которых у него эти идеалы и цели могут просто временно отсутствовать. Тогда он вполне может перейти к рассмотрению своих целерациональных действий или, возможно, общества в целом [4], [5].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Осмысление социально-философского феномена образовательной инклюзии в контексте зарубежных и отечественных методологических подходов и моделей», № 19-013-00117/19

Однако в этом случае, если дискурс идет об инновационном характере человеческой деятельности, то такая ситуация имеет в большей степени локальный характер и по истечении времени субъект с ООП, допустим, утратив на время какие-то собственные принципиальные ценностные ориентиры вновь их обретает, так как является носителем как традиционных, так и инновационных моментов. В этом смысле именно традиционные аспекты иногда могут иметь приоритет по отношению к инновационным и, соответственно, именно рациональность в рамках социальной деятельности будет характеризовать те имеющиеся объективные процессы развития социума, которые имеют место и субъект рационально принимает их с позиции сложившихся в конкретном социуме ценностных аспектов и ценностных ориентаций [6], [7].

С учетом фактора времени, подобная ситуация кардинально меняется и субъект с ООП, особенно в условиях социального выбора и социальных предпочтений, предполагает свои собственные цели, собственные реализации индивидуальных ценностей, позволяющие ему не просто рассуждать о собственном отношении к рациональной и социальной деятельности, но и об индивидуальных решениях в рамках подобной деятельности. Ясно, что такое индивидуальное решение в принципе не будет расходиться с решениями даже в некоторой социальной группе, если оно основывается на тех целях и задачах, которые ставит перед собой эта социальная группа с точки зрения позитивного и прогрессивного отражения динамики развития социума. Именно существуя в конкретной социальной группе, субъект с ООП так или иначе реализует свои внутренние индивидуальные установки по отношению к целерациональной социальной деятельности. Это является значимым, так как именно на уровне индивидуальных локальных стратегий часто формируется то инновационное поле социальной деятельности, которое является определенным двигателем социального прогресса в развитии социума [8], [9].

С другой стороны, следует обратить внимание и на то, что в таких случаях основные тенденции становления трансформирующегося социума будут соотноситься с конкретными целями, которые субъект ставит относительно реализации тех целей и программ, которые намечены, допустим, в рамках конкретной социальной группы. Это, конечно, будет непосредственно связано с комплексом ценностей, которыми данная социальная группа располагает и с приоритетом ценностей, используемых субъектом с ООП в качестве приоритетных для реализации своих собственных целей, задач и установок [10].

В этом смысле социально-рациональная деятельность является целевой деятельностью с позиции реализации субъектом внутреннего опыта, собственных знаний, а также с соотношением этих знаний с знаниями, которые будут приобретены в рамках взаимодействия с другими членами имеющейся социальной группы [11].

Субъективность действий человека с ООП связана и с тем, что решение различных весьма сложных проблем, касается рассмотрения интегральных аспектов трансформирующегося общества. Субъект часто сталкивается с какими-то нетипичными и даже, возможно, весьма сложными моментами, реализация которых во многом будет соотносима не только с ориентирами и целями, характерными для общества или социальной группы, но и с теми навыками, установками, возможностями, которыми располагает субъект социально-рациональной деятельности. Это также касается социальных установок относительно мотивации и поведения, которые также характеризуют в данном случае социального субъекта.

В конечном счете, корреляция будет происходить относительно того, насколько правильно и адекватно представлена цель социально-рациональной деятельности и насколько эта цель может быть эффективно и продуктивно реализована в рамках трансформирующегося социума. Когда в рамках рассмотрения ценностной доминанты акцент делается на внутренние особенности социально-рациональной деятельности субъекта с ООП, то проблему рациональности не следует понимать с учетом ее различных типов, которые возможно будут адекватными для различных аспектов рациональной деятельности. Но следует также учитывать и другой немаловажный аспект, когда дискурс заходит об оценке рациональности субъекта с ООП, то такой субъект, представляющий собой конкретного индивида, конечно, несет на себе отпечаток всех тех характеристик и параметров, которыми этот индивид обладает.

В данном случае правомерно говорить о том, что перед нами индивид, имеющий свои собственные биологические, физиологические, психологические и иные особенности. Этот момент следует особо выделить, так именно такие характеристики индивида как субъекта с ООП могут оказать решающее влияние на его рациональную деятельность. Необходимо рассуждать о возможной иррациональности социальной деятельности индивида. В данном случае, это не является каким-то серьезным основанием для исследования реальной социально-рациональной деятельности. Однако следует все же учитывать диалектику иррационального и рационального в рамках действия субъектов с ООП и, возможно, принимать некоторые достаточно слабые идеализации в отношении приоритета иррациональности над рациональностью.

Такую идеализацию следует скорее не постулировать, а учитывать, так как при рассмотрении реализации целей и задач социальных проектов и программ обычно учитывается позитивный характер социально-рациональной деятельности, а с точки зрения возможного негативного варианта предполагается, что на него могли повлиять как рациональные характеристики самого субъекта с ООП, так и возможные просчеты в определении целей и задач исследования, а также отходе от то-

го инструментария и методологии, которые наиболее адекватно отражают исследование данного «включающего» общества.

Заключение. Когда дискурс заходит о доминанте ценностной рациональности правомерно утверждение, что ценности и оценки, как и социальный выбор, предпочтения и альтернативы в рамках социальной деятельности являются весьма важными сегментами в определении ее основного вектора, направленности, значимости в контексте конкретного трансформирующегося социума.

Литература

1. Аверина Н.В., Попов В.В. Концепция прошлого в контексте исторического процесса // *Философия права*. 2010. № 5 (42). С. 81–84.
2. Аверина Н.В., Попов В.В. Фактор времени в детерминистских и индетерминистских теориях исторического процесса // *Философия права*. 2011. № 4 (47). С. 86–90.
3. Попов В.В., Музыка О.А., Максимова С.И. Альтернативистика в контексте социального развития // *Евразийский юридический журнал*. 2017. № 4 (107). С. 373–375.
4. Попов В.В., Музыка О.А., Дзюба Л.М. Фактор и уровни темпоральности в контексте субъективной реальности человека // *Евразийский юридический журнал*. 2017. № 4 (107). С. 419–421.
5. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеенко В.А. Социальное противоречие в контексте социальных процессов // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2017. № 1–2. С. 361–364.
6. Попов В.В., Музыка О.А., Коженко Я.В. Социальные трансформации в правовых отношениях // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2017. № 3–2. С. 315–318.
7. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеенко В.А. Противоречия в контексте переходных периодов транзитивного общества // *Международный журнал экспериментального образования*. 2016. № 7. С. 111–114.
8. Попов В.В., Щеглов Б.С., Лойтаренко М.В. Особенности интегральной интерпретации вероятности в контексте факторов оценки и темпоральности // *Философия права*. 2015. № 2 (69). С. 23–27.
9. Попов В.В., Агафонова Т.П. Специфика темпоральности правового сознания социального субъекта // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2. С. 5730–5733.
10. Попов В.В., Самойлова И.Н., Щеглов Б.С. Аналитическая философия истории в постнеклассическом дискурсе. Таганрог, 2007.
11. Шеманов А.Ю. Инклюзия в контексте современных дискуссий: философские и культурологические проблемы / Психолого-педагогические основы инклюзивного образования: коллективная монография. М.: МГППУ, 2013. С. 25–38.

CONSTRUCTIVISM OF THE VALUE AND GOAL-ORIENTED ASPECTS OF THE ACTIVITY APPROACH TO THE PHILOSOPHY OF INCLUSION

Popov V.V., Musika O.A.

Taganrog Institute A.P. Chekhov

The article discusses the features of the value and goal-oriented aspects of the activity approach to the concept of inclusion. The article shows the unity of value and target aspects in social and rational activity. As part of the consideration of the value dominant, the focus is on the internal features of the rational activity of the subject.

Keywords: value rationality, purposefulness, social-rational activity, philosophy of inclusion, special educational needs.

References

1. Averina N.V., Popov V.V. The concept of the past in the context of the historical process // *Philosophy of Law*. 2010. No. 5 (42). P. 81–84.
2. Averina N.V., Popov V.V. The time factor in deterministic and indeterministic theories of the historical process // *Philosophy of Law*. 2011. No. 4 (47). P. 86–90.
3. Popov V.V., Musika O.A., Maksimova S.I. Alternative science in the context of social development // *Eurasian Law Journal*. 2017. No. 4 (107). P. 373–375.
4. Popov V.V., Musika O.A., Dzyuba L.M. Factor and levels of temporality in the context of the subjective reality of a person // *Eurasian Journal of Law*. 2017. No. 4 (107). P. 419–421.
5. Popov V.V., Musika O.A., Timofeenko V.A. Social contradiction in the context of social processes // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 1–2. S. 361–364.
6. Popov V.V., Musika O.A., Kozhenko Y.V. Social transformations in legal relations // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No 3–2. P. 315–318.
7. Popov V.V., Musika O.A., Timofeyenko V.A. Contradictions in the context of transitional periods of a transitive society // *International Journal of Experimental Education*. 2016. No. 7. P. 111–114.
8. Popov V.V., Scheglov B.S., Loytarenko M.V. Features of the integral interpretation of probability in the context of assessment factors and temporality // *Philosophy of Law*. 2015. No. 2 (69). P. 23–27.
9. Popov V.V., Agafonova T.P. The specificity of the temporality of legal consciousness of a social subject // *Fundamental research*. 2015. No. 2. P. 5730–5733.
10. Popov V.V., Samoilova I.N., Scheglov B.S. Analytical philosophy of history in post-non-classical discourse. Taganrog, 2007.
11. Shemanov A. Yu. Inclusion in the context of contemporary discussions: philosophical and cultural studies / Psychological and pedagogical foundations of inclusive education: a collective monograph. M.: MGPPU, 2013. – P. 25–38.

Понятие о личности в философско-религиозном наследии русского мыслителя И.В. Киреевского (1806–1856)

Сизинцев Павел Васильевич,

кандидат богословия, выпускник аспирантуры Московской православной духовной академии
E-mail: sizinpash@yandex.ru

Статья посвящена анализу философско-религиозного наследия русского мыслителя И.В. Киреевского с социально-антропологическим осмыслением всех элементов его произведений (с учетом привлеченных источников, рассматриваемых тенденций мышления, оценки применяемых им критериев, критического разбора его идей нравственности и личных свойств). Автором проведен историко-критический обзор понятия значимости личности в социально-философских представлениях И.В. Киреевского.

Ключевые слова: личность, общество, экономика, нравственность, крестьяне, философско-критический подход, собственность, бытие, право, человек, достоинство.

Учение о личности и личностном бытии на православной основе активно разрабатывалось религиозным мыслителем И.В. Киреевским в его философских и публицистических статьях. Он рассматривал сознание человека в качестве источника веры человека в Бога опираясь на личный опыт духовного молитвенного общения как акта религиозного сознания. Благодаря осмыслению этой интуиции он первый из русских философов акцентировал внимание на сознании и самосознании как качественных свойствах личности. Для него было особенно важно личное отношение человека к Богу, которое мыслитель ценил более приобретенных из книг религиозных знаний.

И.В. Киреевский считал, что вера выражает личное самосознание человека, цель которого – «собрать все части души в одну силу»¹ и объединить такие свойства, как разум, воля, чувства, совесть, красоту и правду. Живое проявление этих качеств формирует личность человека в ее изначальной гармонии. При этом, Божественная личность Творца также становится представлением и образом сознания, которое определяет состояние духовной обращенности человека к Господу. Таким образом, в человеческом сознании сосуществуют самосознание человека, образ Божий и вера, как свойство осознания Бога. Мыслитель пытался связать веру, любовь и общение в акте единства самосознания и «непосредственности» опыта Богообщения»² человека. Общение с Богом в данном контексте также представляет собой личностную характеристику человека, имеющего дело с реальностью Божественного присутствия в уме («верующем мышлении») и в сознании (как «отношении живой божественной личности к личности человеческой»), хотя налицо размытость терминологии и эклектичность рассуждений. В то же время следует отметить и определенную преемственность мыслей с рассуждениями православного святого прп. Исаака Сирина, который считал, что вера и есть «духовное ведение» открыто и тесно связывая веру и сознание с прямым присутствием в человеке Святого Духа, пронизывающего душу и тело и «освещающего человека изнутри»³.

И.В. Киреевский отстаивал понятие «целостной личности», полагая, что в Европе личность раздроблена и начало этому было положено в ан-

¹ Киреевский И.В., Полное собрание сочинений: в 2 т. / Т. 1. – М.: Типография Императорского Московского Университета, 1911. – С. 274.

² Антонов К.М., Философия Киреевского. Антропологический аспект. – М.: ПСТГУ, 2006. – С. 197.

³ Исаак Сирин., прп. Слова подвижнические. – М.: Правило Веры, 1993. – С. 128, 132.

тичности. Была рассечена «цельность умственного самосознания и корень внутренних убеждений человека», что поставило их «вне нравственного и эстетического смысла, в отвлеченное сознание разума»¹. Цельность личности на Западе была утрачена вследствие увлечения силлогистикой, где рассуждение взяло верх над духовностью. В итоге исходя из чувственности западное мышление пришло к позитивизму, а вследствие отвлеченной рассудочности, далее к рационализму. Так как в учении православного Востока объяснения личности отсутствовали, то философ пришел к выводу, что личность в восточном понимании оставалась цельной. Он даже не задумался была ли на Востоке личность вообще. Антропология мыслителя имела динамический аспект, поскольку человек у него не исчерпан тем, что он «есть». В своем текущем состоянии человек способен и обязан возвыситься над собой и подчинить опытную сферу своего личностного бытия внутреннему центру самосознания «Я» – центру личностных свойств.

В среде славянофилов считалось, что рационализм влечет за собой неизбежный отказ от целостной личности в человеке, а вот православие, напротив, воспитывает единого самосознанием и разумом человека, который свои действия и поступки связывал с понятием ума в средоточии сердца. Однако, эта точка зрения высказывалась без каких-либо серьезных оснований и весомых аргументов. Одновременно имела место точка зрения о том, что и сердце есть средоточие личности, и именно оно несет личностное начало. Поэтому, славянофилы считали себя вправе напомнить католичеству о «существенной личности человека»². Мыслитель полагал, что в человеке есть общая сердцевина разума, особый внутренний центр, где находится самосознание и зрение ума. В данном контексте следует отметить явную противоречивость И.В. Киреевского, который с одной стороны противопоставлял разуму сердцевину личности, а с другой стороны объявлял содержанием этой сердцевины уже разум человека.

Судя по его философскому творчеству, мыслитель сам ценил мышление и разум не менее католичества, которое критиковал. До уровня понимания роли сознания в личности человека в своих рассуждениях он так и не поднялся, хотя его принципом его антропологических рассуждений всегда была цельность человека, как носителя природы и личности. Цель личностного бытия: «собрать в неделимую цельность все силы человека, которые находятся в состоянии разрозненности для возрастания его духовного зрения»³. Особый интерес для философа представляла структура че-

ловеческой личности, пространством существования которой была *телесная* и «*духовная сфера*»⁴.

Разум в понимании личностной структуры выступал как синоним духовного начала и противопоставлялся анализирующему рассудку. Мышление же должно было подняться до сочувственного согласия с верою в идеальной личности. Вера же для разума составляла «авторитет внешний и внутренний, обуславливающий высшую разумность»⁵. Ибо в этом случае само бытие личности означало и обуславливало нравственный образ жизни. Только в результате сознательного и добровольного объединения в одну гармоническую целостность всех духовных сил в человеке и его активного стремления достичь истины, человек оказывался способен изменится к лучшему. Он должен был обрести возможности духовно-мистической интуиции, получить доступ к божественной истине, и далее жить высшими ценностями священного Писания и Предания. Учение церкви требовало от человека осознанного нравственного бытия, ориентированного на православный идеал богочеловека Иисуса Христа. И хотя, люди *не могут избежать греховности, в силу удобопреклонности к греху собственной природы, они могут и должны получить духовную помощь от Бога как личности*. Это, как это ни удивительно, полностью соответствовало современному взгляду православного персонализма, согласно которому «*Пресвятая Троица обеспечивает наше существование как личностей*»⁶.

Также И.В. Киреевский считал, что все люди духовно взаимосвязаны и каждая личность возрастает не только через анализ самосознания, но и через межличностное общение людей друг с другом. Вера рассматривалась как свойство личности, но только как действительное событие внутренней жизни, через которое «человек входит в существенное общение с Высшим миром, с Божеством»⁷. Ибо Бог является живой Личностью и выражает непосредственное отношение к личности человека в его молитвенном общении. Характерно, что мыслитель считал Божественной личностью Бога, проявляемого в трех Божественных Лицах и их ипостасях Пресвятой Троицы. Выражение веры содержалось в личном присутствии в человеческом сознании и Бога и человека.

Принципиально важно подчеркнуть, что человек познает себя и раскрывает свою личностную сущность в значительной степени через отображение себя в глазах другого человека. Таким образом, общение человека проявляет для него

⁴ Коваленко Н.С., Единство во множестве: личность и народ в философии славянофилов. – Мурманск: НИЦ Пазори, 2000. – С. 54.

⁵ Киреевский И.В., Полное собрание сочинений: в 2 т. / Т. 1. – М.: Типография Императорского Московского Университета, 1911. – С. 250.

⁶ Staniloae D., The Experience of God. Vol. 1: Revelation and Knowledge of the Triune God. – Brookline-Massachusetts: Holy Cross Orthodox Press, 1994. – P. 276.

⁷ Киреевский И.В., Разум на пути к Истине. – М.: Правило веры, 2002. – С. 287.

¹ Киреевский И.В., Избранные статьи. – М.: Современник, 1984. – С. 250.

² Киреевский И.В., Разум на пути к Истине. – М.: Правило Веры, 2002. – С. 228.

³ Киреевский И.В., Полное собрание сочинений: в 2 т. / Т. 1. – М.: Типография Императорского Московского Университета, 1911. – С. 249.

источник смыслов бытия, которое задается в межличностном диалоге. Целостность выступает здесь свойством личностного бытия, посредством которого человек призван стремиться к высшим ценностям православия, в меру своего личностного начала. Единство личности должно снять болезненное противоречие между умом и верою, конфликт внутренних убеждений и внешней жизни человека, утвердить разумом истину душевную над естественной, связав их в одну живую мысль. Познание у философа есть взаимное общение личностей, и именно свобода есть условие приближения к Божественной Истине. Ибо, слово как прозрачное тело духа должно дышать свободой внутренней жизни. Поэтому, И.В. Киреевский считал, что Россию нужно вернуть к православию Киевской Руси, возродить дух, который хранился в народе. По сути дела, он разработал учение о вере, где:

- Личность посредством общения с Богом становится способна само-сознавать себя,
- Личность не возникает внутри исторического процесса, но формируется путем самостоятельного и самобытного развития каждого человека,
- Личность метафизична и имеет качественные выражения своих свойств,
- Уникальные свойства личности – разум, самосознание, вера, воля, свобода, творчество, стремление к нравственному идеалу.

На основании выше исследованного дискурса допустимо сделать вывод о том, что понятие о личности в философском творчестве И.В. Киреевского имеет определенные особенности. Западноевропейскому индивидуализму противопоставлялся персонализм восточного христианства как в личном, так и в соборном начале. Особенность его религиозной мысли в том, что мыслитель пытался вернуть в бытие смысловую наполненность, самодостаточность, цельность, видя центр умного зренья как средоточие личности, возвышение мысли до синтеза с верой, скептичность в отношении рациональности. Лишь наличие Бога, сотворившего мир единым целым, как и индивидуальные личные «Я» каждого человека, дало возможность их совместного существования. Нельзя также не отметить влияние наличия связей любви, интуиции, пронизательности, духовно-мистического постижения окружающей человека действительности.

В отличие от классического немецкого идеализма у И.В. Киреевского рассматривался не абстрактный субъект, а человек, как личность в ее общении, творческой состоятельности и духовной полноте, выражаемой в сознании, как сфере «рационального отвлеченного мышления»¹. Это противопоставлялось западному взгляду на человека и все общественное европейское устройство, социально-правовая основа которого базировалась на праве собственности, и чье соперничество собственников привело западное общество

к естественному индивидуализму. Именно носители силы и воли, сознания и разума – живые люди, обладают онтологической реальностью. Основой их бытия являются любовь и свобода, так как любовь, создает истинное содержание свободы. Русский философ к концу жизни создал свою концепцию духовного опыта, определяя познание как акт жизни и причастности к Богу, а также как соединение всех человеческих способностей в вере. В вероучении православия закон греха и рабства ему, побеждается законом свободы через освящение и просвещение человечества воплощением Иисуса Христа.

Благодать, дарованная Богом, служит для жизни всех и несет в себе все вселенское человечество. Следовательно, проблему бытия человечества необходимо было решать принципиально новой постановкой вопроса о человеке, сущности его человеческой природы и личности. Будучи духовным сыном прп. Макария Оптинского, И.В. Киреевский считал целостность, ум и веру главным достоинством русского духа и характера.

Цель духовной жизни человека состоит в том, чтобы объединить в неделимую целостность все силы, находящиеся в противоречиях, дабы человек не признал логической способности за единственный исток разума. Иначе в характере формируется эгоизм как главный мотив и исток поведения. При этом, философ постоянно искал в глубине души человека внутренний стержень разумеия, под которым подразумевал объединяющее все душевные силы человека в единое восприятие действительности свободное, основанное на любви и других чувствах творческое начало в человеке. То есть, как раз тот самый набор личностных проявлений, что в русской религиозной традиции XIX века впоследствии по совокупности вышерассмотренных признаков станут называть личностным началом человека. В религиозном мировоззрении И.В. Киреевского личность есть высшее проявление духовной сферы человека, которая выражается в разумности и стремлении к Богопознанию в личностном бытии. Личность проявляется в религиозности, вере, творчестве, существовании самосознания, свободе и воле как побудительной необходимости духовного развития. Структуру взаимосвязей личности и элементов общества мыслитель представлял в следующем виде:

Личность – община (монастырь) – Церковь – народ – Земля.

Личность в данной схеме философ видит исключительно как личность «смирненного инока», подвижника, создавая своим описанием личностный идеал. Это человек, который «не развлекаясь радостями и страданиями жизни, предавался изучению высших истин, соединяя умозрение с молитвою, мысль с верою, дело самоусовершенствования с делом самопознания, в постижении премудрости Св. Отцов»².

¹ Киреевский И.В., Критика и эстетика. – М.: Искусство, 1979. – С. 328.

² Киреевский И.В., Критика и эстетика. // Девятнадцатый век. – М.: Искусство, 1979. – С. 227.

Таким образом, резюмируя, следует констатировать, что личность у философа определяется проявлением особых уникальных качеств в душевной и духовной сферах. Человек в полной мере способен обладать качествами любви, творчества, самопознания, общения, нравственного поведения, в гармоничном единстве телесно-душевных переживаний и самосознания. Чем искреннее молитвенное обращение человека к Богу, тем больше душевных сил и качеств его личности принимают участие в этом процессе. Ибо на богообщение способен лишь человек, обладающий духовным зрением в неповторимой самобытности своей уникальной личности. А нравственная победа православного верующего есть и «духовное торжество для всего христианского мира»¹. В присутствующем в творчестве И.В. Киреевского понимании души, духовно-нравственная основа выступала базисом личности. Относительно него мыслителем выстраивалась иерархия побуждений внутренней жизни человека, где стремление к идеалу выступало смысловым основанием стратегии нравственного поведения человека.

Литература

1. Исаак Сирийский, прп. Слова Подвижнические. – М.: Правило Веры, 1993. – 435 с.
2. Киреевский И.В. Полное собрание сочинений: в 2 т. // Т. 1. – М.: Типография Императорского Московского Университета, 1911. – 289 с.
3. Киреевский И.В. Полное собрание сочинений: в 2 т. // Т. 2. – М.: Типография Императорского Московского Университета, 1911. – 300 с.
4. Киреевский И.В. Критика и эстетика. – М.: Искусство, 1979. – 440 с.
5. Киреевский И.В. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984. – 384 с.
6. Киреевский И.В. Разум на пути к Истине. – М.: Правило Веры, 2002. – 662 с.
7. Антонов К.М. Философия Киреевского. Антропологический аспект. – М.: ПСТГУ, 2006. – 235 с.

8. Коваленко Н.С. Единство во множестве: личность и народ в философии славянофилов. – Мурманск: НИЦ Пазори, 2000. – 135 с.
9. Staniloae D. The Experience of God. Vol. 1: Relevation and Knowledge of the Triune God. – Brookline-Massachusetts: Holy Cross Orthodox Press, 1994. – 420 p.

TITLE OF THE ARTICLE: THE CONCEPT OF PERSONALITY IN THE PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS HERITAGE OF THE RUSSIAN THINKER I.V. KIREEVSKY (1806–1856)

Sizintsev P.V.

Moscow Orthodox Theological Academy

The article is devoted to the analysis of the philosophical and religious heritage of the Russian thinker I.V. Kireevsky with social and anthropological understanding of all elements of his works (taking into account the sources involved, the considered tendencies of thinking, evaluation of the criteria used by him, critical analysis of his ideas of morality and personal properties). The author conducted a historical and critical review of the concept of the importance of personality in the socio-philosophical views of I.V. Kireevsky.

Keywords: personality, society, economy, morality, peasants, philosophical and critical approach, property, being, right, man, dignity.

References

1. Isaac the Syrian., St. Words Ascetic. – M.: The Rule of Faith, 1993. – 435 p.
2. Kireevsky I.V., Complete Works: in 2 vols. // T. 1. – M.: Printing House of the Imperial Moscow University, 1911. – 289 p.
3. Kireevsky I.V., Complete Works: in 2 vols. // T. 2. – M.: Printing House of Imperial Moscow University, 1911. – 300 p.
4. Kireevsky I.V., Criticism and aesthetics. – M.: Art, 1979. – 440 p.
5. Kireevsky I.V., Selected articles. – M.: Sovremennik, 1984. – 384 p.
6. Kireevsky I.V., Reason on the way to Truth. – M.: The Rule of Faith, 2002. – 662 p.
7. Antonov K.M. Philosophy of Kireevsky. Anthropological aspect. – M.: PSTGU, 2006. – 235 p.
8. Kovalenko N.S. Unity in the set: personality and people in the philosophy of the Slavophiles. – Murmansk: SIC Pasori, 2000. – 135 p.
9. Staniloae D. The Experience of God. Vol. 1: Relevation and Knowledge of the Triune God. – Brookline-Massachusetts: Holy Cross Orthodox Press, 1994. – 420 p.

¹ Киреевский И.В., Полное собрание сочинений: в 2 т. / Т. 2. – М.: Типография Императорского Московского Университета, 1911. – С. 277–278.